

ISSN 2227-4413

ВЕЛИКОРОССЪ

Литературно-исторический журнал

№4(38) 2020

Главный редактор –
И.Ю. ГОЛУБНИЧИЙ

Шеф-редактор –
С.Г. ЗАМЛЕЛОВА

Зав. редакцией –
Г.В. МАМОНТОВА
galina-mamontova@mail.ru

Ответственный секретарь –
В.И. РУСАКОВ
pechat-vr@yandex.ru

Художник-верстальщик –
Р.А. ВОДЕНИНА

Редактор-корректор –
Н.Б. АЛЕКСЕЕВ

Редакция:
ООО «Издательский дом
ВЕЛИКОРОССЪ»
141730, Московская область,
г. Лобня, ул. Крупской,
д. 16, кв. 111

Рукописи и отзывы
принимаются по e-mail:
pechat-vr@yandex.ru

Электронная версия:
www.velykoross.ru

В номере:

Слово главного редактора 3

ПРОЗА

Виктор ЛИХОНОСОВ
Ветхая тишина у гирла 4

Валерий АРШАНСКИЙ
Странный мальчик 79

Юрий РЫЧЕНКОВ
Несчастный случай 129

Геннадий ГУСАЧЕНКО
От добра не ищут добра 162

Олег ЧЕРНЯК
Новеллы 185

ПОЭЗИЯ

Игорь ТЮЛЕНЕВ
«Сиротства русская печаль...» 12

Людмила МЕЖИНЬШ
«Отливается осени медь...» 33

Андрей ГАЛАМАГА
Неисповедимый снегопад 48

Пётр МЕЖИНЬШ
«Следы уходят вдаль...» 70

Владимир СОРОЧКИН
Помню о вас 82

Анна МАЯКОВА
«В глубине зазеркалья иного...» 94

Виктор КАШКИН
«Иду по тракту млечному...» 120

Николай ГОЛОВКИН
«И огни Комарова всё зовут и зовут...» 124

Василий ЛОВЧИКОВ
Есть повод вспомнить... 135

Некоммерческое издание
Литературно-исторический
журнал **ВЕЛИКОРОССЪ**
№4(38) 2020
Выходит четыре раза в год
Распространяется бесплатно

16+

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
06.07.10.

Свидетельство о регистрации:
ПИ №ФС77-40753.

Учредитель и издатель:

С.Г. Макеева

141301, Московская область,
г. Сергиев Посад, а/я 16.

Подписано в печать 21.12.20.

Формат 70x108/16.

Усл. печ. л. 16,8.

Тираж 1000 экз.

Заказ G-8470

Отпечатано

в цифровой типографии

«Буки Веди» на оборудовании
KonicaMinolta

ООО «Ваш полиграфический
партнер», 127238, г. Москва,
Ильменский пр-д, д. 1, корп. 6.

Тел.: (495) 926-63-96,

www.bukivedi.com,

info@bukivedi.com

Евгений ХАВАНОВ
«Ещё говорила мама...» 138

Юлия АЛЕКСАНДРОВА
Хокку. Трёхстишия.
Японские по форме. Русские по духу.....158

Дмитрий МИЛОВ
«Манна твоих небес...» 170

Надежда ОХРИМЕНКО
«Только б о России мне замолвить Слово...»177

Юрий ЯХОНТОВ
«И берёзам снится май...» 180

ЮБИЛЕИ

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА
«Из времени в вечность...»
(к 200-летию А.А. Фета).....25

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Елена ДУБРОВИНА
«И слово выгранил, как меч...»
Русский поэт Валентин Сорокин 60

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Николай КАРТАШОВ
Радетель русского народа
Штрихи к портрету славянофила
Ю.Ф. Самарина.....40

75 ЛЕТ ПОБЕДЫ

Василий ПОЛЯКОВ
Они защищали Родину и обороняют её 98

ДРАМА

Юрий БОГДАНОВ
Штурм. Драматическая поэма 145

ПАМЯТЬ

Евгения ПОЛЯКОВА
В.С. Гризодубова – женщина-легенда 172

Слово главного редактора

**Уважаемый читатель,
дорогой соотечественник!**

Уходящий год запомнится надолго. Он неожиданно и жёстко заявил, что любая стабильность в условиях управляемого мировой закулисы беззаконного хаоса, которым является современная жизнь, хрупка и ненадёжна. Законы бытия остаются жестокими, как и столетия назад, а нынешний всемирный психоз создал новые условия для ужесточения непрекращающейся вечной битвы «всех против всех». В сущности, уходящий год не открыл нам ничего нового, просто заставил несколько по-иному посмотреть на давно знакомые вещи. Мы постоянно слышим со всех сторон, что мир уже не будет прежним, что будущее увидят только те, кто найдёт в себе силы и способности изменить себя в соответствии с новейшими мировоззренческими установками (которые услужливо и навязчиво подсовывают нам «либеральные» СМИ). Следует знать и помнить о том, что наше будущее начинается уже здесь и сейчас. Не питать иллюзий, не откладывать жизнь до лучших времён, оставаться собой и действовать в соответствии с принципами традиционного гуманизма и голосом совести. Экономические потрясения не истребили в людях любви к жизни – во всей её полноте, сложности, жестокости и благодати, и это главное. Наша общенациональная духовная целостность даёт нам прочную почву для сдержанного оптимизма. Мы знаем, что в нашей истории бывало и не такое. Уходящий год был ознаменован священной для нас юбилейной датой – 75-летием Великой Победы многонационального советского народа над немецко-фашистским агрессором и его сателлитами. Сегодня Россия, как и во все времена, ощущает на себе хищное внимание своих заклятых западных «партнёров». Жизнь продолжается и ставит новые задачи. Наша сила – в единстве.

Журнал «ВЕЛИКОРОССЪ» поздравляет всех своих друзей и единомышленников, авторов и читателей, с наступающим Новым 2021-м годом! Счастья Вам, благополучия, вдохновения!

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Кандидат филологических наук

Заслуженный работник культуры Российской Федерации

Заслуженный работник культуры Чеченской Республики

Заслуженный работник культуры Республики Дагестан

Мнение редакции необязательно совпадает с мнением автора. Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты. Редакция в переписку не вступает. Рукописи не рецензируются. Принятые рукописи могут быть отредактированы. Любое воспроизведение материалов или их фрагментов на любом языке возможно только с письменного разрешения правообладателя.

© Литературно-исторический журнал «Великороссъ», 2020

© Авторы, 2020

Ветхая тишина у гирла

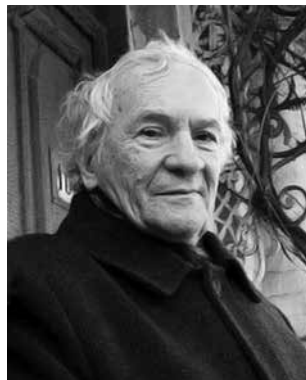
Если бы знать, что ожидает нашу ровную советскую жизнь, если бы сам Господь насторожил нас на несчастную перемену и прочие бедствия, больше бы дорожили отпущенным благом, успели бы еще пожить в охотку, ничего такого, что не достанется запросто потом, не упустить, всякой всеми вместе нажитой привычной привилегией воспользоваться. О, если бы, если бы...

Всё в той потерянной жизни обходилось проще, неприхотливей, дешевле, можно было устремляться во все концы и нигде вдалеке не пропасть.

Теперь есть о чём пожалеть... Зря я не торопился, не объездил даже те земли, где меня приняла бы родня...

В Ташкенте жил брат отца Тимофей Фёдорович, который к братьям, Степану и Петру, ни разу в Новосибирск не выбирался; до войны и после войны подняться в дорогу из Средней Азии – это целая история, хотя наши елизаветинские хохлы в Кривощёкове не раз попадали в бригаду проводников, ездивших в Ташкент и Ашхабад и привозивших, помню, вкусный урюк. По отцу родня была не той заботливой дружной породы, что со стороны матери (ласковая, щедрая, никого из своих не забывавшая). С двоюродными сестрёнками и братишками я и виделся чаще, и знаюсь до сих пор, а по отцовскому корню дружил только с тремя сестрёнками, любившими и жалевшими «тётю Таню», мою матушку. В Ташкенте могла бы застрять моя биография, если бы дядя Тимофей не испугался, что я приеду поступать в институт и потесню его семейство: на жалобную просьбу мою он не ответил. И, может, к лучшему. Не было бы у меня Тамани, Пересыпи, не написал бы я роман о Екатеринодаре и не встретил в хуторе у речки Псебепс моих спасителей – Терентия Кузьмича и Марию Матвеевну, о которых мой первый рассказ «Брянские». И уж ни за что не переехала бы из Сибири в Ташкент или в Ургенч моя матушка.

Ашхабад, Душанбе, Алма-Ата промелькнули для меня только в разговорах и в литературе.

Виктор Иванович Лихоносов (р. 1936) – советский и российский писатель, публицист, педагог. Член СП СССР с 1966 г. Живёт в Краснодаре, возглавлял литературно-исторический журнал «Родная Кубань». Член высшего творческого совета при правлении Союза писателей Российской Федерации, почётный гражданин города Краснодара, Герой Труда Кубани. Лауреат литературных премий, имеет государственные награды.

Живёт в Краснодаре.

Да и в Тбилиси не проскочил я покопаться в архиве в фонде царского Наместника на Кавказе. И поездом Симферополь-Баку не прибывал я к азербайджанским писателям. А в Махачкале не посидел на вечере Расула Гамзатова и не постоял там, где князь Барятинский встретил пленного Шамиля.

Всё откладывал и надеялся на другие дни. Вся земля общая, успею.

А потом уж, когда после ельцинского переворота стакан чая на вокзалах стоил сто рублей и всюду можно было ожидать разбоя, много не наездишься.

Но и поздно уже, мои сроки прошли.

Самая короткая моя дорога – в Пересыпь и в Тамань.

У гирла, вытекающего из Ахтанизовского лимана и впадающего в море, сижу я среди чаек, разгребая ракушки и с кем-нибудь далёким разговариваю. Мне легко кого-то приплетать к себе. Побуду с одним, перемолвлюсь вдалеке словцом, подцеплю другого, нынче со мной ты, так послушай, как ворочаются волны, вбрасывают ракушку, за день нагребут целую горку. Я один, со мной только чайки – над водой, на песке. Впереди, к востоку, с гравюрной чёткостью виден холмистый край Голубицкой, именно там белый маяк, от которого я, приближаясь, всегда приветствую душой Пересыпь и лукоморье. А на западе под тучами гнётся серпом Кучугурский берег, и за мысом, если стать там на круче, можно разглядеть Керчь. Повернусь к востоку – подумаю о нашем нежном зауральском писателе в сосновой деревне у Тобола и протянусь в Сибирь, к родным берегам Оби.

А нынче ты, мой быстроногий вятский летописец, перебираешь со мной мокрые ракушки. Ты скачешь по белу свету как молодой, двенадцатый раз падаешь на колени у Гроба Господня и ещё подаришь мне книжки о пядях земных и «море житейском». Я же с тростинкой хожу вдоль воды, и хрустят под моими подошвами ракушки.

Никуда далеко не выбираюсь, самая длинная моя дорога – сорок вёрст – в Тамань. Вчера там был. В той, голубчик, Тамани, где построил монастырь преподобный Никон, где (уж позволь напомнить тебе лишний раз) вытеснялись век за веком греки, татары, черкесы, генуэзцы, турки, где Суворов пил чай с запорожцем Захарием Чепигой, а легкий молодой Пушкин постоял мгновение на круче, печальный Лермонтов невзлюбил слепого мальчика, где высаживался на берег по пути в Екатеринодар Александр Второй и ночевал, может, в какой-то хате, в той самой Тамани, где спустя много десятилетий нечаянно, но только для тебя одного возникла девочка Надя и притянула тебя однажды за руку полюбоваться горою Лыской и Керчью, в этой, о Господи, Тамани не пристают уже четверть века к берегу катера и не качаются на волнах лодки рыбаков, и столько же не плачет у морской камки та самая девочка, которую ты выманил в Москву навсегда.

Вы не пишите мне из своего знаменитого Камергерского проезда, не вспоминаете меня и мои пересыпские углы.

А я нет-нет да и полистаю твои страницы.

Нынче целый день ленился во дворе, разговаривал с матушкой, перечитывал ей письма из Топок, Запорожья и Петрозаводска, перебирал и раскрывал книги.

«В Вифлееме, – пишешь ты, – я жил целых десять дней. Как же я любил и люблю его! И какое пронзительное, почти отчаянное чувство страдания я испытывал, когда во второй раз завезли нас в Вифлеем на два часа. Да ещё и подталкивали: скорей! скорей!»

Я тоже бывал в Вифлееме, спускался к яслям Христовым на одно мгновение.

«К счастью, — пишешь, — я много минут был один-одинёшенек у Вифлеемской звезды, у яселек».

А я был в маленькой толпе писателей, и в то мгновение не понравились мне наши знаменитости: они постояли и поглядели на всё как туристы, не крестились, не подползали на коленях к звезде — такая была на лицах привычная учёность, усталая мудрость, будто они сами явились из древности, звезду в небесах заметили раньше пастухов и в сей миг ждут почтения к себе. Неужели игумен Даниил в XII веке, описавший своё хождение в Константинополь и Иерусалим, был темнее и достоин «милостивого снисхождения» просвещённой братвы? Не поленился, отыскал его томик...

Видел ли ты в двух верстах от Вифлеема «заброшенную часовню в масличной роще» во имя ангела — благовестника? О ней пишет Фаррар, его тяжёлый том «Жизнь Иисуса Христа» я разворачиваю в канун святых праздников... Отчего так? У Фаррара и в старых книгах о Святой земле рисунки, гравюры, первые фотографии украшают мотивы священных преданий с какой-то чудесной допотопной ветхостью и так чутко притягивают к Богу, к молитве, что весь как-то мигом смиряешься, вздохнёшь, поклонись равнинам Галилеи и Иерихона, заложённым окнам церкви Гроба Господня, холмам и низинам с библейскими овцами.

Теперь, в тесноте цивилизации, трудно собрать чувство, как в старину.

Разве что в позднюю осень пустота намекает на нетронутую песчаную округу (где нынче Голубицкая и Пересыпь), вечно одинокую в те стародавние времена, когда греки плавали мимо по Меотиде и из Ахтанизовского лимана выгибалась протока пошире нынешнего гирла. Я у гирла-то и вспоминаю тебя, держу твою паломническую книжку «Незакатный свет». Чайки в кучке белеют грудками и будто следят за мной. Никого! Пустота в море и в небе, и, кажется, за высоким берегом в посёлке всё вымерло. И эта мелодия тысячулетней пустоты в этих окрестностях слышна мне.

Но что я тебе посылаю свои вздохи? — ты далеко-далеко от меня и ничего не угадываешь, и зависти моей не чувствуешь. Все-то ты повидал, всему поклонился, крестики освятил, камешки подобрал и там, где крестили княгиню Ольгу (в Айя-Софии), предполагаемый уголок облюбовал, а я, бедный, лишь чайкам читаю твои признания: «Прощай, Стамбул! И да живёт в наших душах Царь-град, столица Византии, город храма Святой Софии, Влахернской иконы Божией Матери...» А ещё я не забываю, что ты по девять часов стоял на молитве в Пантелеймоновом монастыре с монахами, двенадцать раз падал на колени у Гроба Господня, босиком шёл к Иерихону.

Здесь у гирла я начал писать в тетрадке о поездке писателей на Север и после первой странички не могу тронуться дальше. Нет подходящих слов. Всё затаённо — дорогое остаётся тонкими волосками в тебе, тянется долгим напевом. Слова убоги.

Теперь, после того, что случилось в нашей стране в конце века, отражается во мне какая-то другая жизнь, поездка наша кажется прощальной, и потому прощальной, что больше такое не повторилось, хотя до ельцинского переворота начислялось ещё целых десять лет. Так много утекло воды, и столько из той компании покинуло божий свет, что мне теперь горько выбирать мгновения, жалеть, что их больше так не прожить. Вот на Ленинградском вокзале появляются писатели-«деревенщики» и радуются друг другу, как родственники:

Сергей Павлович Залыгин, Виктор Петрович Астафьев с Марьей Семёновной, Василий Белов, Валентин Распутин, Владимир Крупин, Виктор Потанин, Анатолий Ким, Владимир Гусев, Владимир Коробов, Борис Романов, добрый покровитель русских почвенников Валерий Ганичев и ещё кое-кто; в Петрозаводске и Мурманске пристанут к ним Д. Балашов, В. Бондаренко, В. Маслов.

И это я, бывший школьный учитель под песчаной Анапой, в сей честной компании?

Теперь только восклицаю: о, как посчастливилось!

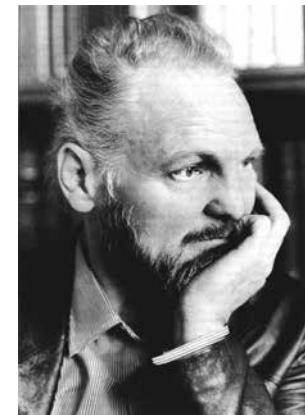
Рассказ «Брянские» и повесть «Люблю тебя светло» вытянули меня в писатели. А то так бы и забили меня в школе ученические тетрадки и педсоветы.

Так бы и не пристал близко к Распутину, Астафьеву, Белову, Балашову, Олегу Михайлову, вообще никогда не послушал бы их за обедом, на прогулке. А что уж говорить о писателе из зауральского села Утятка, о моём окрепшем тесными узами Викторе Потанине, который о чём-то спросил меня в издательстве «Молодая Гвардия» да так и не переставал спрашивать десять лет.

Мы с ним поместились в одном купе с Астафьевыми; Марья Семёновна сказала: «Ну вот, аж три Вити у меня стало, а то был один, да и тот стал недоедать». И мы как-то семейно захохотали. Так же по-семейному расселись трапезовать, к нам добавилось ещё человек пять, сплотились бок о бок, и началось. И вот не воскресить этого! Ни речей, ни гогота, ни лиц не закрепились

С.П. Залыгин (1913–2000)

В.Н. Крупин

В.Г. Распутин (1937–2015) и В.И. Белов (1932–2012)

В.И. Гусев

В.Ф. Потанин

А.А. Ким

В.Б. Коробов (1953–2011)

В.В. Личутин

Б.С. Романов (1936–1998)

В.Н. Ганичев (1933–2018)

механическими секретами. И строчек в тетрадках, в блокнотиках не спряталось ни у кого. Мало дорожили мгновением? Жили и жили. А что запомнилось – теперь как золотая песчинка. Даже такое: ночью я слез со второй полки и не мог повернуть рычажок в двери; Астафьев услышал, поднялся, дернул ручку и выпустил меня. Мне было неловко, что разбудил... старика. А было ему всего пятьдесят семь. Недавно одолел я восемьдесят. И то, как я когда-то неловко разбудил Виктора Петровича, нет-нет да и привидится мне, и я загрущу на мгновение.

Утекли годы водою. Какую-то другую жизнь застали мы. Поездка на Север кажется нынче прощальной, именно кажется, потому что ничто не предвещало крутых перемен и катастрофы.

То был наш счастливый дружеский миг на земле. Расставание будет не скоро. Миг был в Мурманске, в Апатитах, Североморске, Кандалакше, а раньше всего в Петрозаводске, где я обрадовался появлению Дмитрия Балашова. Володя Бондаренко, больше известный в Малом театре, чем в литературных кругах, позвал на обед к родителям. Я ждал Балашова. И он возник на пороге, низенький, в сапогах, похожий на русского князя в учебниках истории. Толстые свои романы писал он за одну зиму, жил в деревне, держал корову, лошадь, сам косил траву, срубил избу. Я его побаивался. А вот Астафьев на него как-то

привередливо косился, чем-то он стал ему неуютен, может, даже этими вот мягкими сапогами, пояском на рубаше, невниманием к литературной знатности Виктора Петровича. В комнате с книжными полками он вынимал какой-нибудь томик и ставил назад, вынимал, взглядывал и хлопал корочкой, наконец вытянул сочинение Балашова, укрылся от нас у окна, перелистывал, читал с подозрением. Тут громко вошёл сам Балашов.

– Все знает князь Димитрий, – сказал Астафьев. Умноглазый Балашов слушал так, будто говорилось не про него. – Он и в Царьграде как свой, все углы Айя-Софии обсмотрит и патриарху Филофею руку облобызает так умело, что мы, чалдоны, позавидуем и через пять веков. Откуда такое? – Астафьев как-то нарочно разыгрывал удивление, а Балашов всё смотрел в пол. – Вон ему сам Мамай сказал, что станет вторым Батыем. Всё знает и пишет аж залюбуешься: как это можно подсмотреть и подслушать через целые столетия? «Князь Дмитрий сидел у себя в спальне рядом с Дуней, а та навалилась ему мягкой грудью в колени и плакала». Да не было ли такой Дуни и у автора?

– И не одна, – признался Балашов строго.

– «Он, – послушай, – поспеел, потоптался, шагнул, привлек её к себе, мохнато поцеловал в лоб». Это когда вы так мохнато целовали и кого? Пойду-ко и я свою Марию поцелую, – съёрничал Астафьев и рукой приобнял невозмутимого Балашова, повёл к столу.

А я задержался и снял ту же книгу, прямо распахнул ее. И...

«Все эти люди умерли, от большинства из них даже не осталось могил. Ражие посадские молодцы, румяные девки состарились и сгнули тоже. Много раз сгорали и возникали вновь хоромы. Исчезали деревни. Все они нынче в земле, и мы не ведаем больше того, что скупно отмечено летописью, не знаем сказанных слов и только можем догадывать, о чем мог говорить князь, воин, девица...»

Я как раз писал роман о Екатеринодаре, и та же мелодия сожалений прокралась в мою душу.

Я слышал, как в другой комнате за столом Балашов ругает Петра Первого, а позже, когда вошёл, услышал уже: «А теперь и на Севере того нет... Я вчера написал про теремных затворниц, про страсти их тайные да про то, как с одного слова ласкового, походя сказанного, с одного взгляда, с шутилкой перебранки за углом бани девица приготовилась ждать (да не один год) того, кого почла своим, вечным».

– Так мы и выпьем за возвращение теремных затворниц! – сказал я, и все ахнули в поддержку.

А может, я уже выдумываю? Тот застольный миг тоже растянулся дымом, исчез; легче Балашову было описать баб за пряхками при татарах, чем мне петрозаводское застолье тридцать лет назад.

Я следил за одним Балашовым. Он спрячется в своей деревне, в Москве я его не увижу, а страсть как хочется послушать его, такого редкого русича, который живёт древностью и сегодняшним днем и чем-то выше нас, не знающих толком ни Владимира Мономаха, ни Ивана Калиту, ни Сергия Радонежского. Только через девятнадцать лет его убьют под Новгородом, где я ещё раз видел его на спектакле в Юрьевом монастыре и плясовом гулянии с народом, и у него дома за трапезой... в славные дни празднования 1000-летия Крещения Руси. Уже после смерти матери, в декабре 99-го, пил я с ним чай в подвале нашего Союза писателей в Москве, и он обещал будущей весной пожаловать в Тамань, и в январе я начал писать ему напоминание, но тут его и

не стало. Что-то такое дивное, неожиданное высказывал он тогда за чаем, но всю эту редкую вязь слов я не записал, а после мне не хватило дара восстановить. Жалею и по сей день, что не постоял Дмитрий Михайлович на той круче, с которой Пушкин видел Керчь (Корчев).

Да и все годы как-то пусто без него на самых опасных пядях сражений. Равняю в жалости к нему судьбу его с судьбою Василько Теревольского, князей Бориса и Глеба; и убил его, может, такой же Святополк. Помню, как я по-детски горевал, когда упоминал в «Осени в Тамани» о Васильке. Не тогда ли Господь вывел меня за руку на тропу сочувствия несчастливым кубанским казакам и прислал ко мне кроткого Попсуйшапку?

Балашову показал бы я береговую долину в Пересыпи, повёз за Ахтанизовскую на Гору Бориса и Глеба, услышал бы от него то, чего никто мне теперь не скажет, погадал бы с ним, где преподобный Никон основал монастырь, спустил бы его в наш погреб, нацедил холодного вина, а матушка постаралась бы нас покормить и потом, спустя время, спросила бы меня: «Так он чо – тоже писатель? Больно лобастый». Не случилось.

Мы путешествовали по Северу, а матушка меня каждый день «сопровождала», чувствовала, как я встречаюсь с тётёй Пашей, даже присоединялась издалека к нашей беседе, радовалась тому, как бы и она поговорила со своей деревенской подружкой. Сорок лет не виделись они, тётя Паша уехала из Кривощёково в Карелию вслед за дочкой, и больше уж им не увидеться на этом свете, и я каюсь, не догадался уговорить родню на поездку в Елизаветино. Всех собрать на один миг! Отец тёти Паши Григорий записан в церковной метрической книге при крещении отца моего – Иоанна.

И больше я ничего не знаю. Все годы после её отъезда я только и слышал жалобные возгласы матери, что нету теперь на болоте тёти Паши, да читал письма из Карелии с причитаниями: как плохо привыкать после Сибири к чужому краю.

«Сообщаю, – повторяю я нынешним вечером за письменным столом строчки тягучим напевом, пальцем вожу по строчкам, – что мы твоё, Таня, долгожданное письмо получили, я была рада, что и не описать. Мы были с тобою близкие подружки, а теперь столько лет не виделись. Мне уже 73 года. Было время, смеялись в Кривощёково, хохотали из-за всякого пустяка, а теперь всё отошло, дождёшься вечера, так скорей на койку. Вспомнишь, как мы жили в Кривощёково, сколько таскались с коровами, стояли на базаре за прилавком с молоком, варенцом, ещё и успевали друг у друга посидеть, гостей принять. Ты пишешь, что никак не можешь забыть Сибирь, конечно, милая, трудно забыть, жизнь некороткая прошла там, и мать там схоронила, а теперь как привыкать без своей улицы и болота внизу? Один сын, и то не рядом. Значит, так Богом дано. Дядько Тышко в нашей воронежской деревне умер; к нам в эту зиму приезжали оттуда, много про кого говорили, ну... я уже некоторых забыла. Охота поехать... Жду Витю, едет с писателями, пусть к нам зайдёт. Твоя Парасковья Григоровна».

Дочь Маруся приводила её на станцию попрощаться и еще раз передать привет «подружке Тане». Старушка чистенько принарядилась, стояла молжаво-худенькая в плаще, на голове плотный платок, нос тонкий, на одном глазу крошечное бельмо. Я подвёл к ней писателей.

«Мама выпрямилась перед ними как царица ... – писала нам в Пересыпь Маруся, – руки скрестила на палке, они один за другим подходили с поклоном, каждый что-нибудь сказал вежливое, а Витя всех называл, ну прямо как

Брежневу, представляли маму, мы потом смеялись дома: «Мамо, это на вас не похоже, вы как царица Екатерина перед ними, вы ж не той породы и не начальство, чтоб так строжиться...» – «А как я? – отвечает. – Они подходят, я благодарю, я книг не читаю, но це ж Витины товарищи, пишут чего-то, так ладно, я здоровкалась, а один постарше сказал: “Я тоже сибиряк” – “А я не сибирячка, я воронежская, кого выслали, а Лихоносовы, Витины мать и отец, сами поехали в Сибирь”. – “Порода” – сказал Астафьев. “Наша порода в деревне славилась. Осыкины. Осыкин пруд был. И Гайворонские. Лихоносовы похуже, их по улице называли Голычевы”. Я, тётя, люблю книги читать и рада, что увидела Астафьева, Белова. Белов сердитый, бурчит, сразу маму спросил: “Сколько коров было перед высылкой?” Распутин Валентин высокий, молчаливый, но добрый. Потанин, читала его повесть “Над зыбкой” и плакала, Личутин, росточку невысокого, разговорился, чуть на поезд не опоздали, Балашов наш петрозаводский, только посмотрел в глаза да так долго. А Крупин подарил маме иконку из Иерусалима, он там был. Мама была довольна. “Тане напишу, – сказала, – какие у Вити хорошие друзья”. Витя один у нашей родни выучился на писателя. Слава Богу. А был ну такой смиренный, слова не допросишься».

Матушка много раз перечитывала письмо из Петрозаводска, уходила на огород и там продолжала переговариваться с тётёй Пашей, тихонечко жаловаться на свою долю.

В дневнике моём сказано, что я дописывал главу, в которой Попсуйшапка рассказывал в поздние годы Толстопяту о смерти его сестры Манечки. К дню рождения Лермонтова я поехал в Тамань, оттуда в греческое село Витязево к дочери знаменитого атамана станицы Благовещенской Константина Юхно – ещё раз расспросить, ещё раз понадеяться на что-то чудное, ещё раз помянуть всех, кого давно нет.

У гирла всегда поджидали меня сгорбившиеся чаечки.

Я и нынче с ними. Перебираю ракушки, читаю, пишу и гадаю, не ходит ли сейчас босиком в Вифлееме мой вятско-московский дружок?

Он сейчас не слышит, как я с ним любезничаю вдаль, но когда-то, если допишу свои слёзные страницы, прочтает. Будем мы уже старенькими. А не читает ли меня московский вятч в те же часы где-нибудь в своей деревне, как я у гирла в Пересыпи? Вот они, его строчки: «Четыре места на белом свете, где живёт моя душа и какие всегда крещу, читая вечерние молитвы. Лавра, преподавательская келья. Никольское. Великорецкое. Кильмезь. Конечно, московская квартира».

А что у меня, кроме гирла? На дорогах углах моих топчусь я на всех страницах. Аминь.

ПОЭЗИЯ

Игорь ТЮЛЕНЕВ

Игорь Николаевич Тюленев – поэт. Родился в 1953 г. на Урале в славном посёлке Новоильинский Пермского края. Окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького в Москве (мастерская Юрия Кузнецова, 1991). Автор 22 сборников стихов и многочисленных публикаций во всесоюзных и всероссийских альманахах, сборниках, литературно-художественных журналах. Лауреат Всесоюзного литературного конкурса им. Н. Островского, премии Союза писателей России «Традиция» и др. Дважды лауреат журнала «Наши современники». За книгу стихов «В берегах славянства» удостоен награды «Серебряный Витязь-2017» на VIII Международном Славянском литературном форуме «Золотой Витязь» в Иркутске. Секретарь Союза писателей России.

Живёт в Перми.

«Сиротства русская печаль...»

Вставайте, командармы душ...

Тумены детородных слов,
Как соколы летят.
На Китеж, Клин и на Саров,
На Курск и Сталинград.

Все выползут из волчьих ям,
Провалов и щелей,
Ломая, как ненужный хлам,
Капканы на людей.

Давно пора нам побеждать,
Из храма гнать свиней.
Постой за нами, Божья Мать,
Как мать своих детей!

Светлеет соколиный лёт,
Седеет борода.
Стих возвращается в народ,
Как в океан вода.

И сладок сыромятный дух,
И быстрокрыл Пегас...
Вставайте, командармы душ
И властелины рас!

Русская печаль

Сиротства русская печаль,
Тоска по волюшке и счастью.
Природа, побледнев, как сталь,
Готовится принять участие

В твоей юдоли и судьбе,
Отдав тебе леса и Каму!
Природа, я вернусь к тебе,
Ну, разве ты заменишь маму?

Вдоль Камы до Лозы – пески
Без малого три километра!
Скрипят ступени без доски,
Но не от сплавщиков – от ветра!

Слетают кубарем года
С холмов до океанов-речек.
В баркасе прорыбачишь вечер,
Вернёшься – борода седа!

Зюйд-вест пригрелся на корме,
Пока читал я телеграмму...
Природа, я вернусь к тебе,
Но разве ты заменишь маму?!

Страна

Я пытался руками страну удержать!
Я зубами вцепился в её рукава!
Для неё я придумал такие слова,
От которых любая расступится рать!

Я поил лошадей ключевой водой,
Даже в русской телеге менял колесо!
И апрельское поле пахал как Толстой!
Если мало, я Родину вспомню ещё...

На поляне трава, словно кожа змеи,
До колена встаёт, но не жалит пока...
Это свойство оболганной русской земли –
Если жалить за дело, то наверняка!

Вот колёсный буксир, что плоты проволок
Мимо детства и юности, мимо меня.
Бурлаки в поворот лот бросали в песок,
Где шевелят песок земляков имена!

А я, дурень с сачком, выбегал на причал,
С детворой мы ловили сачком судачков!
Я на Каме плоты и суда провожал,
Ибо предки мои были из речников!

Я теперь о любви сочиняю стихи.
О стране сочиняю простые слова....
И страна меня держит, как мать за вихры:
– Ты опять расшалился, сорвиголова!

Русский Кавказ

Лежит баркас мой кверху дном,
Врастая в берег.
Растёт рябина под окном,
Грохочет Терек!

Невдалеке река Кума
Летит с предгорий.
Здесь мама родилась моя
У лукоморий.

Там и сейчас парит орёл,
Раскинув крылья.
Хребты перебегая в дол –
Рвут сухожилья!

А Терек падал на крыло
Высокой птице.
Кума была с ним заодно,
Плеснув водицей.

Прибила пыль от табуна
И человека...
Я здесь запрягал скакуна
В пачку «Казбека».

***

– В России стих непобедим! –
Так я сказал жене.
– Смотри, к нам наш вернулся Крым,
Как воин на коне.

«Когда мы возвратимся в Крым», –
Я кровью написал.
Глагол не превратился в дым,
Вернулся Крым – я знал!

Но как мой стих бесил врагов!
Гундосил либерал,
Как чёрт, хотя и без рогов –
Давно рога сломал..

А Крыму что? Он снова наш,
И наш в Крыму народ!
Вновь аки посуху Сиваш
Русь переходит вброд.

К Музе

Из городского лесопарка
Принёс подснежник для тебя.
Он в «Красной книге»! – вспомнил я,
Но для тебя мне книг не жалко!

Возьму стакан с простой водой,
Весенний день туда поставлю –
Вид исчезающий прославлю
Работой получасовой!

Да и поэт, что тут хитрить,
Вид исчезающий, конечно...
Одна лишь Муза в мире вечна,
Способная нас всех любить!

Пандемия

Вот вам – маска и перчатки,
Мне взамен – леса и доли!
Сорок дней сидим мы в доме
Глухо, как в советском танке.

Как в гнезде без крыльев птица!
Как на каторге повеса!
А захочешь вдрызг напиток –
Без друзей неинтересно.

И друзья томятся в брюхе –
Каменном ли, деревянном...
Утром встал в трусах, а брюки
Запылились за диваном...

Отцвели давно сирени,
И черёмухи опали.
Люди, одурев от лени, –
В карантине и опале.

Легче в брюхе крокодила,
Как писал в рассказе Фёдор
Достоевский! Это жила
Для пиара и фавора!

Ты становишься известным,
Как Иона в брюхе Рыбы!
Тебя знают повсеместно,
Как преступника на дыбе.

Кремль рассказывает сказки
На ночь, чтоб хватило духа!
А романс – «Всегда быть в маске»
Не судьба, а показуха!

Шукшин

На Новодевичьем калина,
Как Русь, прижалась к Шукшину!
Шагает русская равнина,
Чтобы отбить поклон ему...

Его душа в небесных сферах
Хранит суровые слова,
Не для московских малюверов –
Банкира и ростовщика...

Он жил, «перо макая в правду»,
Служил народу своему.
И кирзачи сидели ладно
На мужиках в моём роду!

Я точно видел с гор Уральских,
Как вдоль Пикета облака,
Как струги Разина по-царски
Бросали тень на берега...

Тень словно плат накрыла Сrostки,
Храня гнездовье Шукшина.
А под калиной у дорожки
Седлает паренёк коня.

Калина красная такая,
И паренёк простой такой,
И в окна машет Речь Родная,
Как мать в «Калине красной» той!

Айя-София

*Уж не пора ль, перекрестясь,
Ударить в колокол в Царьграде?*
Фёдор Тютчев

Я по турецкому Царьграду
Мимо Олегова щита
Брёл, уподобившись Синдбаду,
В Стамбул приплыв издалека.

Босфор изогнут был красиво
Мамлюкской саблей на заре...
И вот она – Айя-София
Спит в Византийском серебре.

Премудрость Божия – София,
Век можно на тебя смотреть!
Султана истина взбесила –
Он превратил тебя в мечеть.

Ты величайшая из храмов,
Крестившая княгинь Руси.
Пережила ты столько хамов...
Мы просим, Господа: «Спаси!»

Спаси для нас Айю-Софию,
Иначе мы, перекрестясь,
Почувствовав былую силу,
Царьград возьмём, как русский князь!

Ударим в колокол в Царьграде,
Как русский гений завещал!
В Крым возвратимся на фрегате,
Чтоб «храбрый» турок не пищал.

Школьные качели

О, эти школьные качели,
Когда меж сосен вверх летишь.
Вниз возвращаться не хотели,
Давай, за небосвод держись!

Как будто маятник вселенной,
То вверх, то вниз. Канат скрипит.
Хвоинки на твоих коленях
Лежат, испытывая стыд.

А я ворочаю глазами,
То застреваю в облаках,
То в складках платья... И ногами
Раскачиваю новый мах!

Как от Летучего Голландца,
Не оставляем в небе след.
А у корней лежат два ранца,
Храня в себе ученья свет...

Мама

Классически с крыльца
Сбежишь ко мне навстречу,
От радости в слезах
И уронив платок.

Ах, мама, мама, ма-а-а...
Чем на любовь отвечу?
Ты видишь, я, твой сын,
До косточек продрог.

Такой она была,
Как в памяти осталась.
Смягчала боль мою,
И беды, и судьбу.

Бессмертная любовь
В её глазах плескалась.
Как море-океан,
Где в лодке я гребу.

Деревня

Заросла лопухом и крапивой,
Не найти ни окон, ни дверей.
Замутились нечистой силой
Озерки, где таскал карасей.

То, что брошено – не безобразно,
Значит, я этот вид заслужил.
Потому что бездумно и праздно
Я отцовскую жизнь доносил.

Покаянная ночь бесконечная,
За свечой догорает свеча...
Лишь поэзия – стерва сердечная,
Из-за левого смотрит плеча.

***

Не лезьте в душу, дураки,
И со спины не заходите.
Я больно бью с любой руки!
Тех, что упали – оттащите.

Не лезьте в душу, дураки,
Она, как отчина, безмерна.
Там в роце детства родники
И первый поцелуй неверной...

Там в пашне тонет Святогор,
Там через реку едет грека
Через растянутый простор
От дурака – до человека.

Поэтому прошу учесть,
Нарезать на носу зарубок –
Душа, как Родина и Честь,
Врагам не делает уступок.

***

Жизнь покачнулась на весах,
Но удержалась.
В небесах
И на земле вражда бушует,
И гаснут звёзды там и тут,
Дороги в «никуда» ведут,
И речка образ твой ворует...

Словно следы от стоп Христа,
 На глади
 Контуры лица
 Вниз по течению мерцают.
 Звезда, попавшая в глаза,
 До смерти не прожгла тебя,
 Лучи глагол твой залатают,
 Он станет чистым, как роса,
 Звеняц, как неба полоса.
 К Отчизне простирая руки,
 Услышишь звон колоколов,
 Ужель и он устал от слов –
 Тот,
 Кто за Слово принял муки?
 Сместилась линия весов,
 Отпали стрелки от часов,
 Секундная и часовая...
 Одна минута до утра,
 А дальше зеркало у рта
 Вздохнёт,
 Как бездна мировая.

Собака

Собаки – хорошие люди,
 Не курят и водку не пьют.
 Без классика все Скалозубы,
 Им вреден домашний уют.

Бывает, их топят слепыми
 Хозяйки в помойном ведре.
 Но волка мы травим борзыми
 С ногойкой в татарском седле!

Иуду же или абрека
 Мой пёс обозначит рывком.
 Простор им крест-накрест избеган,
 А также оббеган кругом.

Во мне не замашки палачьи –
 Я вижу тебя в первый раз!
 Взгляни на меня по-собачьи,
 Чтоб знал, что меня не предашь.

***

Я увяз в этой бабе...

М. Булгаков

Я увяз в этой бабе,
 Как «Нива» в болоте.
 Я увяз в этой бабе –
 Любимой мной вроде...
 Пусть она как цитата
 На авторский вечер,
 Или фраза Пилата,
 Что душит и лечит.
 Ей досталось от ведьм
 Мировых – чертовщинка.
 Словно в голбце от бати
 Для меня, четвертинка.
 Я не знаю – мне вырваться
 Или же сдаться?
 И в любовном болоте
 Навеки остаться.

У ларька

На корточках сидит алкаш.
 Он по обличью – местный, наш.
 Он нужен для стихов и прозы,
 Словно шипы нужны для розы.

То наша общая беда –
 Разверзлась бездна, душ полна!
 Заблудших душ, сгоревших в стопке...
 Сердца горят уже без водки.

Старость

Старые изношенные люди
 Тлеют, как сырые угольки.
 Сморщенные земляные груди
 На груди лежат, как старики...

Всё отдали – счастье и печали,
 И тепло, и прожитые дни...
 И как листья в небеса упали,
 Посмотрите – вон летят они!

Посадка липы в саду Елфимова в Тобольске

Садит дерево писатель
У Елфимова в саду.
Хоть не всякий – душ спасатель,
Но готов спасать страну.
Садит липу вековую
Сам Распутин Валентин,
Что систему корневую
Смог восстановить один.
Липа «Валентин Распутин»
Глубоко в Тобольск вросла!
Путь России нынче мутен
Без ветрил и без весла...
И моя неподалёку
Липа в небеса растёт.
И к божественному сроку,
Может, за весло сойдёт?
Не жасмин, не куст сирени,
Не дубок, не девясил.
Скажут: – Эту вот Тюленев,
Русский лирник, посадил.
Стану думать, что в Сибири
Укрепился мой глагол,
На просторах русской шири,
Как бурят или монгол!

***

У тебя на окнах занавески,
Окна не закрыты никогда!
У тебя в крови степные предки,
У меня в крови бурлит орда!
Нам твоей кровати было мало –
Мы слетали на пол, как с коня!
Дом твой, как хоромы князя Мала –
Что княгиня Ольга сжечь должна!
С Гор Уральских вдаль страны уставясь,
Вижу всё, что видеть не могу.
Словно Прометей, в скалу вжимаясь,
Свой огонь для слов приберегу.
Те слова, что сохранил для встречи, –
Ими не разрушить города,
Правда, можно душу покалечить!
Знаю, что любое слово вечно,
То, что ты не скажешь никогда!

Храм любви

Я тебя не заметить не смог,
Ну не я, так мой огненный слог,
Потому что он связан с устами!
Пусть ему целоваться нельзя,
Можно пить поцелуи с листа,
И взвиваться до неба кострами!
Мы сплелись, как змея и дракон,
С четырёх обнимаясь сторон,
Задевая, как яблоко – солнце!
Где сокрыты от сердца ключи?
Как из лейки прольются лучи...
Годовые я спутаю кольца!
Ибо возраст не важен сейчас,
Жизнь спрессована в дивный рассказ,
Что ещё недописанный нами!
Я тебя украду у тоски,
Чтобы вырвать тоску из башки.
И остаться в тебе, словно в храме!

Хозяин луга одуванчик...

Хозяин луга одуванчик,
Буран, нанизанный на пальчик,
Испачканный в белилах шмель.
Над муравьиными умами,
Как телебашня над домами,
Глядишь в невидимую цель.

Когда со стороны востока
Украсит жизнь Господне око,
Наташа выбежит на луг,
Былинку, словно луч, прикусит
И в окружении капустниц,
Как фея в окруженье слуг.

Приляжет и раскинет руки,
Замрут на паутине звуки,
Как ласточки на проводах,
И раскрывая парашюты,
Зависнут над землёй минуты,
Теряясь в полевых цветах.

И уходить сейчас не страшно,
Пока дремотная Наташа
Пускает пузыри в зенит,
Пока не помнишь о разлуке,
Пока в лицо, глаза и руки
Пух одуванчиков летит.

Внук

Прильнёт к фотографии детской моей
Мой внук, словно он – это я!
О, как мы похожи по крови своей –
Мы всё же одна с ним родня!

Вечерняя мне остаётся заря!
Ему над рекою – рассвет!
Я знаю, что жизнь свою прожил не зря,
Как русский, советский поэт!

Никто мне поэтом быть не разрешал.
Бранили мой искренний стих –
Баркова с Державиным перемешал,
Мол, я в сочиненьях своих.

Опять о себе, а мой внук на коне
Собрался по лугу скакать!
Пегас оставляет следы на траве,
И мне его не обогнать.

Что важнее

Местоименья «ты» и «вы» –
Не знаешь, что важней?
Четыре буквы, как волхвы,
Живут среди людей.

У одного в запасе «ты»,
А у другого «вы».
А дети открывают рты,
Увидев лист травы.

На «ты» Россия и сестра.
На «вы» районный суд.
Попробуйте узнать с утра,
Кого в овраг ведут?

Вопросов множатся ряды,
Смущающих людей.
Мы даже с Господом на «Ты»!
Сказал протоирей.

ЮБИЛЕЙ

К 200-летию

Афанасия Афанасьевича Фета

«Из времени в вечность...»

Афанасий Афанасьевич Фет (1820–1892), чьё двухсотлетие отмечается в этом году, подобно Пушкину, приходит к нам со своими стихами ещё в раннем детстве и затем сопровождает всю жизнь: «Мама! глянть-ка из окошка ...», «Ель рукавом мне тропинку завесила...», «Печальная берёза у моего окна...», «Уж верба вся пушистая...», «Первый ландыш», «В дымке-невидимке...», «Это утро, радость эта...», «Зреет рожь под жаркой нивой...», «Ласточки пропали...», «Сияла ночь. Луной был полон сад...», «На заре

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

Алла Анатольевна Новикова-Строганова – доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей России (Москва), историк литературы.

Живёт в Орле.

А.А. Фет (1820 – 1892)

ты её не буди...», «Я пришёл к тебе с приветом...» Фетовские строки – целый мир светлой радости – ласкают слух, греют сердце, щедро изливают в душу читателя любовь, добро и красоту.

Как Красоту с заглавной буквы воспринимал поэт своим чутким художественным сознанием дивное устройство Божьего мира – прекрасного и непостижимого в своих глубинах:

*Целый мир от красоты,
От велика и до мала,
И напрасно ищешь ты
Отыскать её начало.*

Собственная жизнь поэта была окутана множеством неразгаданных тайн. За краткой, как шелестящий вздох, фамилией Фет – загадочное сплетение целой цепи событий. На заре жизни поэта тайна его рождения и происхождения обернулась лишением дворянства. А далее – долгий путь к его восстановлению, когда Фету, говоря его же словами, уже светили «вечерние огни». И ещё загадка трагической гибели его возлюбленной Марии Лазич, и секрет неизменных чувств к ней: «Вы те же светлые, святые, молодые» – до конца жизни поэта. Даже в старости, обращаясь к любимой, Фет в ошеломляющей поэтической метафоре признаётся в свежести и силе этих переживаний, которые с годами только обостряются:

*Та трава, что вдали на могиле твоей,
Здесь на сердце, чем старе оно, тем свежей...*

Любовь, вспыхнувшая в молодые годы, стала постоянным источником вдохновения на протяжении всей последующей творческой жизни поэта. Возлюбленной он посвятил множество произведений, объединённых в стихотворные циклы. И всё это – настоящие шедевры, как, например, «Alter ego» («Второе я»):

*У любви есть слова, те слова не умрут.
Нас с тобой ожидает особенный суд;
Он сумеет нас сразу в толпе различить,
И мы вместе придём, нас нельзя разлучить!*

Это почти пасхальное торжество любви, преодолевающей смерть! Такова поздняя фетовская лирика, которая не переставала изумлять читателей и критиков неувядающей свежестью, глубиной мысли и чувства, дивной поэтической образностью, музыкальностью. Так, поэт Я.П. Полонский – близкий друг Фета – писал о нём: «создать такой гимн неземной красоте, да ещё в старости!» Литературный критик и поэт Б.А. Садовский справедливо говорил о последних произведениях Фета: «стихи, написанные им в 1892 году, в благоуханности и свежести не уступают прежним: фетовский гений сохранил свой первозданный блеск до последнего вздоха».

Фет родился в усадьбе Новосёлки Мценского уезда Орловской губернии – имении знатного орловского помещика Афанасия Неофитовича Шеншина. Мальчика также называли Афанасием, и до четырнадцати лет он носил фамилию Шеншин. Но в 1834 году духовная консистория установила, что официальный брак русского дворянина А.Н. Шеншина и немецкой подданной Шарлотты-Елизаветы Фёт был совершён уже после рождения маленького Афанасия. Он был лишён русской фамилии, потомственного дворянства, прав на

наследство и имущество и даже права именоваться русским. С той поры ему надо было подписываться так: «К сему иностранец Афанасий Фёт руку приложил». И только в 1878 году ему удалось восстановить все утраченные права. Впоследствии он писал другу: «Тогда я был бедняком офицером, полковым адъютантом, а теперь, слава Богу, орловский, курский и воронежский помещик, коннозаводчик и живу в прекрасном имении с великолепной усадьбой и парком. Всё это приобрёл усиленным трудом, а не мошенничеством, и на этот счёт я покоен».

На могиле поэта в селе Клеймёново Орловской области значится двойная фамилия Фет-Шеншин. В ней – раздвоившаяся судьба, двойственная жизнь: автор поэтических шедевров и помещик, рачительный владелец нескольких имений; бедняк и богач; безродный иностранец-разночинец и знатный русский дворянин; проникновенный лирик и уездный мировой судья; влюблённый, до конца дней своих сердцем преданный погибшей девушке, и муж своей супруги в безлюбовном браке. И всё это – тоже Фет. «Практическое и духовное в нём было одинаково сильно», – замечала свояченица Л.Н. Толстого Т.А. Кузминская, хорошо знавшая Фета. Сам он признавался: «Жизнь моя – самый сложный роман».

Бытие во всей его непостижимой и неисчерпаемой сложности, едва уловимой в неясных предчувствиях, пророческих снах, полёте мечты, в стремлении прикоснуться к тому запредельному, чему нет и не может быть слова на земном человеческом языке: «Людские так грубы слова, Их даже нашёптывать стыдно!», – но что можно было бы выразить лишь душой: «О, если без слова Сказаться душой было можно!» – в центре художественного мира поэта:

*Лишь у тебя, поэт, крылатый слова звук
Хватает на лету и закрепляет вдруг
И тёмный бред души, и трав неясный запах...*

Поэтическое мироощущение Фета, христианское в своих сущностных основах, тяготеет к миру горнему, высшему; ищет его отблески в мире земном, дольнем. Поэт стремится проникнуть в запредельные тайны бытия, уловить то неуловимое, о чём возвещал апостол Павел: «не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (1 Кор. 2: 9). В уповании на беспредельное милосердие Божие воистину ангельской песнью звучат эти фетовские строки:

*Я понял те слёзы, я понял те муки,
Где слово немеет, где царствуют звуки,
Где слышишь не песню, а душу певца,
Где дух покидает ненужное тело,
Где внемлешь, что радость не знает предела,
Где веришь, что счастьем не будет конца.*

Современник Фета, христианнейший русский классик Ф.М. Достоевский (1821–1881) в вершинном своём романе «Братья Карамазовы» (1881) устами старца Зосимы проповедовал: «Многое на земле от нас скрыто, но взамен того даровано нам тайное сокровенное ощущение живой связи нашей с миром иным, с миром горним и высшим». Именно такое ощущение старался передать в поэзии Фет, видя в этом свою основную творческую задачу:

*Одним толчком согнать ладью живую
С наглаженных отливками песков,
Одной волной подняться в жизнь иную,
Учуют ветр с цветущих берегов <...>*

*Шепнуть о том, пред чем язык немеет,
Усилить бой бестрепетных сердец –
Вот чем певец лишь избранный владеет,
Вот в чём его и признак, и венец!*

«Христианство является, бесспорно, высшим выражением человеческой нравственности, – размышлял Фет, – и основано на трёх главных деятелях: вере, надежде и любви. Первыми двумя оно обладает наравне с прочими религиями. Нет религии без веры и надежды; зато любовь – исключительный дар христианства, и только ею Галилеянин победил весь мир». Божья любовь как связующее начало разлита во всём мироздании, во всей природе, и человек, устремляясь от земного к небесному, своей духовной сущностью постигает и молитвенно славит её:

*Нельзя заботы мелочной
Хотя на миг не устыдиться,
Нельзя пред вечной красотой
Не петь, не славить, не молиться.*

Таково для Фета предназначение поэта и поэзии. Его стихи живут, дышат, звучат, благоухают, переливаются оттенками красок, трепещут, словно взволнованное сердце. В дивной поэтической метафоричности исчезает грань между миром внешним и внутренним:

*Целый день спят ночные цветы,
Но лишь солнце за роццу зайдёт,
Раскрываются тихо листы,
И я слышу, как сердце цветёт.*

Фетовские стихи импрессионистичны. Главное для художника – не объект изображения и не сюжет, даже внутренний, а то впечатление, тот задушевный трепет, который они вызывают. Намного важнее в лирическом мире Фета оказывается сама атмосфера – воздушная, прозрачная, тончайшая.

Таков, например, его зимний пейзажный цикл «Снега». Фет, по воле судьбы вынужденный долгие годы именовать себя «иностранцем», названием цикла принципиально подчеркнул свою русскость (сравним у Пушкина: «Татьяна (русская душою, Сама не зная, почему) С её холодною красою Любила русскую зиму»). Ведь таких снежных зим, как в России, больше нигде не бывает:

*Чудная картина,
Как ты мне родна:
Белая равнина,
Полная луна,*

*Свет небес высоких,
И блестящий снег,
И саней далёких
Одинокий бег.*

Тем сильнее в зимнюю стужу ощущение тепла и уюта домашнего очага, жарко натопленного запертого домика, который снаружи осаждают морозы, метели и снежные бури:

*Кот поёт, глаза прищуря,
Мальчик дремлет на ковре,
На дворе играет буря,
Ветер свищет на дворе. <...>*

*Мальчик встал. А кот глазами
Поводил и всё поёт;
В окна снег валит клоками,
Буря свищет у ворот.*

Картина безмятежного счастья, безоблачного детства, до поры надёжно защищённого от жизненных вьюг, под мирное кошащее мурлыканье баюкает, согревает, словно горящие поленья в русской печке.

Зима прочно связана в народном сознании с Рождеством Христовым, со Святками, с их традициями и обрядами, с зимней фольклорной сказочностью: «Погадай мне, друг мой няня, Нынче святочная ночь». Уютной и одновременно загадочной святочной атмосферой дышат фетовские стихи:

*Помню я: старушка-няня
Мне в рождественской ночи
Про судьбу мою гадала
При мерцании свечи <...>*

*Няня добрая гадает,
Грустно голову склоняя;
Свечка тихо нагорает,
Сердце бьётся у меня.*

Фета называют поэтом мгновений. «Одним воздушным очертаньем» ему удаётся запечатлеть мимолётные состояния, которые «крылатый слова звук Хватает на лету и закрепляет вдруг». Показательно в этом отношении грациозное стихотворение «Бабочка»:

*Ты прав. Одним воздушным очертаньем
Я так мила.
Весь бархат мой с его живым миганьем –
Лишь два крыла.*

*Не спрашивай: откуда появилась?
Куда спешу?
Здесь на цветок я лёгкий опустилась
И вот – дышу.*

*Надолго ли, без цели, без усилья,
Дышать хочу?
Вот-вот сейчас, сверкнув, раскину крылья
И улечу.*

Сиюсекундные, едва уловимые мгновения: «Вот-вот сейчас...» – характерны и для философской, и для любовной, и для пейзажной лирики Фета, рождённой его непревзойдённой «зоркостью к красоте». Таков, например, «**Весенний дождь**»:

*Две капли брызнули в стекло,
От лип душистым мёдом тянет,
И что-то к саду подошло,
По свежим листьям барабанит.*

Такие же переходные преобразования многоликой природы – в стихотворении «**Вечер**»:

*На пригорке то сыро, то жарко,
Вздохи дня есть в дыханье ночном, –
Но зарница уж теплится ярко
Голубым и зелёным огнём.*

В знаменитом стихотворении «**Шёпот, робкое дыханье...**» – столь же чудесные метаморфозы в сложных ассоциациях созвучий языка природы и невысказанных человеческих чувств:

*Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица,
В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слёзы,
И заря, заря!..*

Назывные, безглагольные конструкции этих стихов – «безначальный конец, бесконечное начало» (по отзыву критика Н.К. Михайловского) – создают особое звуковое впечатление: будто слышится биение пульса, стук взволнованного сердца.

Быстротечная череда постоянно сменяющих друг друга мгновений и состояний стихии природы, иррациональные импульсы душевных движений, не поддающиеся описанию, но которые поэт всё же способен уловить и удержать на неизмеримо малый отрезок времени, парадоксально соотносятся в художественном мире Фета с вечностью и бесконечностью Вселенной:

*И так прозрачна огней бесконечность,
И так доступна вся бездна эфира,
Что прямо смотрю я из времени в вечность
И пламя твоё узнаю, солнце мира.*

Лирический герой стихотворения «**Воздушный город**», вглядываясь в причудливые очертания проплывающих облаков, рад был бы слиться с их движением, подняться на воздух в невесомом полёте вслед за манящей мечтой:

*Вон там по заре растянулся
Причудливый хор облаков:
Всё будто бы кровли, да стены,
Да ряд золотых куполов. <...>*

*И весь этот город воздушный
Тихонько на север плывёт...
Там кто-то манит за собою –
Да крыльев лететь не даёт!..*

Небосвод для Фета звучащий: «хор облаков». Также звучат у поэта звёзды, он слышит их «таинственный хор»: «И хор светил, живой и дружный, Кругом раскинувшись, дрожал». Неземные звуки сродни пению ангелов, славящих Бога, и эта трепетная небесная песнь роднится с чуткой человеческой душой, изливается потоком любви:

*Я долго стоял неподвижно,
В далёкие звёзды глядясь, –
Меж теми звездами и мною
Какая-то связь родилась.*

*Я думал... не помню, что думал;
Я слушал таинственный хор,
И звёзды тихонько дрожали,
И звёзды люблю я с тех пор...*

Та же живая космическая пульсация: «Звёзды южные дрожат», тот же «таинственный хор» – ангельский, звёздный и человеческий: «И за Ангелами в вышних Славят Бога пастухи» – воплотились в чуде рождественской ночи, когда при сиянии путеводной Вифлеемской звезды в нераздельной гармонии слились земное и небесное, сиюминутное и вечное, человеческое и Божественное. Умиротворяющие мотивы света и тишины («Свете тихий» – в православной молитве) созвучны рождественскому благовествованию небесных Ангелов: «Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение» (Лк. 2: 14):

*Ночь тиха. По тверди зыбкой
Звёзды южные дрожат.
Очи Матери с улыбкой
В ясли тихие глядят. <...>*

*Ясли тихо светят взору,
Озарён Марии лик.
Звёздный хор к иному хору
Слухом трепетным приник.*

*И над Ним горит высоко
Та звезда далёких стран:
С ней несут цари востока
Злато, смирену и ливан.*

Художественным озарением, Божественным откровением рождено также стихотворение «**На стоге сена ночью южной...**»:

*Земля, как смутный сон немая,
Безвестно уносилась прочь,
И я, как первый житель рая,
Один в лицо увидел ночь.*

В головокружительном космизме лирический герой словно растворяется в вышине звёздного неба, в родственном единении со Вселенной:

*Я ль нёсся к бездне полночной,
Иль сонмы звёзд ко мне неслись?
Казалось, будто в длани мощной
Над этой бездной я повис.*

*И с замираньем и смятеньем
Я взором мерил глубину,
В которой с каждым я мгновеньем
Всё невозвратнее тону.*

Лейтмотивы фетовской лирики – полёт, ощущение воздушности, невесомости, схожести человеческой души с необъятным космосом, обращённость к вечному и бесконечному:

*Когда вослед весенних бурь
Над зацветающей землёй
Нежней небесная лазурь
И облаков воздушен рой,*

*Как той порой отрадно мне
Свергать земли томящий прах,
Тонуть в небесной глубине
И погасать в её огнях!*

С «лирической дерзостью», свойственной его поэзии, Фет устремляется к Творцу, обретая в собственной душе пламя безмерной Божественной любви, не ограниченной пространством и временем:

*Нет, Ты могуч и мне непостижим
Тем, что я сам, бессильный и мгновенный,
Ношу в груди, как оный серафим,
Огонь сильней и ярче всей Вселенной.*

*Меж тем как я, добыча суеты,
Игралище её непостоянства,
Во мне он вечен, вездесущ, как Ты,
Ни времени не знает, ни пространства.*

ПОЭЗИЯ

Людмила МЕЖИНЬШ

Людмила Межиньш – член СП России, Союза русских писателей Латвии, председатель Общества детских писателей «Светлячок» Союза лит. «Светоч», лауреат Всероссийской премии им. П. Ершова и Международной премии им. С. Михалкова за детскую литературу, обладатель литературных медалей им. М. Шолохова, А. Грибоедова, лауреат общественно-литературной премии им. С. Есенина за служение русской литературе. Поэт, прозаик. Художник-керамист. Член писательского Исполкома МСПС (г. Москва).

Живёт в Риге (Латвия).

«Отливается осени медь...»

Иконный взгляд

В строжайшем праведном посту художник-богомаз,
Возможно, лик на бересту передаёт сей час.
Коль не уверен – не возьмёт кисть... мнительной рукой.
Но, ощутив духовный взлёт, – почувствовав покой, –
Ему помогут Небеса икону сотворить:
В глазах – живые чудеса, ради которых – жить!

И пусть один (как бы тебе!) он написал свой холст.
Но вдруг поймёшь в своей судьбе, что крепок к вере рост!
И станешь ощущать душой открытые глаз своих.
И будет взгляд открытый твой – прозреньем для других!

В скрещенье пальцев суть проста, внимание – к тебе!
Но в небеса рука Христа – к отчаянным в мольбе!
Эмоций, мимики здесь нет, – уверенность, покой...
А изнутри иконы свет лучится неземной.
Потусторонний и живой, зовущий к Небесам...
Чисто-прозрачно-голубой – не в миг отыщешь сам.

А если к матери Христос прижал щеку свою,
Ответ на праведный вопрос лишь сердцем узнаю.
Ты видела ль когда-нибудь себя со стороны?
Нет, фотография – не суть, раздумья глаз важны.

Икона смотрит на тебя, а не наоборот.
Здесь параллельный взгляд... Любя! Знак вечности. ВОСХОД.

Мы – потерянные дети

Мы – потерянные дети
матерей святой Руси.
С ветром бродим по планете.
Сердце, сердце не гаши!

Мы добры и одержимы,
окунаем взгляд в родник,
но куда бы ни пошли мы,
камень, лёд, скала – тупик.

Взгляд полощется в рассвете,
в чистоте былых времён.
Мы стареющие дети
неповерженных икон.

Снег скрипит... За новой эрой
к звёздам льнёт луны белок.
У берёзы индевелой
ветром воет белый волк.

И Ангел Солнечный Седьмой..

И Ангел Солнечный Седьмой,
встав между Небом и Землёй,
сказал, что времени не будет!
Но кто-то спал, а кто-то пил,
а кто-то Господа хулил,
а кто-то золото считал
и потому не услышал..
И каяться не стали люди.

Но кто-то из последних сил,
молясь, о помощи просил,
прозревший у преддверья ада..
А кто-то ближнему помог,
последний дав ему глоток,
а кто-то слова не сказал
и, зубы стиснув, замерзал,
укутав плоть чужого чада.

И Ангел Солнечный Седьмой
воскликнул прямо надо мной:
– Грядет на облаке Мессия!
И слёзы хлынули из глаз,
но ласков был зовущий глас.
Я поняла, мы спасены,
за покаянье прощены..
И прощена страна РОССИЯ.

Баллада о звонаре

Церква тут, богомольня
для окрестных селян.
Не молчит колокольня,
в небо крест воссиян.

А у той колокольни
жил звонарь, глух и нем,
но мужик хлебосольный,
люб селянам был всем.

Одинокий, непьющий,
с малолетства убог.
Рад был розовой куще,
паре новых сапог.

Да имел от рожденья
удивительный дар:
видел Божьи знамения,
людям их поверял.

Край забытый и древний..
Бог вещал чрез него.
Ни дьячка в той деревне,
ни попа своего.

Как пойдёт по округе
лучезарный трезвон, –
на ромашковом луге
ожидает, знать, он.

И сбегались селяне..
Без малейших потуг,
лаконичен и внятен,
был полёт его рук.

Каждый раз ясно небо
упреждало его:
чтобы загодя хлеба
запасало село;

чтобы вовремя скошен
был ромашковый луг..
Но однажды из рощи
гул слышался вдруг..

Гул пронёсся что серна,
раскричались грачи..
Чьё-то доброе сердце
оборвалось в ночи.

Люди мигом проснулись,
к колокольне – бегом.
Молний слитки блеснули,
грянул истовый гром.

Айседора

Вдруг на сцене продолжалась
Шёлком пурпурных шарфов;
И поэту улыбалась –
Жестом рук, без лишних слов.
В исступлении шептала:
«Золотая голова!»
Ничего ещё не знала,
Но во всём была права.
Воплощала слепки вазы
В оживлённый ропот роз.
Плавно, медленно... – и сразу! –
В крылья хрупкие стрекоз.
Русских деток из детдома
Научила танцевать:
«В небо прыгай, лягушонок! –
Станешь бабочкой порхать!»
Между ветром, плотью, духом
Танца трепетной листвы
Плавность веток нежным слухом
Чутко чувствовали вы!
«Еду к славе! Ах, прощайте!
Звёзд уже не меркнет свет!
Айседору вспоминайте
В босоножках детских лет!»
Чайкой розовой взлетала,
Жглись жемчужины воды...
И у моря оставляла
Босоногие следы...

Отливается осени медь...

Отливается осени медь...
Колокольным набатам звенеть.
И не хочется солнце схватить
За паучью нежгучую нить.

Я войду в эту осень, как тать,
Буду дни у тебя воровать,
Иль, назойливой гостье под стать,
Откровеньем тебя донимать.

Ты потерпишь? Придётся стерпеть.
Я-то знаю, недолго мне петь.
Зазвенит серебро, а не медь,
И наступит пора онеметь.

Я любила тебя на Земле.
Не кипеть мне за это в смоле!
Оживут ручейки по весне,
И меня ты увидишь во сне...

Где плыву от земных я людей
В мир серебряных птиц – ле-бе-дей...

Кадр осенний...

Красный лист – шуршалка-мышь,
В рыжей луже тонет.
Пузырьками, Дождь, звенишь
В золотых ладонях!

Черепашины зонтов
Облепились клёном,
И вальсируют зато
В жёлтом – круг зелёный.

Листопад-калейдоскоп
С беглыми глазами,
Задержи движенье, – стоп!
Кадр осенний... замер!

Надежда одна на нас..

В морозно-хрустящей Риге, по площади Первой Ёлки¹,
Шёл Роланд², небесный рыцарь, однажды Крещенской ночью.
А на пьедестал почётный он, вместо себя, ворону
пока водрузил и очень просил, чтоб не улетала.

¹ На Ратушной площади в Риге во время Петра Первого – первая Рождественская ёлка в России.

² Памятник немецкому рыцарю Роланду в Риге, на Ратушной площади.

У сумрачного строенья с названьем «Музей оккупации»¹
проснулся знакомый сторож. Сперва заперев ворота,
с дворнягой договорился, чтоб стала безумно лаять,
и даже таскать за полы того, кто посмеет только
приблизиться на мгновение к хранителю тайн-музею,
пока старый добрый сторож пойдёт обсудить с друзьями
жизнь, посланную в наследство и Роланду, и латышским
стрелкам, что втроём застыли в гранитных шинелях долгих².

А каменные исполины, со сторожем, в час урочный,
зелёные сдвинув кружки с пузырьчатым пенным пивом,
сказали всего две фразы:
– Мы сделаем всё, что сможем, чтоб не было плохо в Риге
ни сирым бомжам голодным, ни выброшенным собакам,
котам, человечьим детям... И чтобы, как на Майдане,
не зверствовали бы люди, свершится пусть это чудо
сегодня, Крещенской ночью! Сейчас разожжём кострища
у Дома Черноголовых, у Ратуши, у музея...
Надеяться на кого нам?
Надежда одна – на нас...

Здесь белый русский храм

Здесь белый русский храм
В снегах до чёрных окон
Любовью бережёт
Лишь Божье Отчье Око...
Да синие снега
Укрылись в берега
До самого прозрачного истока.

Но нет живых людей,
Чтоб жертвы приносили,
Чтоб с исповедью шли
И милости просили,
И чтоб вступились вновь
За Веру и Любовь
Небесные защитники России.

Конь со звездой во лбу
В морозно-синей раме
Оконце продышал
Горячими ноздрями
С той стороны зари,
Где небо всё горит
Рассветно-незакатными лучами.

¹ Музей оккупации – на Ратушной пл.

² Памятник латышским стрелкам – на Ратушной пл.

В лучах летящий дуб
Под инистой короной
Вбирает тишину
Душой своей зелёной,
Чтоб неба закрома
Не застила зима,
Чтоб снова засветиться
нежной кроной.

Дом Черноголовых¹

*«Если сгореть суждено от огня,
вновь возродите из пепла меня»*

(надпись на портале Дома Черноголовых)

Братства Черноголовых гордые элтерманы²
Пиво смакуя в кубках, мерили не добром
Скрытность успехов личных. Бременские карманы
Переполюнялись звоном: золотом и серебром.

Но молодые люди (всё холостые немцы)
Тонко ценить умели суть раритетов, и... –
Тоже, как мы, с восторгом, тоже имея сердце,
На пепелище древнем искорки сберегли...³

И, возрождая в пепле пламя святой Гертруды,
Черноголов-Маврикий снова ведёт «ковчег»,
Ратный святой Георгий⁴ сдержит веков «причуды»;
Туфелька Анны⁵ тайно в танце «возьмёт разбег».

«Двор короля АртУса»⁶ память свою упрятал
В рыцарские доспехи, в конный налобник, но...
Не сохранил легенды: сколько старинных латов
Жертвенно Пётр Первый внёс, пригубив вино...

¹ На Ратушной площади в Риге.

² Старейшины братства.

³ В 1941 г. здание сгорело, восстановлено в 1999 г.

⁴ Святая Гертруда, Черноголов-Маврикий и святой Георгий – святые покровители Дома Черноголовых.

⁵ Легенда о туфельке царицы Анны Иоановны.

⁶ Так в средневековье шутливо называли Ратушную пл.

Радетель русского народа

*Штрихи к портрету славянофила
Ю.Ф. Самарина*

— Ну, давай живей! Не в гостиницу попал! — властно прикрикнул тюремщик и грубо втолкнул арестанта в камеру.

Затем издевательски прибавил:

— Располагайся, чувствуй себя, как дома...

И буквально сразу, стонущие скрипя, железная дверь закрылась. Снаружи загревели ключи, клацнули ригели. А затем послышались удаляющиеся шаги охранника.

Оставшись один, тридцатилетний арестант, он же чиновник по особым поручениям Министерства внутренних дел Юрий Фёдорович Самарин, огляделся...

В крохотной камере с тёмно-серыми цементными стенами и полами было сыро, пахло плесенью. Посередине стояла железная кровать, рядом с ней — стол и табуретка. В зарешеченное окно слабо пробивался свет.

Узник прошёлся по новому жилищу. Потом тяжело присел на табурет, обхватив голову руками. На душе было скверно, как никогда. Не давали покоя слова, сказанные ему прямо в глаза жандармским полковником: «Однако царь имеет основания быть недовольным...»

Но жандарм, как станет потом известно Самарину, произнёс лишь заученную фразу. В действительности же Николай I сказал другие слова. Находясь в страшном гневе, он назвал Самарина государственным преступником и приказал заточить его в Петропавловскую крепость.

Чем же прогневил государя молодой чиновник? Какое противозаконие он совершил? И, собственно, кто такой Юрий Фёдорович Самарин? Настало время представить его читателю. Но начну с портрета. Известный всем художник Василий Тропинин, автор хрестоматийного портрета Пушкина, запечатлел Самарина в охотничьем костюме на фоне грозового неба, клубящихся туч

Николай Александрович Карташов — родился в 1957 г. на Белгородчине. Окончил Воронежский государственный университет и Новосибирское высшее военно-политическое общевойсковое училище. Проходил службу в Вооружённых Силах и правоохранительных органах. Автор и составитель более 20 книг, среди которых «Мытари», «Верую в верность», «Солдаты казны», «Служивый народ», «Станкевич», «Жизнь Станкевича», «Крамской», «Ватутин», и других. Секретарь Союза писателей России. Член правления Московской городской организации Союза писателей России. Удостоен государственных и ведомственных и общественных наград. Заслуженный работник культуры РФ. Лауреат ряда творческих премий. Живёт в Москве.

*Ю.Ф. Самарин (1819 – 1876).
Портрет работы В.А. Тропинина*

и бушующего ливня. С полотна на нас смотрит красивый молодой человек с вьющимися волосами. Взгляд умный, лицо романтично-благородное.

...Юрий Фёдорович Самарин, философ, общественный деятель, историк и публицист родился 3 мая 1819 года в Санкт-Петербурге в знатной дворянской семье. Юрием его назвали в честь деда по материнской линии, Юрия Александровича Нелединского, состоявшего статс-секретарём при императоре Павле, а в период царствования Александра I — сенатором. Мать нашего героя, Софья Юрьевна, являлась фрейлиной императрицы Марии Фёдоровны. Отец, Фёдор Васильевич, боевой офицер, участвовал в нескольких войнах. За храбрость был награждён орденом святого Владими-

ра и золотой шпагой. Он тоже служил при царском дворе. Когда императрице доложили о том, что в семье Самариных родился сын, то Мария Фёдоровна прислала новорождённому пасхальное яичко и вместе с императором Александром Павловичем была восприемницей его от купели.

Детство у Самарина было безмятежным, о чём он, будучи зрелым человеком, засвидетельствовал в своих воспоминаниях: «Дни мои проходили в самых ребяческих занятиях: я бегал по саду, ловил рыбу и в дурную погоду пускал мыльные пузыри, но эти занятия не были моей целью, они служили мне только поводом к другим неопределённым и более возвышенным наслаждениям — я помню, как в ясную погоду, постоянно в один час, я взбирался на самый верх огромной берёзы, стоявшей перед домом, и оттуда с наслаждением, для меня самого непонятным, смотрел на заходившее солнце. Долго я сидел верхом на толстой ветке, неподвижно и молча провожая прозрачные облака, уходившие на запад; тогда я ощущал потребность молитвы, и слёзы падали из моих глаз».

С ранних лет Самарин проявил огромную тягу к знаниям. Да и родители позаботились о том, чтобы их сын получил достойное домашнее образование. На именитых учителей и серьёзное обучение средств они не пожалели.

Одним из наставников мальчика был профессор Московского университета Н.И. Надеждин, которого он сразу полюбил. «Надеждин, — вспоминал Самарин, — обладал, как никто, способностью овладевать вниманием слушателя. Когда он преподавал, я забывал в нём учителя, равнодушно передающего давно ему известное. Он весь казался проникнутым участием к тому, что он говорил; он, по-видимому, сам узнавал и сам интересовался. Каждое его слово проникало мне в душу; по целым часам, в одном и том же положении, я слушал

его, не сводя с него глаз; между тем свеча нагорала, он исчезал в темноте, но глаза его сияли одушевлением, и как не рад бывал я, когда входил слуга или били стенные часы, нарушая таинственную тишину тёмной комнаты».

В свою очередь Надеждин с похвалой отзывался о своём ученике. После успешной сдачи подопечным экзаменов в присутствии приглашённых профессоров Надеждин записал в журнале: «отвечал свободно и смело», «хронология у него не машинально, а в рассудок».

Уже в пятнадцать лет Юрий стал студентом словесного отделения Московского университета. На тот момент Московский университет, без всякого преувеличения, был лучшим учебным заведением империи. Учиться в его стенах считалось за честь. Из ближних и дальних краёв Отечества ехали, шли на Моховую, как к источнику напитаться, пытливые юноши, чтобы овладеть разными науками. Россия молодая жаждала знаний, строила дерзновенные планы переустройства общества, мечтала о славе...

На курсе Самарин – самый юный студент. Но молодо, как известно, не всегда зелено. Он старателец, на хорошем счету у профессоров. По воспоминаниям современника, Самарин «человек с познаниями, с многосторонним образованием, говорит на нескольких иностранных языках, читал на них всё лучшее».

Однако трудно представить студента без шалостей и озорства. Наш герой не являлся исключением. Однокурсник Самарина Ф.И. Буслаев, впоследствии известный языковед, историк литературы, в своей книге «Мои воспоминания» приводит такой эпизод:

«Шаловливые забавы наши имели вид театральных представлений, соединяющих в себе как бы мимику с музыкой, если только крик и грохот можно отнести к музыкальному роду. Для этих представлений были, как следует, и зрители, которые своим вниманием и одобрением поощряли нас и воодушевляли».

Каченовский (профессор. – Н.К.) читал нам лекции от 12 до часу, в полдень – как раз время завтрака. Потому слушание или, точнее, неслушание каждой его лекции мы начинали завтраком. Архитриклином, а попросту – нашим кормителем был Самарин. В то время на Моховой, против старого здания университета, была колбасная Маттерна с небольшим рестораном. Оттуда перед лекцией университетский солдат доставлял Самарину по числу всех нас целую грудку пирожков в большом свёртке на манер сахарной головы. Самарин всегда сидел на конце передней скамейки перед кафедрой, но налево от неё и потому ближе к выходной двери. Как только начнётся лекция, он вытаскивает из-за стола этот пакет с угощением и пустит его по рукам товарищей, но так, чтобы пакет передавался от одного к другому на виду у всех, высоко над столом. Завтрак начинался только тогда, когда у каждого из нас будет по пирожку, а держать его надобно также на виду и откусывать понемножку, чтобы продлить эту сцену для наших зрителей, столпившихся у растворённой настежь двери.

Под самым окном у этой двери тянется крыша галереи, соединяющая здание университета с корпусом, выходящим на Никитскую. Однажды во время лекции Каченовского рабочие у самого окна починивали эту кровлю и, прибывая гвоздями железные листы, так громко стучали, что заглушали слова Михаила Трофимовича, а он, не замечая стукотни, продолжал чтение своей лекции. Между тем Самарин подозвал к себе князя Мещерского, о чём-то пошептался с ним и велел ему сесть на другом конце той же передней лавки,

на которой, как сказано, всегда сидел и сам, а гул ударов по железу не переставал раздаваться по всей аудитории. Будто по команде, оба они привстали, и каждый с своей стороны, ухватясь обеими руками за конец тяжёлого стола, стоящего перед скамейкой, приподняли его в одно и то же время и вдруг опустили. Он тяжело бухнул на пол с оглушительным грохотом. Каченовский встrepенулся, вскочил на ноги и, стаскивая очки, грозно вскрикнул: «Что это такое? Кто стучит?» Самарин встаёт и почтительнейше докладывает, что стучат кровельщики, и указывает на окно. Поднялась тревога: надобно прогнать рабочих, надобно призвать на расправу субинспектора, эскутера. Самарин суетливо бежит из аудитории исполнить приказание ректора; ему помогают собравшиеся у дверей юристы. Там за дверями поднялся шум и гам, а в аудитории водворилась полнейшая тишина: оборванная на недоконченной фразе лекция уже не продолжалась. Каченовский молча сидит на кафедре и без очков обозревает нас».

Во время учёбы Самарин близко сошёлся с Константином Аксаковым, который по возрасту был ему почти ровня. В тот период Аксаков «болел» немецкой идеалистической философией, особенно Гегелем. А «заразился» он этой болезнью от Николая Станкевича и членов его кружка Ивана Ключникова, Василия Красова, Виссариона Белинского... Аксаков и ввёл Самарина в круг Станкевича. После этого наш герой стал регулярно участвовать в литературно-философских сходбищах, что проходили на квартире Станкевича. Сказать, что Самарин являлся активным «штыком» кружка, нельзя, поскольку в нём тогда главенствовали люди, имена которых уже названы выше. И, тем не менее, Самарин вскоре стал полноправным членом этого круга, члены которого были исполнены веры в свои благородные стремления. Он тоже, как и они, желал правды, серьёзного дела, искренности и истины.

Философские вопросы глубоко увлекли пытливого студента. «Я думал, – признается он, – если наука существует как отдельная от искусства и религии сферы духа, то она должна быть сферой высшего, последним моментом развития идеи». Под наукой здесь подразумевается философия, а под философией – учение Гегеля.

Однако Самарин не во всём соглашался с Гегелем, особенно в той части, что касалось философии религии. Своё несогласие он не раз высказывал на заседаниях кружка. Кроме того, Самарин стремился развить и дополнить её собственными положениями, выявить коренные особенности православия, его фундаментальные отличия от католицизма и протестантизма. Многовековой спор между ними, считал он, должен был перенесён в сферу философии. И в последующие годы Самарин не оставлял философские занятия, но ответы на свои вопросы с помощью философии Гегеля он так не нашёл.

К.С. Аксаков (1817 – 1860)

А.С. Хомяков (1804 – 1860)

И.В. Киреевский
(1806 – 1856)

В 1838 году Самарин успешно завершил университетский курс. В его планы входило продолжить занятие наукой. Однако по настоянию отца Юрий стал чиновником. На государственной службе Самарин последовательно занимал различные должности в Министерстве юстиции, Первом департаменте Правительствующего Сената, а также в Министерстве внутренних дел. Свои обязанности он исполнял исправно.

В тот же период Самарин тесно сблизился с славянофилами. В частности, с Алексеем Хомяковым и Иваном Киреевским. В дальнейшем он станет убеждённым сторонником русской идеи. В сформулированной им исторической концепции славянофилов отражены общинные традиции Руси. Именно эта модель власти, созданная в допетровской России, принципиально отличалась от европейского феодализма. Для такой модели, по мысли автора концепции, был свойственен союзный характер отношений между государством и обществом, а не завоевание и доминирование государства, как это сложилось в Европе.

Находясь на государственной службе, Самарин не оставлял заниматься наукой. В 1844 году он успешно защитил магистерскую диссертацию «Стефан Яворский и Феофан Прокопович», над которой начал работать ещё в студенческую пору. Примечательно, что этот труд станет одним из первых крупных философско-богословских сочинений славянской направленности.

В те же годы Юрий Фёдорович становится убеждённым сторонником религиозной философии. В письме к Николаю Гоголю, с которым он познакомился в 1840 году, а позднее подружился, Самарин писал, что «прошёл полный круг философского развития» именно благодаря новому пониманию христианства. Самарин был убеждён в том, что вера составляет «норму», «закон» человеческого существования и помогает человеку осмыслить своё назначение. Христианство нельзя понять с помощью одного только разума, оно осознаётся всем существом человека во всей её полноте. Следование правилам логики не ведёт человека к пониманию истинной сущности веры, так как для этого необходимы сочувствие и любовь.

Но философия философией, а государева служба оставалась службой. В середине 1846 года Самарин в составе ревизионной комиссии Министерства внутренних дел, где он занимал должность чиновника по особым поручениям, был откомандирован в Ригу. Комиссии поручалось изучить городское устройство и хозяйство Риги, а затем составить проект преобразования города. Проверяющие обнаружили в городском управлении Риги массу злоупотреблений. В числе недостатков были выявлены вопиющие факты притеснения остзейскими немцами русских. «Систематическое угнетение русских немцами, – с горечью писал он Константину Аксакову, – ежечасное оскорбление русской народности <...> вот что волнует мне кровь и я тружусь для того только, чтобы привести этот факт к сознанию, вывести его перед всеми».

Однако исправлять недостатки никто не торопился. Более того, все решения министерской комиссии по возвращении в Петербург были заблокированы так называемым Остзейским комитетом – комитетом наследных потомков немецких рыцарей. Неравнодушный чиновник Самарин с таким положением дел мириться не захотел. Свою позицию он выразил в записках, озаглавив их «Письма из Риги».

Записки Самарина быстро распространились в среде образованного общества в Петербурге и в Москве. А первыми читателями самаринского «сочинения» стали публицист А.С. Хомяков, министр внутренних дел Л.А. Перовский, митрополит Московский Филарет, отец и сын Аксаковы и другие известные люди.

«Письма из Риги» попали и в руки генерал-губернатора Прибалтийского края А.А. Суворова – внука знаменитого русского полководца Александра Суворова, надо заметить, активного защитника интересов немецкого сословия, прежде всего в сфере торговли. Обиженный Суворов немедля настрочил донос Николаю I, а тот в свою очередь приказал начальнику III отделения графу А.Ф. Орлову посадить Самарина в Петропавловскую крепость. Что и было вскорости исполнено его усердными агентами. Тщательный обыск в доме. Допрос с пристрастием. Доставка под охраной в специально оборудованном экипаже к месту заключения.

Так Самарин оказался в тюрьме, из которой практически не было обратной дороги. Почти две недели находился он в холодной камере, ожидая суда. Но произошло чудо. В один из дней арестанта неожиданно привели к тюремному руководству, а именно к начальнику крепости генералу Набокову, который ему сообщил, что царь приказал доставить его во дворец. Вот как описал поездку Самарина к государю известный литератор П.В. Анненков:

«Самарин хотел побриться и почиститься, но комендант крепости генерал Набоков, весьма почтенный человек, помешал этому, желая, чтоб он представился царю в том плачевном виде, в каком застал его приказ... Государь принял Самарина в кабинете стоя и грозно спросил его, раскаивается ли он в своём поступке, а получив утвердительный ответ, обнял, поцеловал, посадил перед собою, возле стола, и трогательно увещевал его употреблять свои отличные способности на честную службу отечеству и на утешение своей почтенной фамилии. «Я сам отец, – говорил он, – и знаю, как могут отцы страдать за детей»».

О встрече Самарина с царём также рассказал в своём исследовании барон Б.Э. Нольде. Его книга «Юрий Самарин и его время» вышла в Париже в 1926 году. Нольде пишет: «Император обвинял мыслителя в том, что тот своей книгой хотел показать, что со времени императора Петра I... мы все окружены немцами и потому сами немцы, а на оправдание Самарина заявил:

«Ваша книга ведёт к худшему, чем 14 декабря (имеется в виду восстание декабристов. – Н.К.), так как она стремится подорвать доверие к правительству и связь его с народом, обвиняя правительство в том, что оно национальные интересы русского народа приносит в жертву немцам». Далее последовали угрозы: «Вас следовало бы отдать под суд и вас судили бы как преступника... Вы сами знаете, что вы сгинули бы навсегда. Много есть молодых людей, которые пострадали за то же...»»

Раскаившись, Самарин вновь вернулся на государственную службу. Правда, дальнейшая его карьера была связана уже не со столицами. Сначала он служил в Симбирской губернии, где являлся помощником тамошнего губернатора Николая Булдакова. А затем судьба привела его в Киев, там он состоял в должности заведующего канцелярией Киевского генерал-губернатора Дмитрия Бибикова.

В 1853 году Самарин вышел в отставку, но не перестал заниматься общественной и публицистической деятельностью. Ещё в конце 40-х годов он начал разрабатывать программу отмены крепостного права в России. Главным документом по этому вопросу стала его записка «О крепостном состоянии и переходе от него к гражданской свободе». В этой записке Самарин прямо назвал крепостное право тормозом на пути развития страны, особо отметив его пагубность для международного авторитета России.

Копии записки быстро разошлись по различным слоям высшего общества, попала она и на стол императору Александру II. Благодаря этому документу, а также статьям, опубликованным в журналах «Русская беседа», «Сельское благоустройство» и других изданиях, Самарин вошёл в число самых авторитетных экспертов по крестьянскому вопросу. Юрий Фёдорович неоднократно включался в состав различных советов и комиссий, готовивших крестьянскую реформу 1861 года. Он активно выступал за освобождение крестьян с одновременным выкупом правительством их наделов у помещиков, чтобы обеспечить земледельцам материальную самостоятельность.

Кроме того, Самарин настаивал на сохранении и укреплении крестьянской общины. Юрий Фёдорович считал общину образцом подчинения личности коллективу не из-за боязни наказания, а по добровольному «движению души». Уничтожение общины, по его мнению, породит хаос в крестьянском хозяйстве, разрушит традиции коллективизма. В том, что в ходе проведения реформы правительство сохранило общину, была и заслуга Самарина.

Активное участие Самарин принял и в разработке крестьянской реформы в Царстве польском, которая была призвана подорвать социально-экономическую базу шляхты. Эта реформа состоялась в 1864 году, в ходе её польские крестьяне получили в собственность обрабатываемую землю и были освобождены от всех повинностей в пользу помещиков.

Как и раньше, Юрий Фёдорович писал статьи на злободневные темы. В частности, в 1868–1876 годах он опубликовал серию своих работ под общим названием «Окраины России». «Вся книга моя, от первой строки до последней, – писал автор Александру II, – посвящена защите государственных интересов России против неумеренных и постоянно возрастающих притязаний остзейского провинциализма». То есть Самарин вновь вернулся к вопросу, из-за которого когда-то угодил в «секретный дом», как именовали в народе Петропавловскую крепость. А иначе он и не мог поступить, поскольку с юношеских лет был пронизан русским духом, всегда радел за свой народ.

В «Окраинах России» он, пожалуй, впервые среди современников обратил внимание общества на сепаратизм, рост национализма, притеснение русских и православной веры. Однако его слова, за редким исключением, не были услышаны. Примечательно, что впоследствии Юрий Фёдорович часть своего капитала завещал на развитие русских школ в тогдашней Лифляндии.

Оставил Самарин свой след в истории и как парламентарий. На протяжении десяти лет, с 1866 по 1876 год, он являлся гласным, выражаясь современным языком, депутатом Московской городской думы. Одновременно Юрий Фёдорович был гласным и Московского губернского земского собрания от Москвы, где возглавлял комиссию по податной (налоговой – Н.К.) реформе. Кроме того, Самарин являлся почётным членом Московского университета и Московской духовной академии.

До конца жизни Юрий Фёдорович оставался деятельным человеком. Умер он в один из мартовских дней 1876 года на чужбине, в Берлине, куда приехал на лечение. Ему было 56 лет. Но вечный покой радетель русского народа, как нередко называли Самарина, обрёл на родной земле, которую он безмерно любил. Его похоронили по всем православным обычаям в Даниловом монастыре в Москве.

«Умер Юрий Самарин, даровитейший человек, с неколебавшимися убеждениями, полезнейший деятель». Так написал о нём Фёдор Достоевский.

...Имя члена кружка Станкевича Юрия Фёдоровича Самарина не заблудилось в метелях времени. Вскоре после смерти было издано полное собрание его сочинений в 12 томах. Публикуются произведения Самарина и в наши дни. Через столетия мысли, идеи этой яркой личности не потеряли своей актуальности, они привлекают тех, кому близка и дорога наша Россия. В книгах Самарина они черпают не только знания, но и духовные силы.

Ф.М. Достоевский (1821 – 1881)

ПОЭЗИЯ

Андрей ГАЛАМАГА

Андрей Аркадьевич Галамага – поэт. Родился в 1958 г. в Воркуте, школу окончил в Киеве. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького (семинар поэзии Э.В. Балашова). Член Союза писателей России. Автор пяти книг стихотворений, пьес, киносценариев. Дважды лауреат международного фестиваля «Пушкин в Британии»; лауреат фестиваля «Русские мифы» в Черногории; победитель международного литературного конкурса произведений о Москве «На семи холмах»; лауреат международного литературного фестиваля «Центр Европы» (Полоцк, Белоруссия); лауреат Всероссийского творческого конкурса произведений о Великой Отечественной войне «Дороги фронтовые – узелки на память», и других премий.

Живёт в Москве.

Неисповедимый снегопад

***

Привычка русская свой крест нести,
Ни исповедать, ни постичь её, –
От ощущенья бесполезности
До состоянья безразличия.

Весь опыт прошлого ни разу нам
Не удалось принять за правило,
И руководствоваться разумом
Ничто нас так и не заставило.

Но мы стоим перед напастями,
И перед силой не пасуем мы;
И разве тем грешны отчасти мы,
Что каждый раз непредсказуемы.

И как бы ни досталось крепко нам,
Мы всё не ропщем тем не менее;
И в пику посторонним скептикам
Несём своё предназначение.

Мы просим силы и усердия,
Чтобы с пути не сбиться крестного,
У Серафима и у Сергия,
У Пушкина и Достоевского.

И в битве, где бессильно знание,
За нас судьба – святая схимница;
И воздаянье ждёт нас на небе,
И не пройдёт, и не отнимется.

***

Юрию Баранову

Мы успели родиться на шестой части суши –
На восток до Камчатки и до Кушки на юг.
Мы умели смеяться и играть без игрушек,
И не всякого сразу допускали в свой круг.

Мы сбегали с уроков на футбольное поле;
Мастерили ракеты из конфетной фольги,
И таинственный запах бертолетовой соли
Ни химчистки, ни стирки одолеть не могли.

Мы не ждали послушно, когда стукнет шестнадцать,
И на взрослые фильмы пробирались в кино.
Мы с пелёнок учились ничего не бояться
И не верить, что будет – чему быть суждено.

Мы чуть свет выбирались из постылой постели,
Каждый день продлевая хоть на крохотный час;
Мы быстрее взрослели, потому что хотели
До поставленной цели доходить каждый раз.

Мы от края до края по земле колесили,
От Карпат до Байкала всё нам было – своё.
Мы страну, где родились, называли Россией
С большим правом, чем нынче называют её.

Где-то строились башни, где-то рушились стены;
Мир дробился на части и кроился по швам.
Мы сумели не сгинуть через все перемены,
И, кому было трудно, шли по нашим следам.

Мы ни совесть, ни веру никогда не попрали.
Что нам новый порядок или старая власть!
Если мы в этом мире до сих пор не пропали,
То, уж будьте надёжны, нам и впредь не пропасть.

Пейзаж

Полмира объехав без дела,
Поймёшь, что полжизни отдашь
За русский пейзаж чёрно-белый,
Берёзовый зимний пейзаж.

На дальнем пригорке деревня,
Сороки пустились в полёт,
А рядом, меж редких деревьев
Охотник с собакой бредёт.

Петлянье дороги окольной,
Следы лошадиных подков;
И тёмный шатёр колокольни
На фоне сплошных облаков.

Мой друг, путешествий любитель,
Меня перебьёт, в простоте.
Он где-то подобное видел.
В Германии? в Польше? в Литве?

Пейзаж этот больше фламандский.
Вот Брейгель, типичный пример.
Подумаешь, кончились краски.
Остались бы уголь да мел!..

В Антверпене не был я в жизни,
И спорить теперь не готов.
Но вдруг этот Брейгель Мужичский
Был родом из наших краёв?

Согласен, что это абсурдно.
Но что, если я не один?
Вдруг так же считают подспудно
Датчанин, француз или финн?..

Уютно чернеют домишки,
Со снежной зимою в ладу,
И чёрную шайбу мальчишки
Гоняют на белом пруду.

Две тысячи седьмой

Снег порциями опускался вниз,
За уцелевшие цепляясь листья,
В отчаянье смягчить антагонизм
Крестьянина и автомобилиста.

Мир замерзал. Но город, как ковчег,
Сквозь зиму проплывал напропалую,
Доказывая, – двадцать первый век
Не так уж страшен, как его малюют.

Я научился различать вполне
Понятия сомнительного толка.
Но всё, что было век назад в цене,
С тех пор не обесценилось нисколько.

Стремиться к цели, голову сломя,
И умереть от старости в постели...
Нет, чтоб из-за любви сойти с ума
Или за честь погибнуть на дуэли!

Смерть оказалась мне не по уму,
Ума я мог легко лишиться сдуру,
Но уцелел. Возможно, потому,
Что слепо был привержен Эпикуру.

Снег опускался вниз, не торопясь,
Никак не добираясь до итога;
И к ночи над Москвою разнеслась
Неясная воздушная тревога.

Сгущалась мгла, скрывая без следа
Весь город – от Лефортово до Пресни;
И граждане сновали кто куда
От головокружений и депрессий.

И только, не задетый кутерьмой,
Пёс-поводырь вёл за собой слепого.
Так наступал две тысячи седьмой
По счёту год от Рождества Христова.

Канун

Туман в низинах расстилался пеленою,
Внезапный ветер набегал и пропадал;
И до утра, готовясь к завтрашнему бою,
Не спал в сраженьях закалённый генерал.

Рассвет всё ближе. Но, покуда час не пробил,
Он зорким взглядом обводил притихший стан;
То тут, то там мелькал его орлиный профиль,
И все бесшумно расходились по местам.

Он назубок усвоил истины простые:
Не лгать, не трусить, не сдаваться, не стонать.
Он знал доподлинно, как велика Россия,
И доброй волею не стал бы отступать.

Пристало ль русским перед пулями склоняться,
 Когда на знамени – нерукотворный Спас!
 Мы насмерть станем за родную землю, братцы,
 И вместе выживем. А впрочем, как Бог даст.

Пусть грянет бой, какой от века был едва ли,
 Пусть супостату будет белый свет не мил;
 Чтоб через двести лет потомки вспоминали
 Тех, кто за Родину себя не пощадил.

Он не застанет час, когда под вечер смолкнут
 Орудий залпы, посвист пуль, снарядов вой.
 Он будет гордо умирать, шальным осколком
 Смертельно раненый в атаке роковой.

Светлело небо в ожидании восхода;
 Вот-вот над полем вспыхнет первая заря.
 Начало осени двенадцатого года.
 Грузинский князь – на службе русского царя.

Ночные ведьмы

*Памяти девушек 46-го Гвардейского
 авиаполка посвящается*

Напрасно вы нас ведьмами прозвали.
 Вам ведьмы сроду были нипочём;
 Столетиями легко вы побеждали,
 Пытая их железом и огнём.

Зря скалите озлобленные пасти,
 Всё будет по-другому в этот раз;
 Железо и огонь – не в вашей власти,
 Теперь они обрушатся на вас.

За каждое земное злодеянье
 Вы приговорены нести ответ.
 Мы девушки – небесные созданья,
 Но для врага – страшной ста тысяч ведьм.

Нас голыми руками не возьмёте,
 Когда, прожекторам наперекор,
 Бесшумно мы на бреющем полёте
 На цель заходим, заглушив мотор.

Кто сманит нас благополучным раем?
 На восемьдесят бед – один ответ!
 И даже если в небе мы сгораем,
 Тем, кто за нами, – пролагаем след.

Бессильны ваши ненависть и злоба.
 Мы тут, мы там, вокруг – со всех сторон.
 Хоть не сомкните глаз, глядите в оба,
 Мы наяву – ваш самый страшный сон.

И вам нигде не отыскать спасенья, –
 Забившись в щель, ползком иль на бегу.
 Нет, мы не ведьмы, мы – богини мщенья,
 Не знающие жалости к врагу.

Черногорская легенда

Полумесяц потонул в заливе,
 Померчал и в глубине исчез.
 До чего же ночи здесь красивы.
 Чуть колышется прибрежный лес;

Ослепительно сияют звёзды,
 Дышит влагой терпкая трава;
 И звенит ночной прозрачный воздух,
 Как натянутая тетива.

Память на случайности горазда,
 В прошлое стучится наугад.
 Черногорцы тут стояли насмерть
 Полтысячелетия назад.

Было так, – когда незванный кто-то
 В вольный край дерзал войти с огнём,
 Просыпался неприступный Котор,
 И святой Покров лежал на нём.

Испокон веков не имет срама
 Тот народ, что верую богат;
 И на месте разорённых храмов
 Воскресали краше во сто крат.

Час настал, сошлись клинки из стали,
 До глубокой ночи длился бой;
 Огненные звёзды заблистали
 И скрестились в небе над водой.

И тогда, от злобы обессилев,
 В первый день Великого поста
 Полумесяц потонул в заливе,
 Побеждённый силою креста.

Тишина

Дождь неуклюже накрапывает,
Воздух пронзительно тих;
Редкое небо проглядывает
Меж облаков кучевых.

Роща скромна, словно девственница,
Галок и тех не слышать;
Молча берёзы советуются,
Как бы им день скоротать.

За ежевичною изгородью
К шёлковой ели прильну.
Лишнего слова не выговорю,
Чтоб не спугнуть тишину.

Русь-недотрога – награда моя,
Вдруг невзначай в тишине
Тайна твоя неразгаданная
Чуть приоткроется мне.

Моя Вятка

Русь склонить под рукою владычней
Порешил патриарший престол.
Мои предки, чтя древний обычай,
В те поры уклонились в раскол.

Непокорные старообрядцы
От гонений скрывались в скитах
И осели по землям по вятским,
Не продав свою совесть за страх.

Не сломили их беды и бури,
Жизнь вилась над избою дымком;
Ведь не зря мой прапрадед Меркурий
Основательным слыл мужиком.

Век бы жить им, молясь да не хмурясь,
Обустроить дом свой ладком.
Только видишь, как всё обернулось,
Когда грянул нечаемый гром.

Не спасла моих прадедов Вятка,
Тут уж поздно – крестись не крестись;
Те, кого не смело без остатка,
Кто куда по Руси разбрелись.

Жить по чести, случалось, непросто, –
Хоть умри, а душой не криви, –
Но всегда выручало упорство,
Что у каждого было в крови.

Хотя я не бунтарь бесшабашный, –
Не буяню, интриг не плету,
Не усердствую в спорах, – однажды
Мне становится невмоготу.

Не по вере – по жизни раскольник,
Не терплю самозваную знать;
Что поделаешь, вятские корни
Всё – нет-нет, а дают себя знать.

Хоть с сумою – да что-нибудь стою;
Предкам-старообрядцам под стать –
Я всегда шёл дорогой прямою,
А упрямства мне не занимать.

Жизнь качала, трясла и кружила,
Но дорога казалась гладка,
И текла в переполненных жилах
Заповедная Вятка-река.

Снег в Крыму

В горах сгустилась пелена,
Какой не чаяли вначале,
И сумерки средь бела дня
Непредсказуемо настали.

Сплошной завесой снег упал;
Кругом – не видно на полшага.
В снегу Ангарский перевал,
В снегу отроги Чатыр-Дага.

Зима сошла во всей красе,
А с нею спорить не годится;
По обе стороны шоссе
Машин застыла вереница.

Но чувствовалось, что вот-вот
Природа сменит гнев на милость;
И я прошёл пешком вперёд,
Туда, где небо прояснилось.

Я вглядывался из-под век
 Вослед унявшейся стихии,
 Вдыхая первозданный снег,
 Простой, привычный снег России.

***

Серый снег декабря, будто вор на доверии,
 Точный час улучив и поклянчив взаимы,
 Отобрал эйфорию осенней феерии,
 Подменив на депрессию пресной зимы.

Месяц с лишком казалось, что всё только снится мне;
 Но под утро крещенского, щедрого дня
 Снегири – мультипликационными птицами, –
 Прошумев за окном, разбудили меня.

Дотянуть до весны или, лучше, до Троицы,
 Слиться с ливнем, полощущим по площадям,
 И понять, что ещё не пора успокоиться
 И не самое время платить по счетам.

Всполошатся чуть свет кредиторы, но пусть они
 Тщетно шлют мне вдогонку словесный портрет.
 От Страстного бульвара до Оптиной Пустыни
 Тополиный июль застигает мой след.

***

Солнце всходит, словно из-под пытки, –
 Хоть бы и вовек не рассвело.
 Город, обносившийся до нитки,
 Растерял последнее тепло.

День проходит, начерно набросан;
 Стынут листья в сквере на Страстном.
 Небо над Москвой стянула осень
 Серым негрунтованным холстом.

Полчаса до полного коллапса.
 Нет бы от снарядов или пуль, –
 Мир как будто сдуру наглотался
 Противозачаточных пилюль.

День устал мечтать о брачной ночи,
 Холостой рассвет, пустой закат.
 Только ветер вкрадчиво пророчит
 Неисповедимый снегопад.

И часу неведомо в котором,
 Над бесплодной осенью смеясь,
 Первый снег под бархатным покровом
 Скроет город от нескромных глаз.

Клоун

Неумыт, небрит и хмур;
 Мать забыв родную,
 Бывший клоун Артур
 Пьёт напропалую.

Весь разбит, как инвалид;
 Мрачно бредит пенсией.
 Пьянство – всё, что роднит
 С клоунской профессией.

Был азарт, был талант,
 Хоть никем не признан;
 Разменял по кабакам
 Да по антрепризам.

Постарел не у дел;
 Но работать – вот ещё!
 Он ни в чём не преуспел
 На гражданском поприще.

Ледяная полынья
 Тянет – не отцепится.
 Где друзья, где родня,
 Где жена, в конце концов?

Он пойдёт в шапито
 На гору Поклонную
 И, чтоб не видал никто,
 Поклонится клоуну.

А потом – вернётся в дом,
 Будет пить из горлышка
 И рыдать за столом
 У себя в Черёмушках.

***

Блажен, кто умер, думая о Боге,
В кругу благовоспитанных детей.
А я умру, как гонщик, на дороге,
С заклинившей коробкой скоростей.

Я равнодушен к почестям, наградам,
К тому, чтоб их любой ценой добыть.
Но раньше ты была со мною рядом,
И я с тобой – не мог не победить.

Как верный штурман, с самого начала,
За каждый поворот и перевал
На трассе – ты без страха отвечала,
И я беспрекословно доверял.

Не верю, что ты просто испугалась.
Но как-то раз, без видимых причин,
Ты не пришла, сославшись на усталость,
И я остался без тебя один.

Мне не достало чуточку удачи.
Но, помнишь, мой небесный знак – стрелец.
И я достигну верхней передачи
И всё из жизни выжму под конец.

И мне не будет за себя обидно,
Я гонку честно до конца доведл.
И если я погибну, то – погибну
С педалью газа – до упора в пол.

***

Распорядок в небесах нарушен,
Я такого не припомню мая;
Мелкий дождь изматывает душу,
По стеклу полосками стекая.

Продержись, бывало и похуже,
Может быть, просвет вот-вот забрезжит.
Это кажется, что жизнь снаружи
Никогда уже не будет прежней.

Повода отчаиваться нету;
Что за вздор – глазеть в окно с тоскою,
Словно солнце не светило летом,
Словно снег не выпадал зимою.

Станем собирать себя по крохе,
Чтоб не распылиться на осколки.
Я сварю для нас две чашки кофе
И достану Лермонтова с полки.

Хрупкий мир в окне на время вымер,
Всё живое дождь согнал под кровлю;
Значит, мы обречены на выбор, –
Выбор между смертью и любовью.

Просидим за книгой до рассвета, –
Только бы лукавый не попутал, –
И увидим, как упрямый ветер
Разгоняет облака под утро.

***

Рифма, как проклятие,
Помыкает нами;
Грешное занятие –
Говорить стихами.
Со строки не спросите
Подлинного дива.
Надоело до смерти
Говорить красиво;
Гладко – да не искренне,
Ладно – да не право.
Мыслимо ль об истине
Говорить лукаво?
Песни наши, жалобы –
Что свеча на стуже;
Время не бежало бы,
Было б только хуже, –
Не понять до старости
Самого простого:
Благ – кому достало сил
Не сказать ни слова,
Благ – кто, проникая вглубь
Смысла, а не слога,
Мог, не размыкая губ,
Говорить для Бога.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Елена ДУБРОВИНА

«И слово выиграл, как меч...»

Русский поэт Валентин СОРОКИН

2020-й год открыл для меня замечательного поэта, нашего современника, Валентина Сорокина. К новогоднему празднику я получила в подарок два тома его стихов и поэм – «Тоска по крыльям» и «Чаша судьбы» (М., «Вече», 2019), а потому смогла очень близко познакомиться с творчеством этого необыкновенного человека, родившегося в эпоху СССР, видевшего крах страны, глубоко осмысливающего плоды постсоветского развития России. Составитель двухтомника – прозаик и публицист Лидия Сычёва.

Елена Васильевна Дубровина – родилась в 1979 г. в Воронеже. Окончила филологический факультет Воронежского государственного университета и экономический факультет Института менеджмента, маркетинга и финансов. Автор романа «Туда, где рождается Солнце», сборников рассказов «Пшеничное сердце», «Бабушка-Вуду», «Я тут», её рассказы вошли в сборник российских авторов «Покатилось жизни колесо» и др. Публиковалась в литературных журналах: «Берега», «Подъём», «Молоко», «Роман-газета», «Наследник», «Полдень XXI век», «Суждения», в альманахе «Полдень» и др. Финалист VI Международного литературного фестиваля «Славянская лира-2019» в номинации «Малая проза. Свободная тематика».

Живёт в Воронеже.

В.В. Сорокин

Чтение было долгим, поскольку многие произведения требовали нескорого осмысления. Под одной обложкой, если можно так сказать о двухтомнике, сосуществуют совершенно разные стихи, а потому любой человек найдёт здесь что-то своё.

Каждая из стихий, так или иначе, врывается в бытие читателя, достигает кульминации, а после отступает, оставляя ему возможность самому делать выводы (это встречается не во всех произведениях поэта, но довольно часто). Такого приёма я ранее не встречала!.. Поделюсь своими впечатлениями о том, каким я увидела мир этого необыкновенного поэта.

Любимыми моими стихами стали очень многие, тематически поэт очень разный, но я остановлюсь на лирике 60-70-х (точнее, с 1957 по 1979 гг.). Именно эти стихи для меня оказались необычайно красочными, запредельно наполненными жизнью, болью, любовью и надеждой, чрезвычайно искренними, как в желании бороться за светлое будущее, так и в непоколебимой вере в осуществимость этой идеи. В стихах много смелости и напора, точного знания, куда и как надлежит двигаться самому лирическому герою и всему русскоязычному миру, как, например, в оде Москве¹:

*Покуда ты стоишь – стоит Россия
И правильно вращается Земля!*

Теперь о стихийности. Сначала автор открывает нечто огромное, бушующее во всей полноте чувств: ярость ли или самобичевание, укор или жертвенность, страдание или радость, холод отверженности или обжигающую любовь, негодование или упоение. Это необузданное чувство после бурного взрывного выплеска вдруг превращается в полный штиль. Почувствовать эту амплитуду можно, например, в стихотворении «Крылатая трасса»²:

*Когда вконец я думами измучен,
Когда забыться не хватает сил...*

Напряжение постепенно нарастает и в четвёртом четверостишии достигает своей верхней точки:

*И я пою о том, что трудно с правдой.
Но правда наша тем и хороша:
Ведь перед ней награда и преграда
Порой не стоят стёртого гроша.*

Будто порыв сильнее ветра проносится чувственный посыл горечи!.. Он держит в напряжении и продолжает держать тогда, когда уже хочется вздохнуть с облегчением!.. Это напоминает Вагнера, когда звуковой накал неминуемо нарастает даже после видимого облегчения, только у Валентина Сорокина чувственная буря, достигнув апогея, неожиданно стихает и исчезает:

*А ветер дышит влагой и морозом,
Бегут берёзы, ветками звеня...*

В последних строках взору читателя предстаёт всё та же панорама, он всматривается в неё с осторожностью, ожидая продолжения, но будто бы и не было ничего из того, что только что задело, встревожило и заставило сопереживать: жизнь продолжается и всё идёт своим чередом!..

Нечто похожее встречается в не менее потрясающем стихотворении «Тоска по крыльям»³:

*Он скажет громко: – Выбирай любую! –
Но я устало руку отведу.
Ведь я ищу не просто голубую,
А самую бессмертную звезду.*

Всё здесь сосредоточено на эмоции, она глобальна и, как у истинно русского человека, брошена сторяча. Но, выразив её с невероятной силой, лирический герой вдруг от неё отдаляется, и она гаснет, растворяется в бесконечно огромном мире – людей, природы, идей, а он, освобождённый, парит над нею:

*В полночный час над луговым простором,
В горах дремучих, где шумит река,
Её, наверно, видел только ворон
Да ветер, пролетающий сквозь века...*

Меня это поразило и открыло невероятные возможности поэзии: безграничность, переход от сильного личного переживания к огромному миру, во вне, где личное становится общим. (Сегодня мало кто умеет переживать свои эмоции во всей их силе и полноте; нам ведь всё некогда, да и признавать их наличие порой больно, а порой просто «не комильфо», поскольку современная мода требует от нас быть идеальными роботами с тепло-хладными чувствами и отношениями, а такие не умеют ни любить, ни ненавидеть, ни сострадать, ни жертвовать собой).

Не подумайте, что этот приём создан нарочито, чтобы обойти цензуру, которая до конца 80-х была очень жёсткой. Достаточно всмотреться в лирику, чтобы увериться – это потребность души самого поэта: «Уличаю, а не обличаю», – говорит он в стихотворении «Вот сомкну глаза»⁴:

*Никого не хаю, не ругаю.
– Здравствуйтесь! – открыто говорю.
Всем, кто пал на фронте, – присягаю,
Кто меня травил – благодарю!*

Здесь поэт не каратель, не учитель, не судья, он «правнук» свободолюбивого Бояна⁵, который чувствует жизнь и принимает её во всех изменениях. Лирический герой страдающий, остро переживающий и личную, и общенародную боль, поскольку:

*Все мы, все по радости и горю
На планете близкая родня...⁶*

Для поэта ценен каждый человек! Он неотъемлем от родной природы, сливаясь с ней в замысле и в чувстве:

*Вновь осыпает вишня
Белый, холодный пламень.
Нет, на земле не лишней
Ни человек, ни камень⁷.*

Куст сирени за окном. Сколь много глубинных раздумий он вызвал у поэта! Через его образ видится не только обессиленный скорбями человек и таинственный оракул, но и переход души в вечность; зыбкость и изменчивость земной жизни, ускользающего времени, печаль от смертности всего сущего, когда стирается не только память о друге, но и «века заветы».

После такого мистического путешествия последнее четверостишие возвращает в настоящее, к начальной точке:

*А сиреневый куст за окном,
Хоть несчастье, хоть радость случится,
Лишь о чём-то одном и одном
Терпеливо шумит и стучится⁸.*

Стоит отметить, что поэт переживает не только боль настоящую, но и грядущую, и даже ушедшую в историю, как, например, в стихотворении «Земля отцов»⁹:

*От стрелы и до курка
Через все туманы
По тебе прошли века,
Будто атаманы. <...>*

*О земля, земля моя,
Цезарь и Аттила
Не заполнили края –
Духу не хватило!.. <...>*

Какая искренняя сыновья любовь и сила веры в непобедимость Родины!

*Плачу, голову клоня,
Счастья ль, Бога ль милость:
Ты под сердцем у меня
Нежно уместилась.*

Масштаб поэта запредельный, с русско-сказочным, былинным размахом! Так, в стихотворении «Последний поэт»¹⁰ древность и настоящее мыслятся, как явление одного измерения, но в то же время дана панорама исторического развития страны:

*Дорог отточенные стрелы
Летят сквозь наши времена,
Пойду налево – там расстрелы,
Пойду направо – там война.*

*Рыдальным плачем журавлиным
С необозримой высоты
От Колымы и до Берлина
Во мне кричат твои кресты.*

А прямо – конница Батя... <...>

Родина в творчестве поэта занимает особое место. Нежная любовь к ней звучит в каждом его произведении: будь то сострадание, поэтическая живопись или даже страсть к женщине.

И этот искренне любящий Родину поэт, этот настоящий человек, этот воин чести и совести, был гоним!.. Он подвергался давлению за то, что отказал в подлом доносительстве. Негодует поэт, как могут от него требовать такого?! Неужели эти люди ходят по иной земле или иначе вскормлены матерями? Сокрушается Валентин Сорокин о том, сколько подобным образом талантов

сгубили, навешивая на них без разбору ярмо предательства. Ведь только один «последуй Иуды» – и непременно покончишь с собой, поскольку, по мнению поэта, с этим грузом жить невозможно! Он недоумевал, как могут от него требовать доносов, с каких пор это «норма», почему за правду, которая вовсе не противоречит учению партии, его казнят?!

Страшный период его жизни, невыносимый, пережить это истязание, растянутое во времени, настоящее мученичество! В этом суть следующего стихотворения, крика, полного невыразимой скорби.

*Россия! Родина поэтов,
Пути судьбы моей темны,
Глаза, как дула пистолетов,
И на меня наведены.*

*И кровью вымазаться лире,
И горлу выхаркнуть свинцом,
Коль ни один владыка в мире
Не прослезится над певцом. <...>*

*Умов слепое бездорожье
Трагедий века не лишит,
Меня, взлетевшего над ложью,
Могильный крест не утрашит!*

*Россия! Голову я поднял,
И слово выгранил, как меч!
Убереги меня сегодня,
Ведь завтра – некого беречь...*

Иным предстаёт лирический герой в поздних стихах (после 80-х), не менее ярких, глубоких, порой очень трагичных (для меня невероятными в своей силе и художественной красоте стали «Два крыла», «Ты и я», «Кладбище конвоиров», «Беда великая», «Зоин храм», «Новогодняя ночь», «Зной», «Всё помню», «Моление», «Вечная печаль» и многие другие; от души смеялась забавному панегирику «Одному лирику» – так просто и беззлобно показано футлярное малодушие в образе «ёжика»). Но речь сейчас намеренно идёт о творчестве поэта двадцатилетнего и тридцатилетнего возраста. Он молод, тонко чувствует жизнь, но при этом его стихи 60-70-х глубоко философичны. Видимо, сказались личные трагедии и скорби, поскольку только после пережитых испытаний возможен такой мудрый и прозорливый взгляд на бытие. А иначе как объяснить то, что молодой поэт ведёт повествование, обладая опытом мудреца?..

С наслаждением впитывала живописные, ёмкие, удивительно точные образы. Вы только послушайте, сколь много изображено в картине одного четверостишия!

*Грохотали и пели дороги,
Припадал на холмы небосклон.
И взирали славянские боги
С дорогих ярославских икон¹¹.*

Необыкновенные словесные зарисовки в стихотворении «Гроза»¹²:

*Ветер вихрями мчится с юга,
Ударяется о столбы,
Тучи, сдвинувшись друг на друга,
Распрямили крутые лбы,
И по чёрному небосводу,
Описав серебристый круг,
Сабли-молнии ринулись в воду,
Берега освещая вокруг...*

«Вскинет галочья стая себя...»¹³, «В предчувствии беды иль непогоды / Разрезал ворон марево крылом»¹⁴, «Твердеет небо, холодом объято...»¹⁵, «Словно белое одиночество, / Цапля высится над водой...»¹⁶, «И крыла не поднимут рассветы...»¹⁷ – подобные строчки заставляли меня застывать на месте, поскольку это и есть настоящая художественная магия поэтического мастерства!

Картины мира у Валентина Сорокина изобилуют пространством, такие эпические, такие северные. Это свойственно русской душе в её широте, в её прямоте чувств, в их силе и правдивости. Недаром Родиной Валентина Сорокина является Урал:

*Край ты мой необъятный,
Богатырь непонятный!¹⁸*

Стихи об Урале в творчестве Валентина Сорокина занимают особое место. Это не только настоящая живопись величественной природы – горы, леса, озёра, реки...

*Свято помню дороги и встречи,
Мудрость книг и стихов разговор.
Но сравнить тебя не с кем и не с чем,
Край мой, чудо заводов и гор!*

*Здесь гудками и грохотом грозным
Ночь пугает в лесу медвежат.
Здесь озёра – упавшие звёзды,
Голубя, под солнцем дрожат.*

*Я отсюда в сражение вышел,
Потому среди ночи и дня
Над собою не чувствую крыши,
Отделяющей мир от меня.*

*Здесь любому отдам я, как брату,
Радость дружбы и счастья венец.
Я тебе благодарен за правду,
Край мой, добрый и честный кузнец!¹⁹*

Это ещё и повесть о тяжелейших и опасных трудовых буднях безвестных, но настоящих героев, заводских рабочих, ежедневно рискующих своей жизнью на благо Родины возле раскалённых печей. Каким нужно быть человеком, чтобы осваивать и подчинять себе суровую природу Урала? Наверное, столь же волевым и могучим, как этот «Богатырь непонятный», столь же закалённым физически и духовно:

*Я стоял у огня,
Плавил кремний и резал,
Потому у меня
Руки пахнут железом...*²⁰

Как женщина, я оценила в лирическом герое Валентина Сорокина мужественность, решительность, способность на безрассудство, притягательность в своей прямоте, романтизм, неудержимость в желании обладать любимой.

Любовь в творчестве поэта представлена широко и разнообразно: его чувство может быть и согревающим огнём, и даже гибельным пожаром («Можно испепелить / Сердце меж двух огней. / Трудно тебя любить, / А не любить трудней»)²¹, но может быть остывающим («А в сентябре от ветра не согреться»²²) и даже ледяным («Ты перестала быть моей царицей, / Я запретил тебе повелевать»²³).

Но до чего же приятно открыть, что настоящие сильные мужчины ждут от женщин:

*Я в женщине ищу не утешенья, –
Огонь для сотворения добра*²⁴.

Он – верное и сильное плечо, правдивая и смелая открытость, художник с разумом лидера – соловей с львиным сердцем. За таким человеком устоит любой дом, любой город, любое государство. Сколько здесь страсти и удалого могущества молодого огромного сердца:

*Ваши стрелы не тронут меня,
Не пронзит, не погубит молва.
Я родился под знаком Огня,
Под могучим созвездием Льва.*

*Грудь мою целовала метель
Василиса, на санках летя.
Что мне тощій, измученный Лель, –
Слепоты и бесстрастья дитя?*²⁵

Могу себе представить, как горько автору, писавшему благословляющие строки: «И пусть растёт бессмертный Ахиллес / В любом селенье, в каждом русском доме!»²⁶ – наблюдать мужскую деградацию сегодня!.. Всё больше беднеет нация, поскольку мельчает человек сильного пола, не прошедший испытаний ни огнём, ни водой, ни медными трубами. Его ведущими чертами становятся ненадёжность и теплохладность. О, если бы не исчезли из нашей российской действительности русские «ахиллесы», то не возник бы вопрос у поэта так же и о женской деградации: «Почему бабы не рожают»?

И пусть с горьким сожалением противоречиво звучат следующие строчки, но сам лирический герой ни за что не расстанется с правдой. Он лишь говорит о том, как тяжело одному нести её, но без неё – то невозможно!

*Быть сильным – такое несчастье,
Такая дурная беда.
Тебе выражают участие,
Но чтобы помочь – никогда.*

*Встречая неправду привычно,
Я время и жизнь не корю.*

*И там, где молчать неприлично,
Я слово своё говорю*²⁷.

Противоречивость автора гораздо глубже, чем выбор между правдой и лукавством, прямоотой и изворотливостью. Здесь – то он остаётся верен себе, но вот мятежный ветер молодой души заставляет его вступить на путь Искателя истин в мире людей, в истории, в поэзии, определяя его выбор окончательно. Всё последующее, написанное после 80-х, это только подтверждает.

*Может быть, желая удивиться,
Я один на свете столько лет
То ищу, что не могло родиться,
То хочу, чему названья нет!*²⁸

Именно поэтому:

*Я родился – враг перекрестился,
Чёрный ворон вздрогнул и ослеп!*²⁹

Вообще, эта мистическая птица часто встречается в творчестве поэта:

*Давит ворона злость и усталость,
Словно дьявола перед концом:
«Почему же их, русских, осталось
Даже больше, чем взято свинцом?»*³⁰

Для меня остаётся загадкой, кто этот ворон для автора: предчувствие трагедии, символ беды, злая сила, образ врага Отечества, ложь, злой рок, сатана? Например, в стихотворении «Чёрная птица»³¹ – воплощение смерти. В другом, в очень мрачном, но величественном произведении, этот символ проплывает над жизнью, как «обугленный крест» с «дремучей жаждой смертей» во взгляде, и в него вкладывается гораздо большее:

*Чёрный ворон, угрюмая птица,
Бесприютная, злая душа...*³²

В творчестве поэта символ крыльев сакрален, поскольку для поэта высока цена свободы, поскольку он умеет взмывать над и рассматривать земное с высоты полёта. Настоящий талант – надмирный: вот почему после крика и болезненного стога возможен полёт, душа ведь вне идеологий и режимов:

*Задыхаюсь от высоты,
От полётного крутовертья.
Это правда – у красоты
Нет конца, лишь одно бессмертье*³³.

Чёрному ворону противопоставлены прекрасные белоснежные лебеди и журавли, бесстрашные орлы, соловьи с самозабвенной песней, чьи сердца не выдерживают грубости и фальши. Ему противопоставлен сам поэт!

Сила поэта для Валентина Сорокина как раз в том, что «беды исцеляют соловьи»³⁴. Яркий живописец, мудрый философ, вечный воин, одинокий в своем даре узреть суть вещей и видеть мир со стороны, он, «словно факел»³⁵, несёт по жизни свою израненную душу, потому что верит в святое предназначение творчества: дарить слепцам – просвещение, жестоким – доброту, преобразовать всё вокруг и отстаивать правду.

Я погрузилась в противоречивый и напряжённый мир Валентина Сорокина – в мир трагичный, надрывный, но полный до края многоцветием чувств, красоты человеческой души, её триумфа и бессмертия, её победы над любой неправдой, над вселенским злом в любом проявлении, верности традициям и Отечеству – с глубокой благодарностью не только за стихи, ставшие дорогами моему сердцу, но ещё и за возможность взглянуть на жизнь его глазами. Согласитесь, изучение творчества особенного человека даёт уникальную возможность невероятно расширить своё собственное мировоззрение. Мне не было просто, но я Валентину Сорокину очень благодарна!

Примечания:

- ¹ Здравствуй, Москва! / Валентин Сорокин. Тоска по крыльям. Стихотворения и поэмы. Том 1. – М., 2019. – С. 61.
- ² Крылатая трасса. / Валентин Сорокин. Тоска по крыльям. Стихотворения и поэмы. Том 1. – М., 2019. – С. 151-152.
- ³ Тоска по крыльям. / Валентин Сорокин. Тоска по крыльям. Стихотворения и поэмы. Том 1. – М., 2019. – С. 14.
- ⁴ Вот сомкну глаза. / Валентин Сорокин. Тоска по крыльям. Стихотворения и поэмы. Том 1. – М., 2019. – С. 118.
- ⁵ Монолог гусяра. / Валентин Сорокин. Тоска по крыльям. Стихотворения и поэмы. Том 1. – М., 2019. – С. 225.
- ⁶ Стрела азиата. / Валентин Сорокин. Тоска по крыльям. Стихотворения и поэмы. Том 1. – М., 2019. – С. 16.
- ⁷ Вновь осыпает вишня. / Валентин Сорокин. Тоска по крыльям. Стихотворения и поэмы. Том 1. – М., 2019. – С. 170.
- ⁸ Куст. / Валентин Сорокин. Тоска по крыльям. Стихотворения и поэмы. Том 1. – М., 2019. – С. 230.
- ⁹ Земля отцов. / Валентин Сорокин. Тоска по крыльям. Стихотворения и поэмы. Том 1. – М., 2019. – С. 212.
- ¹⁰ Последний поэт. / Валентин Сорокин. Тоска по крыльям. Стихотворения и поэмы. Том 1. – М., 2019. – С. 181.
- ¹¹ Ветер солнечный, тихий, безвинный. / Валентин Сорокин. Тоска по крыльям. Стихотворения и поэмы. Том 1. – М., 2019. – С. 56.
- ¹² Гроза. / Валентин Сорокин. Тоска по крыльям. Стихотворения и поэмы. Том 1. – М., 2019. – С. 155.
- ¹³ У межи. / Валентин Сорокин. Тоска по крыльям. Стихотворения и поэмы. Том 1. – М., 2019. – С. 135.
- ¹⁴ Валентин Сорокин. Тоска по крыльям. Стихотворения и поэмы. Том 1. – М., 2019. – С. 229.
- ¹⁵ В предчувствии беды иль непогоды. / Валентин Сорокин. Тоска по крыльям. Стихотворения и поэмы. Том 1. – М., 2019. – С.167.
- ¹⁶ В долине. / Валентин Сорокин. Тоска по крыльям. Стихотворения и поэмы. Том 1. – М., 2019. – С. 166.
- ¹⁷ Куст. / Валентин Сорокин. Тоска по крыльям. Стихотворения и поэмы. Том 1. – М., 2019. – С. 230.
- ¹⁸ Край ты мой. / Валентин Сорокин. Тоска по крыльям. Стихотворения и поэмы. Том 1. – М., 2019. – С. 176.
- ¹⁹ Я отсюда. / Валентин Сорокин. Тоска по крыльям. Стихотворения и поэмы. Том 1. – М., 2019. – С. 39.
- ²⁰ Я стоял у огня. / Валентин Сорокин. Тоска по крыльям. Стихотворения и поэмы. Том 1. – М., 2019. – С. 7.

- ²¹ Можно испепелить. / Валентин Сорокин. Тоска по крыльям. Стихотворения и поэмы. Том 1. – М., 2019. – С. 177.
- ²² Валентин Сорокин. Тоска по крыльям. Стихотворения и поэмы. Том 1. – М., 2019. – С. 164.
- ²³ Валентин Сорокин. Тоска по крыльям. Стихотворения и поэмы. Том 1. – М., 2019. – С. 195.
- ²⁴ Валентин Сорокин. Тоска по крыльям. Стихотворения и поэмы. Том 1. – М., 2019. – С. 227.
- ²⁵ Гороскоп. / Валентин Сорокин. Тоска по крыльям. Стихотворения и поэмы. Том 1. – М., 2019. – С. 169.
- ²⁶ Ахиллес. / Валентин Сорокин. Тоска по крыльям. Стихотворения и поэмы. Том 1. – М., 2019. – С. 220 - 221.
- ²⁷ Сожаление. / Валентин Сорокин. Тоска по крыльям. Стихотворения и поэмы. Том 1. – М., 2019. – С. 69.
- ²⁸ Волга, Волга! Крики пароходов. / Валентин Сорокин. Тоска по крыльям. Стихотворения и поэмы. Том 1. – М., 2019. – С. 54.
- ²⁹ Вот сомкну глаза. / Валентин Сорокин. Тоска по крыльям. Стихотворения и поэмы. Том 1. – М., 2019. – С. 118.
- ³⁰ Под седьми, как смерть, небесами. / Валентин Сорокин. Тоска по крыльям. Стихотворения и поэмы. Том 1. – М., 2019. – С. 222.
- ³¹ Чёрная птица. / Валентин Сорокин. Тоска по крыльям. Стихотворения и поэмы. Том 1. – М., 2019. – С. 134.
- ³² Чёрный ворон, угрюмая птица. / Валентин Сорокин. Тоска по крыльям. Стихотворения и поэмы. Том 1. – М., 2019. – С. 102.
- ³³ Я, наверно, люблю тебя. / Валентин Сорокин. Тоска по крыльям. Стихотворения и поэмы. Том 1. – М., 2019. – С. 229.
- ³⁴ В тихие и редкие селенья. / Валентин Сорокин. Тоска по крыльям. Стихотворения и поэмы. Том 1. – М., 2019. – С. 216.
- ³⁵ Я кланяюсь. / Валентин Сорокин. Тоска по крыльям. Стихотворения и поэмы. Том 1. – М., 2019. – С. 36-37.

ПОЭЗИЯ

Пётр Янович Межиньш – родился в г. Елгаве (Латвия). Окончил Рижское железнодорожное училище и Рижский строительный техникум. Издал 14 книжек стихотворений и эссе о стихах и поэзии. Член СП России. Лауреат Литературно-общественной премии «Золотая осень» им. С.А. Есенина, с вручением одноимённого ордена (за вклад в русскую литературу). Живёт в Риге (Латвия).

Пётр МЕЖИНЬШ

«Следы уходят вдаль...»

***

Ночь не спит, во мне не спит,
и взволнованные звёзды
по крови плывут небесной;
передумывают думы,
раздувая в сердце пламя,
чтоб наутро солнцем брызнуть,
растворившись в синей сказке...
Ночь, ворочаясь, вздыхает,
каждый миг перебирает:
от сознательного слова,
от истока до потока...
В лунных волосах погоня
за бегущим ветром листьев,
проносящим по аортам
запахи цветенья утра.
В росной свежести сирени
переливы самоцветов.
Этот сад внутри потока,
в сотах ночи вызревает,
и в ключе бурлит, не дремлет,
ночь со дна на звёзды смотрит,
каждый камешек считает...
Как же мне не волноваться,
если ночь во мне не спит.

ПЭТР МЕЖИНЬШ

***

Ниспадали огни
с омеднённого шпиля,
с омеднённого шпиля –
на хребтины камней.
Размывая закат,
море волны крушило,
море волны крушило
на стальной крутизне...

На стальной крутизне
сколько слов не допето,
сколько слов не допето...
Пена ищет пролом...

Потемнели ветра,
и не видно просвета,
и земля без ответа,
лишь звезды уголёк...
Лишь звезды уголёк,
словно призрак янтарный,
словно призрак янтарный
или выход куда...
Или выход куда –
вдаль за грани удара,
вдаль за грани удара,
где другая вода...
Где другая вода и другая дорога,
и другая дорога притекает ко мне...
И другие огни ниспадают отлого
с омеднённого шпиля
на хребтины камней.

Кошка

«Была страна...»

Вот и всё. Ворошат и таранят
Старый мир,
но для сердца родной...
И мелькнёт за оконным экраном
Чья-то кошка,
метнувшись стрелой...
Все уехали. Кошка осталась.
Здесь кормили её молоком...
Всё искала хозяев, металась, –
А теперь мир летит кувырком...

Вот она сиганула с окошка,
И обрушился старенький дом...
Плачет сердце –
    бездомная кошка,
О разрушенном доме своём.

***

Рессоры качались,
    скрипели и пели.
Колёса в булыжник стучали
    в подскок.
И дикие, в пене, лошадки
    хрипели,
и охал сиденьем
    спешащий ездок.

Лошадки умчались, и запахи лета
уже заменяет другая пора,
но всё ещё музыка цоканья где-то,
и нищая скрипка скулит из двора.
И гибкая грация
    сходит на камень, –
азартно спадают колечки волос...
И поезд вздыхает, сверкая боками,
и пышет, нутром исходя, паровоз.
Всё было и не было –
    вроде приснилось –
ходячая музыка, пенье весны,
лохматый точильщик и в искрах точило,
в тени, у сараев журчит дровяных.

Июненка

Где-то вдруг аукнется,
где-то вдруг откликнется...
Прилетит июненка
детства моего.
Прилетит хорошая,
прилетит роднulenька,
будет жизнь раскручивать –
пчёлкой луговой.
Солнце улыбается.
Лес и рожь качаются.
Ручеёк веселенький
лётся, говорит.

Ноги на дороженьке
гонят пыль пуховую
к озеру с песчинками,
рыбками на дне.

Рощица взбирается
к облакам улыбчивым,
а потом, тропиночка
среди берёз – бегом.
Горка земляничная.
На губах черничина.
Память – лента крутится.
дальше – ничего.

Липа цветёт

Липа цветёт.
Пчёлы жёлтую музыку пьют.
И кисейная сладкая дрёма
на ресницах поёт ветерком.

Что цветами сказать на ветру,
если лёгкая тонкая власть
волн вступающих
    плеском зовёт,
если солнцем пропитанный воздух
росной нежностью лип удивлён,
если вечный ребёнок с утра
измеряет шагами тропу,
если мёдом и свежей зарёй
пахнет радость полёта души?..

Липа цветёт. Липкий сок –
среди жужжащей листвы.
В сотах выси ребячьего сна...

***

Вента. Вентспилс. Верфь и порт.
Каравеллы, бригантины...
Ванты. Согнутые спины –
кинолента давних пор.

Фонари. Ночной шалман.
Стол. Поэт, перо, бумага.
А в углу сидит ватага,
возводящая туман.

У матросов выходной,
и веселье перед рейсом,
и шалманщик в рыжих пейзах
наливает по одной...

А в порту гудит причал,
начинается погрузка.
тени тел по сходням узким
в трюмы груз кладут – внавал.

Завтра будет герцог сам...
Капитан готовит флаги...
Завтра к острову Тобаго, –
путь эскадры по волнам...

***

В озёрном небе – лёд глубин,
моллюсков зыбкие ветра,
размыв огней, созвездий клин,
ершалаимская гора...
И цитры цитрусовых птиц,
цесарок золотых волна.
Непостижимый свет божниц,
и трав извечных письмена...

Босые буквицы судьбы –
земного сына благодать...
Терновых иродов – шипы
и рук умытых тишь да гладь...

***

Засветлеет полюшко
За моим окошечком,
Заполощет реченька
Сонный бережок...
Просыпайся, доченька,
Просыпайся, солнышко,
Просыпайся, милая –
Глазоньки открой!..

За росой, за росынькой, –
Слышишь, радость, песенку,
Песенку счастливую –
Песенку про жизнь...

Просыпайся, милая,
Улетает ноченька,
Лунная берёзонька
Не шелохнет лист...
Просыпайся, солнышко!..
Засветлеет полюшко,
Заполощет реченька
Сонный бережок...

***

Следы уходят вдаль
из памяти прибоя,
Мелодия звучит,
как жизнь звучит сама.
Два мира в ней поют
и о своём – в них каждый.
Верёвкой не связать никак,
не связать никак
различных чувств пути.
И в рижских уголках,
под крышами мелодий –
остатки прежних снов
из давних дальних лет,
но просят сюда:
мелодия у моря
и шорохи песка,
и шорохи песка
босых былых следов.
И лодка – на песке,
смолой пропахли сети,
и солью на губах
щекочет ветер брызг.
С ладони сдут песок,
и в сердце – боль прибоя
мне музыкой звучит,
мне музыкой звучит,
звучит, как жизнь сама...

***

Прислушайся к вьюге, как ветрено рыщут
Снега, раскидав облака по углам.
Послушай, послушай, их белые тыщи
Шныряют везде по верхам и низам!..

Ты, слышишь, рыдает за мглистостью куцей
 Задвинутый, сдутый в безудержный сон?
 Он хочет идти, но не может проснуться,
 Как выюга, его завывающий стон...
 Прислушайся, может быть, в звуках отыщешь,
 Кто в цвете весеннем поёт по лугам...
 Но всё же, но всё же там белые тыщи
 Шныряют везде по верхам и низам!
 Мне хочется думать о греющем лете,
 О ласковых людях – создателях дней...
 Но всё ещё, всё же, за окнами ветер,
 Табун – по ухабам из диких коней!
 Но всё же, но всё же по стёклам снег хлыщет,
 По взветренным лицам и по глазам...
 Но всё же, но всё же бьют белые тыщи,
 Шныряя везде по верхам и низам!..

Твои глаза

Л.М.

Романс из музыкального цикла «Метель»
 на музыку Георгия Свиридова

Пуста река.
 Снега, снега...
 Ослепшим
 бегом дней
 владеет ветер.
 Но есть любовь
 твоя на свете,
 и в душу милые
 глядят глаза.

И ночь, и день –
 метель, метель,
 её мятежный дух
 сжигает свечи.
 Живёт во мне
 твой образ вечный,
 как солнца лучики
 в твоих глазах.

Костёр зажгу
 на берегу,
 в метельной музыке –
 печаль о лете.

В озноб огня
 стучатся ветки,
 а сквозь метель
 глядят
 твои глаза.

Метель встаёт,
 метель поёт,
 колёса памяти
 вихрит и вертит...
 Твоя любовь
 зовёт и светит,
 и говорят со мной
 твои глаза

***

Пиноккио – живой сосновый мальчик,
 творенье грёз – из пинии смолистой,
 игрушка длинноносая – без фальши,
 наивности тропа – в коварстве лисьем...

Вздыхают мальвы, виноград – у склона...
 Ты не полюбишь сердцем деревянным.
 Твоя шептунья, сказка, белодонна
 неслышно плачет у Чудес поляны...
 О, соле мио, солнце, соле мио!
 Огнём камина дней закрыта дверца...
 Боюсь, нечаянно, мой Пиня милый,
 обжечь тебя своим горящим сердцем...

***

Солнечной смолой пропах сосенник,
 по стволам стремится к небу медь.
 О рябине пел Сергей Есенин,
 что не может сердце отогреть.
 Да и как согреть, коль сердце плачет
 на холодном красном сквозняке.
 По земле морозный всадник скачет,
 остріе в безжалостной руке,
 режет, рубит и стреляет метко...
 А в краю лучин, веретена,
 есть Есенин – это вам не ветка,
 это в мире целая страна.

Редкая страна под небом синим,
каждая в ней буква жива...
Синие глаза самой России,
нежные, волшебные слова...

***

Токарня, ковальня, калильня
и масляный дух цеховой,
шипенье эмульсии мыльной
и вздохи из мглы паровой...

И наша страна за забором,
вчера детства страна –
в поношенных брата опорках,
и радость – крющон-лимонад...

Спасибо – стальной и чугуновой,
конфорочной и бельевой –
за детство моё и за юность,
за смеха простор зоревой...

Калильня, клепальня, правильня, –
и в праздник – оркестр духовой...
Забудь, говорят... Не забылось...
Как свет мотылька золотой...

***

Я помню дом и запах божьих свеч
над вдохновенным шорохом бумаги
и жестяные капли сонной влаги
в поварне магий воли высших сфер.
Там по ступеням снежной тишины
сходила ночь

к моим бессонным струнам.
И тени шелестели светом лунным,
и взад-вперёд ходили вдоль стены.

ПРОЗА

Валерий АРШАНСКИЙ

**Журнал «Великороссъ» поздравляет
Валерия Семёновича с 75-летним юбилеем!**

Странный мальчик

Вот он стоит передо мной, весь такой вежливый, воспитанный, смиренный:

– Скажите, а можно я вот то подожду?

Смотрю в направлении его незагорелой, потому что он и в жару ходит в рубашке с длинным рукавом, руки и холодею от ужаса.

– Женья! Да ты что? Это же стог сена, его наш сосед, дядя Лёша всё лето собирал, с косой не расставался. Спалишь скирд, чем он зимой бурёнку свою будет кормить?

И ещё раз недоверчиво поглядываю на мальчишку одиннадцати лет, не пошутил ли он насчёт поджога? Да нет, вроде. Женья вообще шутить не умеет. С юмором у него, как мне кажется, серьёзные проблемы. Говорят, пацан этот весь в папу – главного врача большой больницы в далёком северном городе Мурманске.

Порой, чтобы поддразнить и тем самым хоть как-то вывести из вечного сонного оцепенения мальчика Женью, я нарочно делаю ударение не на том слого, говоря Мурманск. Женья спокойно, не взъерошиваясь, каждый раз поправляет: «Мурманск». И потом долго смотрит на меня: почему этот дядя, такой взрослый человек, не запомнит столь простое слово.

– Женья? А ты привык уже к полярным ночам в Мурманске, жизни по будильнику? – вновь нажимая на «а», пытаюсь завести мальчишку.

– Что? Мурманск! – опять осаживает он меня. – Что вы говорите про ночи?

А мне уже и неохота его о чём-то спрашивать. Теперь – с неизменными спичками в руках – подходит ко мне он.

– Извините, что отрываю. А можно я вот то подожду?

Как зовётся «то» (сухой хворост), он не знает. Женья многого чего не знает, в отличие от местной детворы, значительно младше его по возрасту. Он не знает, что такое смородина. Не знает, как растут огурцы. Не отличает сливу от вишни. И мне очень часто становится так жаль этого мурманского

Валерий Семёнович Аршанский – писатель, журналист. Член Правления Тамбовского регионального отделения Союза писателей России, член Союза журналистов России. Заслуженный работник культуры РФ. Родился в 1945 г. в Магнитогорске Челябинской области. Вырос на Украине. С 1973 г. работал в «Мичуринской правде», долгое время – её главным редактором. Публикует романы, повести, рассказы, очерки в журнале «Подъём», областных газетах «Город на Цне», «Наедине», «Тамбовская жизнь», коллективных сборниках «Тамбовский писатель, 2004» (Тамбов, 2004), «Тамбовский альманах» (2006). Возглавлял издательский дом «Тамбовская жизнь». Лауреат областных премий имени И.А. Гаврилова, а также А.К. Воронского. Награждён Почётным знаком «За заслуги перед Тамбовской областью».

Живёт в Мичуринске.

мальчика, настолько привыкшего к своему бессолнечному северному краю, что он не в состоянии здесь, сейчас, где летняя погода под стать раскалённой сковородке, расстаться со своими рубашенциями с манжетами на запястьях и даже переоблачиться в ковбойку, не говоря о майке.

А окрестные сельские ватаги пацанвы – вообще голопузые да всё босиком, несмотря на цыпки на ногах. А Женя в носочках. Женя в кроссовках. Он и для дачи-то упакован чересчур. Но это его не тормозит, не смущает, ему так хорошо.

– Ладно, Женя, жги тот костёр. Смотри только, осторожнее, трава сухая, чтоб не полыхнуло. Возьми вон тяпochку, окопай ровик, чтобы огонь не побегал по сухостою...

Ага. Как же! Жди, окопает тебе Женя ровик. С тяпochкой наперевес, обхватив её как можно несуразней, он спешит к горке древесной коры, иссушенных ключев бурьяна, репейника, давней ботвы и шелухи – скорее зажечь этот хлам.

И какая там тяпка! Опершись на неё, Женя стоит, как зачарованный, пожирая пламя внезапно ставшими ещё больше карими глазами, не обращая внимания на едкий прогорклый дым, от которого першит в горле даже за сто шагов от костра. Он сейчас весь там, в пляшущих огоньках. Что видится ему в их отблесках?

Родной дом в льдинистом, заснеженном, завьюженном Арктическом переулке? Бассейн с голубой водой, куда привык ходить с мамой два раза в неделю, где под привычными лампами дневного освещения столько всяких удовольствий – горки, фонтаны, души, не сравнимые со здешней какой-то дикой речкой с обрывистыми берегами, откуда с истошными воплями, улюлюканьем срываются один за другим, то вниз головой, то «солдатиком» обгоревшие на солнце дети?

А может, он видит в жарких оранжевых лизунах костерка уютный свет домашней лампы, полочку своих любимых книг, где сплошь – фантастика, компьютерный мир игр, которыми запросто можно развлекаться в одиночку, без братика, без сестры. Их ведь уйма сейчас, таких игр.

Что-то, ведомое одному только Жене, мальчику, приехавшему из Заполярья на каникулы сюда, в черноземную деревню, с тётей, можно рассмотреть в пыхающем клубами огня и дыма костре.

– Женя, пойдём обедать!

– Что?

Тётя Оля, плохо слышащая с тех самых лет, когда поварихой тонула на рыболовецком сейнере, думает, что племянник спрашивает её о меню предстоящего обеда. И добросовестно перечисляет, как на рапорте старшему помощнику капитана.

– Женечка, там крошечка со сметанкой, салатик с помидорками, лучком, огурчиками, пюрешечка с котлетками. Сейчас и компотик будет готов с вишенками.

Женя хорошо воспитанный человек. Он знает, что неправильно свои личные желания противопоставлять общественным. И, если сейчас вся дачная орда из девяти взрослых и четверых детей садится за стол, то нельзя отказываться от совместной трапезы только потому, что ты не увидишь на тарелке любимую рыбу палтус, а в широкой и глубокой фруктовой вазе – любимые апельсины из Марокко, которых всегда полным-полно во всех торговых точках Мурманска. Нет на столе привычных бананов и киви, и не выпьешь тут любимый охлаждённый мультифруктовый сок из жестяной консервной

банки. Как же ему не хватает этих ярких разнофигурных, стеклянных, оловянных, пластмассовых банок и баночек, тубиков и флакончиков, которых такое изобилие в родной стороне!

Разве здешние громадные пластиковые сосуды «Бонаквы», кока-колы, солёной «Липецкой» воды способны заменить привычные напитки из мурманских магазинов, все сплошь расфасованные в маленькие изящные бутылочки под разноцветными пробками?..

«Ладно, есть всё равно что-то надо. Пойду. Посижу. А ещё через пять дней – домой. Ура!»

И он сидит за общим столом, чуточку отрешённый, чуточку отстранённый от всего, рядом происходящего, безучастный к обеденным шуткам, смеху, разговорам. Что-то ему подкладывает в тарелку добрая сказочная фея тётя Оля. О чём-то без конца спрашивают его всякие-разные родственники, которых он никак не запомнит по именам-отчествам. С нескрываемой усмешкой в глазах норовят ему подсыпать соль в компот или мазануть горчицей по срезу сладкого пирога двоюродные чертенята – кто постарше, кто помладше. Женя всё это видит. Но молчит.

Потому что мыслями он уже там – в купейном вагоне фирменного поезда, где только займёшь свой диванчик – тут же почувешь родное, желанное, близкое. Там матово отсвечивающие в керамическом кувшине на столике строгие листья восковых цветов – не чета дачно-садовым астрам и георгинам, окружающим здесь все дачные тропы и тропиночки. Там молочные полоски света люминесцентных ламп, не сжигающие и не опаляющие, как здешние безжалостные лучи вечно обозлённого на род людской Ярилы. Что это за радость тут у них такая – солнце, сжигающее с высоты небес сады, поля и огороды и всё равно остающееся божеством, идолом для поклонения им, людям с Большой земли, с материка? Там жизнь! Шпроты, лосось, тунец в баночках-консервах, которые повезут к радости пассажиров на тележках по вагонным коридорам тёти из ресторана. А тут?

Отъезд будет уже скоро, меньше чем через неделю. Значит, нужно пока здесь потерпеть, давась в обед густым, пышно взбитым картофельным пюре, не сравнимым с тем, домашним, легко проглатываемым – из порошка, залитого водой-кипятком. Можно сделать вид, что тебе ужасно нравятся эти брызгающие соком при первом же надкусе яблоки белый налив с нежными янтарными щёчками, такими, как у подружки по мурманскому бассейну – Аэлиты. Можно для приличия и к вящему тёткиному удовольствию попросить ещё в добавку полстакана компота, думая лишь об одном: куда бы вылить его, в подмётки не годящегося консервированному исландскому спрайту, который за копейки наливают в школьном буфете.

– Жень, Женя!

– Что?

– Жень, а при скольких градусах у вас занятия в школе отменяют?

– Что?

Жене трудно возвращаться из туманностей Андромеды, куда то и дело завлекают его мысли, на грешную землю. Школа? Что школа? Какие градусы?

И он вежливо улыбается, когда кругом все хохочут над его растерянностью. Сейчас... Вот ещё немного... Сейчас... Он соберётся, сосредоточится, попросит ещё раз повторить вопрос. И ответит на него подробно, обстоятельно, грамотно. Сейчас. Только дайте ещё миг, ещё полмига спуститься с небес на землю. Всё. Спрашивайте.

ПОЭЗИЯ

Владимир СОРОЧКИН

ВЛАДИМИР СОРОЧКИН

Владимир Евгеньевич Сорочкин – поэт, переводчик. Родился в 1961 г. в Брянске. Окончил Брянский технологический институт и Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького (семинар Ю.П. Кузнецова). Стихи и переводы публиковались во многих журналах и альманахах – «Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия», «Юность», «Смена», «Дружба народов», «Литературная учёба», «Московский вестник» и др. Автор стихотворных книг «Луна» (1995), «Тихое “да”» (1997), «Завтра и вчера» (2005), «Потайное небо» (2016), «Божье колесо» (2019). Лауреат Всероссийских литературных премий им. Ф.И. Тютчева «Русский путь», им. Н.С. Гумилёва и др. Председатель Брянской областной общественной писательской организации, секретарь Союза писателей России, член Союза писателей Союзного Государства.

Живёт в Брянске.

Помню о вас

Какой портной...

Какой портной в пресветлой горенке
Под шорох ветра и планет
Смог без сучка и без задоринки
Сшить воедино этот свет,

Соединить сиянье месяца
И синеву звенящей мглы...
Посмотришь – жизнь твоя поместится
На острие его иглы.

Помню о вас

Всем, кто ушёл, мне хотелось бы снова
Доброе слово сказать иль полслова –
Всем, кто ушёл.
Всем, кто в закатной разлил позолоте
Дни, промелькнувшие, словно в полёте
Крылышки пчёл.

Помню о вас, кто с терпеньем и болью
Жил, на любовь отвечая любовью, –
Помню о вас.
Помню, что сретенье – не за горами,
И проступает сильнее с годами
Кровная связь.

Живы во мне – отголосками счастья
Все вы, родные, до смертного часа
Живы во мне.
Живы, печалям земным не внимая,
Веткой сирени весну обнимая
В радужном сне.

Живые огни

В лёгкой дымке туманного газа,
Неизвестно в кого влюблена,
Половинкой кошачьего глаза
В поднебесье мурлычет луна.

Шерсть травы и листвы переливы
Запихнули в кирпичный мешок,
Но взрываются вишни и сливы
Белоснежными вспышками щёк.

До свиданья!.. Кусочками мела
Дорисую живые огни,
А поэзия – это похмелье
От тебя в молчаливые дни.

В шелестении слов утопая,
Гаснут окна последние, чтоб
Полночь сыто лоснилась, ступая
Над разливом цветущих трупоб.

Листья, травы...

Как всегда – сильны и здравы,
Схватят солнце под уздцы
Всей толпою – листья, травы,
Первоцветы-сорванцы.

И – один другого краше,
В небо двинутся войной,
Чтоб себя размазать кашей
По тарелке земляной.

Вот они – в весёлом раже,
Выполняя вечный долг,
Маршируют в камуфляже
Вдоль асфальтовых дорог.

В наступленьях и погонях
Вдаль спешат – за рядом ряд, –
Словно звёзды на погонах,
Одуванчики горят.

Травы тонут в ливнях мая,
Прорастают сквозь былё,
Корешками обнимая
Счастье горькое своё.

Черепаха

В плоске рдеет, томясь, земляника,
Что июнь мне принёс в подоле.
Долгой жизни закрытая книга
Черепахой лежит на столе.

Только детство так сладостно пахло,
Вознесясь, как святая душа.
Вьются пчёлки. Молчит черепаха,
Всё ещё никуда не спеша.

Книга дремлет, на солнышке грея
Коленкоровый панцирь крыла.
Я её прочитаю быстрее,
Чем она уползёт со стола.

Полнолуние

Полнолуние. В молочном
Мраке надфилем морозным
Чуть подточен хрупкий диск.
Скрасят, тихие – до звона,
Небеса кружком лимона
Землю, вымерзшую вдрызг.

Новый год приносит счастье,
Льёт его из полной чаши, –
Легче лёгкого оно:
Подавись, утрись, залейся! –
Счастья каменного леса
Хватит всем до одного.

Чай кислит. Закрыты шторы.
Даже наши разговоры
Не кончаются добром...
Зачеркну «добром», оставлю
«Не кончаются...» и стаю
Строчек, сникших под пером.

Гололёд. Потёмки. Холод.
Сын уходит. Сны уходят.
Горек снег, как белена,
Волчья ягода, крушина.
Светит доньшком кувшина
Шилом бритая луна.

Светлячок

Светлячок горит вдали от сплетен,
Без особых мыслей в голове, –
Он до неприличия заметен,
Под ногами путаясь в траве.

Всяк влюблённый – капельку придурок,
Так и он являет свой задор,
Словно непотушенный окурок
Или непогасший метеор.

Спят во мраке города и веси,
Но на перекрёстках всех годин
Тьмы не существует, даже если
В мире он останется один.

И моргает часто-часто-часто
Зоркий проблесковый маячок:
«Вот он я! – светящийся от счастья
Дурачок!»

Только слова

И снова шуршит листопад,
И теплятся звуки,
А я говорю невпопад
Слова о разлуке.

Так просто – уйти, как вода,
Бегущая в реки,
Оставшись уже навсегда
С тобою навеки.

Помедлю, молчанье храня,
Зависнув над бездной...
Всегда ты была для меня
Водою небесной.

За этой чертой – ты права, –
Ни рая, ни ада...
Прости, это – только слова
Среди листопада.

На облачке

Костёр уже замрёт вот-вот,
Погаснув без затей.
Гнездо из дыма птица вьёт
Среди густых ветвей.

В такой глуши, в такую тишь
Исповедим покой...
Но никого не удивишь
Идиллией такой.

Цветенье яблонь. Полузной.
Огня дрожащий взгляд.
И откровенен – белизной –
Пропахший дымом сад.

А мы с тобой знакомы пять
Минут, а, может, лет,
Но всем словам моим не спрясть
Тебя и этот свет.

А день растёт, как снежный ком,
И я в своей глуши
Тебя рисую угольком
На облачке души.

Осени признаки явные...

Осени признаки явные
Видишь на каждом шагу.
Слышно, как падают яблоки
В стареньком нашем саду.

Дальнее поле распаханно –
Всё – из полос и заплат.
Дверь ненароком распахнута
На догоревший закат.

Можно простить и покаяться,
Можно забыться виной.
Вместе с тобой мы пока ещё,
Ты ещё рядом со мной.

Помню себя каждой толикой
Только твоим и ничьим.
Пахнет зелёной антоновкой,
Детством и небом ночным.

И расставаться не хочется,
Но, словно загнанный зверь,
Из темноты одиночество
Смотрит в раскрытую дверь.

Кроны сосен

Кроны сосен, словно невод,
Лишь нащупывая дно,
Процедили наше небо –
С облаками заодно.

И, почти придя в упадок,
Сквозь игольное ушко
Лето рябью голых пяток
Через озеро ушло.

Но ещё деньком последним
Задержалось по пути
И, скользя по соснам медным,
Улыбается: прости!

Знаешь, пряча в клетках пледа
Грозовой озноб разлук,
Мне до боли жалко лето,
Ускользнувшее из рук.

Пусть уходит остальное,
Но ещё, как тихий скит,
Это озеро льняное
Нас с тобою приютит. –

Там, где солнце на ладони,
Где, не чувствуя вины,
Кроны сосен, точно клоны,
В небеса устремлены.

Верхний Судок

Эта речка бежит, как подранок,
По оврагу, вдоль топкой тропы. –
Никуда ей не деться из рамок
Берегов и бетонной трубы.

Неказиста и неприхотлива,
Знай – свои обдирает бока. –
Даже в бурную пору разлива
Не бывает она глубока.

Но и ей, неуёмной, по нраву –
В пору тёплых туманов и гроз
Напоить и деревья, и травы,
Приютить плавунцов и стрекоз,

Пригубить из весёлой криницы,
Из болотины взять тишину,
Прожурчать, прозвенеть, проструиться
И сорваться – с разбега – в Десну.

Позабудь

Позабудь хотя б на миг о жажде,
Белый свет испив, как молоко. –
Уходи туда, где солнце жарче
И сильнее сердца моего.

Безоглядно, ни о чём не споря,
И уже спокойно и легко,
Уходи туда, где зелень моря
Бесконечней взгляда моего.

И – покуда день пригож и светел,
И – доколе ты светлее дня,
Уходи туда, где даже ветер
Трепетней, чем губы у меня.

Уходи – туда, где на просторе
Золотится солнце в вышине,
Где тебе ни ветер и ни море
Ничего не скажут обо мне...

Бывают дни...

Бывают дни пронзительного счастья,
Когда, уже почти сойдя на нет,
Душа не разрывается на части,
Но воедино связывает свет,

За тенью жизни – призрачной и длинной –
Скрывает и безверие, и зло,
И трещины замазывает глиной,
Как ласточка разбитое гнездо.

Казалось: вся жизнь впереди...

Казалось: вся жизнь впереди.
Коль молод – плевать на потери.
Но шёпот твой: «Не уходи» –
Меня удержал возле двери.

С тех пор пролетели года.
Я столько оставил и вышел
Из столько дверей – в никуда,
Но слов этих больше не слышал.

Давно отшумели сады,
Давно уже выросли дети,
Но шёпот твой: «Не уходи»
Ещё меня держит на свете.

Поэзия

Опять приходишь ты, ступая
Невнятно, кротко –
Поэзия, – моя скупая,
Чужая тётка.

Что нам делить с тобою?.. Горек
С любого бока
Твой хлеб, и только тем и дорог,
Что он от Бога.

И грустно знать, что дар твой странен,
Спрос – не лоялен,
А гений Игорь-Северянин –
Не гениален.

Зимние огни

Жгут огни на рождественских ёлках,
Пахнет хвоей в подъездах пустых...
Где-то рядом, уже на задворках,
Затаившийся праздник притих...

В новом платье, подобная звуку,
Что, тоскуя, рождает струна,
Ты на кухне на скорую руку
Соберёшь что-нибудь для стола.

Время тянется... Пёстрая штора
Приглушает звучание слов. –
Как пропеллер закрутятся скоро
Неподвижные стрелки часов.

И смешается сумрак со снегом:
Ни узнать, ни забыть, ни позвать...
Потому ли ты с вызовом неким
Разрешаешь себя целовать? –

Потому ли мне больно и колко
Быть с тобой, но и знать, что судьба
И в отпущенный срок ненадолго
Позволяет уйти от себя...

Будь со мной... Будь как крестная ноша,
Я и так получаю взаймы
Каждый час у отчаянной ночи,
Не вместившейся в стужу зимы...

И останется в памяти прежним
Этот год и огни по зиме...
Но таким – и счастливым, и грешным –
Я не буду уже на земле...

Он шёл в ночи...

Сергею Карачакову

Он шёл в ночи, черней, чем дым
Над прахом деревень,
И тьма лежала перед ним,
Как собственная тень.

Он шёл быстрее, чем время шло,
Быстрее, чем мог идти...
Пустое, мёртвое село
Лежало на пути.

В дом постучал, но звук во тьму
Прочь унесли ветра,
И не открыли дверь ему
У этого двора.

Стучал он в дом другой, и вновь
Стучался в третий дом,
Но стук проглатывала ночь
На много вёрст кругом.

Холодным ветром пальцы жгло,
Но и в домах других
Они не слышали его,
И он не слышал их...

И тяжелела на плечах
Ночная круговерть,
И каждый звук, и каждый шаг
Был обречён на смерть.

...Он уходил на шум реки,
Как будто в мир иной,
И зажигались огоньки
В окошках за спиной.

Ангел

Пред собой я так близко увидел чело
Золотое, как свет, и благое, –
И одно – точно солнце – горело крыло,
И синело, как небо, другое.

И ничто не смущало саднящий покой,
Лишь лучи расходились тугие.
Я спросил у него: «Почему ты такой...
Почему твои крылья такие...»

Я тянулся к нему, словно пыль на стекло,
Можно было потрогать рукою
И одно, что горело как солнце, крыло,
И, подобное небу, другое.

Но исчез он, и меньше не стало огня,
Лишь рассыпалось ветром горячим:
«Я такой, чтобы ты не увидел меня
Меж землёю и солнцем парящим...»

К России

А.В. Ловцову

Темна судьба твоя, Россия, –
До сердцевины, до корней...
Кто говорит, что ты – Мессия
В личине нынешней своей...

Какая сила движет нами,
Когда приходится идти
Опять, окольными путями
К истоку прежнего пути, –

Когда толпою, кучей, строим,
На неоправданной крови,
И на слезах младенцев строим
Земные царствия свои...

Россия... На лихих годинах
Не возродился Третий Рим,
Не кесарь скрыт в твоих глубинах,
А – Новый Иерусалим, –

И – через морок, грязь и тленье
Гляжу в тебя, боготворя:
В твоих страданиях – искупленье
И правда страстная твоя.

Самой себе ты – крест и плаха,
И стыд позорного столба...
Яви свой лик, восстань из праха! –
И пусть исполнится судьба!

Три волхва

Исходив полземли и, не думая вспять
Поворачивать в степь по следам каравана,
Царство Божье нигде не сумев отыскать,
Три волхва расстаются навек у кургана.

Первый – в чёрных одеждах – спешит на восток,
Подгоняемый тенью своей на дороге,
И доносит навстречу ему ветерок
Дым кочевий и топот немолчной тревоги, –

И на север уходит второй, на поклон
Холодам, рассыпаясь дождём, мошкарою,
Сквозь себя пропуская несметный полон,
Уводимый к чужому, далёкому морю, –

И последний на запад идёт – на огонь –
Жёлтой песней песка, языком суховея,
И отточенный меч, обжигая ладонь,
Укрывает под пыльной одеждой своею...

Сырое дерево

Зимою трижды дерево умрёт:
Когда мороз до косточек проймёт;
Когда пила пройдёт по коре
И дрогнет тяжкий ствол на пустыре;

Когда поленья, сложенные в ряд,
Шипя, в калёной печке догорят...
Хватает силы дереву гореть...
Дрожит огонь, не ведая про смерть...

Безмолвие

1.

Снег выпал сонмом мотыльков,
Не миновав полей и улиц,
И – невесомей облаков –
Деревья к небу потянулись.

Снег выпал, скрадывая лёд,
Размежевав в садах и рощах
Ветвей заснеженных полёт
И колготу корней замёрзших.

2.

И воздух свеж, и синь дрожит,
И тихий день похож на эхо...
Вот-вот – и вьюга закружит
Прочь кружева пустого снега.

Но, прежде чем взметнётся дым,
Скрывая свет за пеленою, –
Уйдёт безмолвный день, храним
Неповторимой тишиною.

Отыскать...

Звезда над водосточною трубою
Висит, как будто капля стекла, –
Будь дождь сейчас над улицей рябою,
Она б в трубу на землю протекла, –

Исчезла б, сверху вниз переплывая,
Вслед за хмельной водой пустившись вскачь,
Чтоб расколоться, камень оплавляя,
Пытаясь в луже небо отыскать.

ПОЭЗИЯ

Анна МАЯКОВА

анна маякова

Анна Маякова – поэт, прозаик, переводчик, член МГО СП России и Союза писателей-переводчиков. Автор шести книг. Печаталась в литературных журналах и альманахах «Великороссь», «Притяжение», «Литературная Республика», «Канатоходцы», «Муза». Дипломант литературного конкурса «Лучшая книга» 2013 – 2014 и 2015 – 2017 гг. Финалист Международной ассамблеи писателей (Варна). Награждена Серебряным Крестом и медалью Звёздная строфа.

Живёт в Москве.

«В глубине зазеркалья иного...»

На музыку М. Глинки ноктюрн «Разлука» в исполнении монаха Авеля

Кто предан музыке, тот предан и служенью.
Кто смотрит взглядом распятого Христа,
Тот никогда не вознесёт молений,
Чтоб отделить музыку от мира и отца.
В далёкой юности он счастлив был,
Когда любил прекрасную Елену,
Чисту, словно вода из родника,
Питавшего планету и людей.
Когда садился он за фортепиано,
Его мечта летела вслед, мелодии нежней
В надежде на взаимную любовь.
Но рок жестокий разлучил их,
Похитив душу девы,
Которую Харон перевозил давеча.
И с той поры не знал покоя он.
Виденья мучили его и голоса звучали,
Когда он был один. Один, один...
Всегда один, печалью поглощённый,
Чтоб боль свою унять,
Чтоб погрузиться в музыку
И воскресить бывшее.
И схимником он стал.
Ушёл в пустыню, как Христос.
Его пустыня – келья монастырска,
Где день и ночь возносит он молитвы
Во славу господу да во спасение души Елены.

Истаял он. Но вера
И любовь в нём укрепились.
Deusconservatomnia –
Бог хранит всё.

Всё не впрок

К 140-летию Бориса Пастернака

«...Что приходит всему свой конец».
«Бабье лето»

Всё не впрок на сегодняшний день.
Всё не впрок – на вчерашний.
Несчастливые лики людей
Представляются важным.

В глубине зазеркалья иного
Птица Сириин поёт, удивляя красой.
Удивляя красою былого,
Что мелькнуло, прошло стороной.

Возликуют Сокольники.
Возликует царица Таганка.
В море грёз человеческих
Затанцует цыганка.

Всё пройдёт, не оставив следа.
Лишь кладбищенский тернов венец.
Где ж теперь и любовь и вражда?
Ведь приходит всему свой конец.

Мелодия любви

На музыку Энри Лолашвили
(фильм «Ликвидация»)

I.
Обещая радость,
Звучит мелодия любви,
Что пуля оборвёт.
Скрипки судьбы
Исполнят реквием пиано.
Закрой глаза и в слух превратись.
Никого не щадя,
Вихрь смертей налетел.
Звучит, всё затихая,
Мелодия любви.

II.

Утром солнце взойдёт,
Осияет землю и меня,
Несмотря на утраты.
Откроют глаза маргаритки,
Умываясь утренней росой.
Душа к небу устремится.
Во имя добра и веры
Зазвучат колокола.
Мир благословит Господь
И – мелодию любви...

Венок сонетов

Что есть любовь?
Смятение души иль
Нижней чакры зов?

Что есть нежность?
На голове ребёнка
Матери рука?

На дерзкие вопросы
Не получишь ответ.
В лёгкой дымке незнанья
Теплится любовь.

Теплится любовь
В сердце давно остывшем –
Ожиданьем живёт.

Шуршат позади
Страданья и страсти.
И вечер хорош.

Как стрекоза на цветке
Беспечна дева.
Заплатит цену златом
Души невинной.

Души невинной
Взалкал коварный демон.
Луна ушла за тучи.

Деве на грудь,
Забыв о страсти прежней,
Он голову клонит.

Готов я услаждать и
Яхонты дарить
Из тайников несметных,
Дитя моё, тебе.

Дитя моё, тебе
Порывы страстных чувств
Готов я посвятить.

Увлечь тебя
В тот сладостный мне мир,
Где о душе ни слова.

Когда в соитии греховном
Сплетёмся мы
И грянет гром небесный,
Покинет жизнь тебя...

75 ЛЕТ ПОБЕДЫ

Они защищали Родину и обороняют её

(Продолжение. Начало в №3, 2020)

В один из вечеров той же поздней осени 1943 года отец вернулся с работы не один. Вместе с ним вошёл мужчина лет пятидесяти в чёрном зимнем пальто с каракулевым чёрным воротником и в каракулевой чёрной шапке пирожком. Когда мужчина снял шапку, пальто и шарф, перед нами предстал высокого роста человек с большой головой, высоким лбом, правильными чертами лица, крупным прямым носом, нависающим над усами, прикрывавшими всю верхнюю губу и доходившими до резко прочерченных носогубных складок. В его карих глазах искрились и играли весёлые чёртики, а губы красиво очерченного рта были

Братья Поляковы: Николай Владимирович (1892–1963), инженер-мелиоратор; Борис Владимирович (1894–1948), инженер-гидролог суши; Виктор Владимирович (1896–1942), инженер-строитель, инженерные войска; Евгений Владимирович (1907–1970), инженер-строитель; Василий Владимирович (1910–1942), инженер-мелиоратор, сухопутные войска. На фронтах Великой Отечественной войны Василий погиб 24 марта 1942 года, Виктор – 30 июля 1942 года

Василий ПОЛЯКОВ

Василий Евгеньевич Поляков – коренной москвич, родился 4 июля 1938 г., окончил 330-ю среднюю мужскую школу, затем 2-й Московский медицинский институт, клиническую ординатуру и клиническую аспирантуру в НИИ педиатрии АМН СССР. Врач-педиатр, гематолог, лимфолог, онколог и детский онколог, организатор здравоохранения. Защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Профессор, академик Международной Академии Информатизации ООН и Международной Славянской Академии наук, образования, искусств и культуры. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

ВАСИЛИЙ ПОЛЯКОВ

чуть направлены вперёд, как у известных артистов с хорошо поставленной дикцией. Уже потом мы рассмотрели, что его голова была лысой со лба, но тёмные волосы в теменной и затылочной области красиво обрамляли часть головы, не покрытую волосами. Человек был похож на иностранца с юга или востока. Черты его лица скорее свидетельствовали в пользу таджика, афганца, перса, абхазца, но никак не славянина, а тем более не русского. И только после приветствий, объятий и поцелуев мы, мальчишки, узнали, что к нам пришёл ещё один старший брат папы, которого зовут Борис Владимирович, а для нас он просто дядя Боря. Своей выправкой, красивой мужской статью, улыбочностью и явным мужским обаянием Борис Владимирович сразу же располагал к себе и мужчин, и женщин, и детей.

Борису Владимировичу не было ещё 50 лет, но он был уже доктором технических наук, профессором.

...Через некоторое время после знакомства с дядей Борей мы познакомились и с его дочерью Ниной, когда они уже вдвоём посетили нас в Кривогрузинском переулке. Я очень хорошо помню это первое для меня появление Нины в нашем доме.

Как сейчас вижу Нину высокой стройной красивой молодой женщиной. Её обаяние и привлекательность, добрые, лучившиеся светом и радостной молодостью глаза, манера говорить, чуть растягивая слова, переливчатый смех с грудным придыханием, необыкновенное изящество позы, когда она снимала со своих стройных ног сапожки, буквально приворожили меня. Я не мог оторвать от неё глаз и одновременно очень стеснялся этого. А когда она обняла меня, поцеловала и просто представилась: «Нина», я прошептал: «Здравствуйте, тётя Нина...»

– Почему «на вы»? Какая я тебе тётя? – искренно изумилась Нина. – Зови меня «на ты». Я тебе не тётя, я твоя двоюродная сестра.

Поскольку мне в ту пору было всего 5 лет, а Нине 21, она была уже

Поляков Владимир Васильевич (1858–1927) – отец братьев Поляковых. Директор начальной гимназии, учитель русского языка и русской словесности в городе Ростове-на-Дону

Полякова Нина Борисовна (1922–2019)

замужем, взрослой, хотя и очень молодой женщиной, мне было очень трудно перестроиться. Всё-таки родители с раннего детства воспитывали нас и прививали нам навыки уважения старших.

Помню, что Нина произвела на меня неизгладимое впечатление. Я с восхищением не мог оторвать от неё взгляд. Мне нравилось, как она сидела, — очень прямая и изящная, как она говорила, улыбалась, смеялась, как изредка поправляла причёску рукой или лёгким движением головы назад отбрасывала волосы за спину. Мне нравились её ухоженные руки с розово-красным маникюром длинных пальцев, манера держать нож и вилку и аккуратно, почти незаметно орудовать ими, умение лёгким движением промокнуть салфеткой красивые губы. А когда после застолья она уделила внимание нам, детям, погладила каждого по голове, приласкала, обняла, поцеловала, я ощутил, что это мой любимый единственный человек, рядом с которым мне хотелось бы быть всегда, всю жизнь. В ту пору, в том возрасте я бы не смог осознать и сформулировать испытываемое мною чувство, но неземное блаженство его я испытал отчётливо. Теперь уже, с позиции большой прожитой жизни, я могу уверенно сказать, что чувство к Нине было моей первой настоящей и полнокровно испытанной любовью к женщине...

Через некоторое время уже наша семья была приглашена в дом к дяде Боре. Семья Бориса Владимировича жила в просторной двухкомнатной отдельной квартире на третьем этаже дома, выходившего окнами на Большую Серпуховскую улицу. Напротив нашего Кривогузинского переулка (теперь переулок Обуха) на улице Чкалова (теперь Земляной Вал) была остановка трамвая. В сторону Серпуховской тогда от Курского вокзала ходил большой трамвай с прицепом. Над кабиной вагонновожатого, с обеих сторон от белого круга, на котором были запечатлены цифры 33, были светло-сиреневые лампочки. В ту пору каждая лампочка соответствовала определённой цифре. Лампочка красного цвета означала единицу, зелёного — двойку, светло-сиреневого — тройку и так далее. Путь на трамвае через Яузский мост, подъём на Таганскую гору, мост через Москва-реку, мимо Павелецкого вокзала, с левым поворотом на Большую Серпуховскую улицу и ещё двумя остановками по ней занимал минут 35–40.

В квартире Бориса Владимировича был просторный коридор, а направо располагалась дверь в кухню, потом дверь в спальную комнату, и конец коридора упирался в дверь большой комнаты, служившей одновременно столовой, кабинетом и спальней дяди Бори. Отдельные квартиры в ту пору в Москве были редкостью. Основная масса людей жила в комнатах коммунальных квартир.

В это посещение нас, мальчишек, более всего поразили и вдохновили военные знаки различия. После застолья, долгих и интересных перекирестных воспоминаний, папа и мама попросили дядю Борю надеть военный мундир. Дядя Боря сначала отнекивался, но всё-таки выполнил просьбу. Дяде Боре очень шёл мундир старшего офицера Красной армии с погонами подполковника инженерных войск, имевшими чёрный кант, две продольные чёрные полосы на белом фоне, перекирестный знак молоточка и штангенциркуля (символ принадлежности к инженерным войскам) и две достаточно крупные звезды — по одной на каждой продольной полосе погон.

В это же посещение мы познакомились с мужем Нины — Владимиром Николаевичем Прокофьевым. Он был на 12 лет старше Нины, воевал на фронте, но в это наше посещение был в гражданской одежде. Поскольку мы с братом

Володей получили в подарок военные знаки различия, а также погоны подполковника и капитана, я до самого последнего времени не знал, что в тот момент Владимир Николаевич был уже майором и ему ещё пришлось лично принять участие в новых серьёзных событиях на фронте.

Дядю Борю мне довелось знать не более 5 лет, но общение с ним оставило в моей душе глубокий след.

К настоящему времени я знаю, что Поляков Борис Владимирович окончил реальное училище в городе Ростове-на-Дону, затем поступил на гидротехнический факультет инженерно-строительного института, входившего в состав Политехнического института города Санкт-Петербурга. Специальность, по которой он получал образование, называлась «гидрология суши». Борис Владимирович был очень трудолюбивым, настойчивым и обязательным человеком, к учёбе относился очень серьёзно, вдумчиво, с большим интересом. Только два человека на курсе получали стипендию в 20 рублей. Одним из них был Борис Владимирович. Ему приходилось в чужом городе снимать «комнату с самоваром», за которую нужно было платить хозяйке 7 рублей 50 копеек. Такое несколько необычное название съёмной комнаты означало право пользоваться самоваром и пить чай утром и вечером. Никакой финансовой помощи из дома он не получал, так как в то время считался уже самостоятельным человеком. Да и при желании помочь его отец был бы не в состоянии это сделать, так как с 1914 года остался вдовцом с тремя пока ещё малолетними детьми.

В фотоальбоме моих родителей сохранилась фотография Бориса Владимировича в красивой форме с металлическими инженерными знаками на петлицах форменной шинели, которую носили тогда студенты Политехнического института.

Поляков Владимир Васильевич и его дети Николай, Борис, Виктор, Ольга, Евгений, Василий (фото 1914 г.). Родившиеся вслед за Виктором дочери Лидия и Людмила и сын Алексей умерли в раннем детстве от кишечных инфекций. Родившийся после Василия сын Андрей умер на 7-й день после смерти матери в родах

Поляков Борис Владимирович – студент Санкт-Петербургского Политехнического института

Кукушкина Вера Дмитриевна – невеста, а потом и жена Полякова Бориса Владимировича

Знаменательно и такое событие в его жизни. Поляков Борис Владимирович защищал диплом в этом институте 25 октября 1917 года – в тот самый день, когда большевики в Санкт-Петербурге начали в Российской империи Великую Октябрьскую социалистическую революцию...

Со своей будущей невестой и женой, Верой Дмитриевной Кукушкиной, Борис Владимирович познакомился в поезде, следовавшем из Петербурга в Ростов-на-Дону. Красивая блондинка, которая была младше его на один год, как и он, возвращалась на каникулы домой. А вообще-то она училась в Институте благородных девиц. Она была русской девушкой, хотя родилась в польском городе Лодзь (не забудем, что в то время Царство Польское являлось составной частью Российской Империи).

В дальнейшей жизни возникшие в поезде естественное внимание и интерес друг к другу быстро переросли во взаимную симпатию, желание общаться, проводить досуг вместе. Молодые люди полюбили друг друга.

Борис Владимирович и Вера Дмитриевна в январе 1919 года сыграли свадьбу и стали мужем и женой. А 12 апреля 1922 года у них родилась дочь Нина Борисовна.

После окончания института Борис Владимирович вместе с Верой Дмитриевной, а потом и дочерью Ниной жили в Ростове-на-Дону. Борис Владимирович работал в организации «Волго-Дон», проводившей изыскания для соединения каналом двух могучих рек (идея принадлежала ещё Петру Первому), затем он работал в научно-проектном институте «Гипровод».

Моя двоюродная сестра Нина вспоминала годы детства, проведённые в Ростове-на-Дону, как очень счастливое время. Жили в доме, спроектированном и построенном Борисом Владимировичем. Нину с дошкольного возраста учили иностранным языкам,

которыми хорошо владела её мама, и ещё домой заниматься с девочкой приходила учительница. Кроме того, Нину учили хореографии и музыке.

Род Поляковых составляли люди с тяготением к родству и тесному общению друг с другом. Особенно тесно общались семьи Бориса Владимировича и Виктора Владимировича (по возрасту третьего брата Николая и Бориса). Вероятно, это было связано ещё и с тем, что в каждой семье были девочки – двоюродные сёстры Людмила и Нина, разница в возрасте между которыми составляла всего полгода. В связи с этим и Люся, и Нина занимались вместе и языками, и музыкой, и хореографией. Обе девочки были послушными, добрыми, любили своих родителей и родственников, учились только на пятёрки.

В 1930 году семья Бориса Владимировича первой из Поляковых переехала в Москву. С этого времени Борис Владимирович начал работать в Гидрометеорологическом институте, располагавшемся в Москве на Большевицкой улице, дом 13. Ответственность его работы значительно возросла, так как в этом институте он не только был избран заведующим кафедрой гидрологии суши, но и назначен заместителем директора по научной работе.

Борис Владимирович снял полдома на станции Лосиноостровская Ярославской железной дороги по адресу Красная сосна, 11-я линия, дом 5, заплатив хозяину сумму найма на 10 лет вперёд. Это место потом стало точкой отсчёта московской жизни и другим семьям Поляковых, переселившимся в столицу из Ростова-на-Дону в 1930–1932 годы.

С этого адреса Борис Владимирович с семьёй через некоторое время уехал в Ленинград, что было связано с его научной работой.

...В 1938 году, летом, Вера Дмитриевна и Нина поехали в дом отдыха на Черноморское побережье. Нине в ту пору только-только пошёл семнадцатый год. К тому времени она уже была стройной высокой привлекательной девушкой, на которую обращали внимание и молодые люди, и люди возрастом постарше. Как-то Нина пришла на киносеанс в соседний дом отдыха. А там её высмотрел очень высокий, красивый, стройный, атлетически сложенный 23-х-летний Евгений Симаков, учившийся уже на старшем курсе института, готовившего инженеров по обслуживанию военной техники. Молодые люди познакомились и приглянулись друг другу. В ту пору превалировало уважительное и бережное отношение к понравившейся девушке. Удовольствие составляло тесное общение, прогулки, беседы, посещение концертов и киносеансов, обсуждение прочитанных книг. Евгений много рассказывал о своей специальности, которую очень любил, о её главенствующей роли в предстоящей

Двоюродные сёстры Людмила Викторовна и Нина Борисовна Поляковы

войне. То, что ей предстоит быть, в ту пору никто из просвещённых и информированных людей не сомневался.

Как призналась мне моя двоюродная сестра, ей было очень интересно следить за ходом мысли Евгения, узнавать много нового для себя, впитывать жизненную философию более зрелого человека. Но каких-то чувств женского характера, как к представителю иного пола, Нина не испытывала. Молодые люди обращались друг к другу «на вы» и ни разу за всё время их последующего многолетнего общения не обнялись, не поцеловались.

На одной из прогулок Евгений объявил Нине, что она ему очень нравится и что именно на ней он женится, но тогда, когда ему исполнится 32 года, не ранее. Он мечтает о большой семье, где будет не менее семерых детей. Она, конечно, не будет работать. Всю материальную и финансовую заботу о жене и детях он возьмёт на себя. Он уверен, что Нина будет счастливой женой и матерью, потому что сам он никогда даже не посмотрит в сторону какой-то посторонней женщины, так как это ему будет не нужно и неинтересно. «Но, если вы мне измените, – добавил Евгений, – я этого не смогу ни простить, ни перенести. Я просто убью вас».

После встречи в доме отдыха в дальнейшем Евгений более тесно познакомился и с Верой Дмитриевной, и с Борисом Владимировичем, приезжал в их дом в гости и весь план дальнейшей жизни обрисовал и родителям Нины.

Некоторое время с большими промежутками отношения продолжались в виде переписки (Евгений писал чаще и больше, Нина отвечала иногда, но довольно коротко) и редких встреч в доме родителей...

Поляковы. Москва. 1935 год.

Борис Владимирович (во 2-м ряду третий слева), Вера Дмитриевна (в 3-м ряду третья слева), Нина Борисовна (в 1-м ряду первая слева)

Как потом, много лет спустя, мне стало известно, Евгений Симаков, защищая Родину в Великой Отечественной войне, погиб на фронте.

...В 1939 году Нина окончила среднюю школу на одни пятёрки и поступила на гидрогеологический факультет Московского Гидрометеорологического института, где работал её отец, заведующий кафедрой гидрологии суши.

Как только стало известно, что Нина зачислена на 1-й курс института, вместе с мамой она вновь поехала отдыхать на побережье Чёрного моря, но уже в другой дом отдыха.

В этот раз её высмотрел на одном из концертов Владимир Николаевич Прокофьев – очень скромный круглолицый мужчина 29 лет, чуть выше среднего роста. Он к тому времени уже окончил и театроведческий факультет Государственного института театрального искусства (ГИТИС) в Москве, и аспирантуру по этой же специальности в Ленинграде, был откомандирован в распоряжение ЦК ВКП (б), который направил его на работу в Комитет по делам искусств при Совете народных комиссаров СССР в Управление учебных заведений.

На концерте Прокофьев был со своим приятелем, учившимся в ГИТИСе на актёрском факультете. Будущий артист был человеком бывалым, компанейским, умевшим быстро завязывать знакомства и быстро сходиться с людьми, – профессия обязывала. Он сам принимал участие в концертах – читал стихи, исполнял репризы, отрывки из спектаклей, играл на пианино, пел. Владимир показал приятелю девушку, которая ему очень понравилась, но как подойти к ней, заговорить, познакомиться, – этого театровед не знал, не умел и от этого очень страдал.

Тогда на одном из концертов будущий артист увлёк театроведа занять места как раз за спинами девушки и её матери. Во время концерта будущий артист вёл себя непринуждённо, весело, отпускал шуточки и остроты по поводу участников концерта, слегка пародировал их. Конечно, он привлёк к себе внимание и своими остротами, и необычно шумливым поведением для рядового зрителя. Мама Нины несколько раз оборачивалась и, хотя смеялась шуткам, всё-таки вежливо призывала молодого человека вести себя тише.

На следующем концерте молодые мужчины всё-таки уже познакомились с Ниной, а когда стали разговаривать втроём, будущий артист вдруг заволновался, что должен уйти, так как всего через 10 минут назначена репетиция, в которой предстоит участвовать и ему. Владимир и Нина остались с глазу на глаз. Нина сразу почувствовала, что нравится Владимиру. А кроме того, новый знакомый оказался очень интересным и умным собеседником, профессия которого была связана с театром, драматургией, литературой, искусством, что было очень близко, интересно и Нине.

Интересна оказалась и биография Владимира Николаевича Прокофьева. Родился он 15 июля 1910 года в Подмосковье. Вся жизнь его большой семьи была связана с крупной подмосковной психиатрической больницей, где работали отец, мать, братья и сёстры. Владимир довольно рано лишился отца, который умер от заболевания сердца. Это горестное событие произошло тогда, когда Владимир ещё учился в младших классах школы. После окончания девятилетней средней школы Владимира забрала в Москву его старшая сестра Ксения. Сначала он работал учеником слесаря, затем слесарем на заводе, потом поступил в экономический институт, но через две недели понял, что эта специальность и поле деятельности ему не по душе. Тогда он поступил в Московский Государственный Университет на искусствоведческий факультет.

Прокофьев Владимир Николаевич –
призывник временных военных сборов
офицеров запаса Красной Армии,
1939 г.

Через два года факультет разделили: искусствоведов оставили в МГУ, а театроведов перевели в Государственный Институт Театрального Искусства (ГИТИС) во вновь созданный в нём театроведческий факультет. С этого момента и началась по существу карьера Прокофьева как профессионального театроведа. Он отдал этой специальности всю свою последующую жизнь и оставил в ней заметный и достойный след...

...Когда Владимир Николаевич познакомился с Ниной, ему было чем заинтересовать молодую девушку. Он, например, уже несколько лет проработал в студии народного артиста СССР Константина Сергеевича Станиславского, был тесно связан по работе с основателем МХАТа, являясь заведующим литературной частью этого учреждения. К сожалению, в 1938 году Станиславского не стало. Владимир

Николаевич уже был долгие годы близко знаком со многими известными всей стране деятелями искусства – режиссёрами, актёрами, художниками, композиторами, музыкантами, писателями, искусствоведами. Он умел рассказывать о них и их работе очень интересно, уважительно, иногда забавно. Нине было хорошо и интересно с этим человеком, даже расставаться не хотелось.

В один из тёплых вечеров, когда уже стемнело, выглянула луна, прочертив треугольную дорожку от горизонта до самого берега, когда волны тихо плескались о берег и будто перешёптывались, Владимир Николаевич на некоторое время замолчал, потом взял Нину за руку, крепко сжал её кисть в своих руках и очень торжественно произнёс: «Нина, я очень люблю тебя и хочу, чтобы мы были вместе всю жизнь».

– Я тоже, – счастливо улыбаясь, ответила Нина.

Это произошло 5 июля 1939 года.

А на следующий день Владимир Николаевич уехал в Москву, так как ему предстояло прибыть на многомесячные военные сборы.

1-го сентября Нина пошла учиться, это был первый день её первого курса в институте. И в этот же день гитлеровская Германия с помощью подлейшей провокации развязала Вторую мировую войну и в Европе. В Азии, на Дальнем Востоке, японцы развязали Вторую мировую войну ещё раньше – с лета 1924 года, начав планомерный захват континентальной территории Китая и строго рассчитанное истребление и порабощение его жителей.

В течение 1939–1941 годов встречи влюблённых продолжались в Москве. Прокофьев познакомился с родителями Нины, был частым и привечаемым гостем в квартире на Большой Серпуховской. В апреле 1941 года Владимир Николаевич защитил в Ленинграде свою кандидатскую диссертацию.

К лету 1941 года Нина окончила два курса гидрогеологического факультета Московского Гидрометеорологического института.

Прокофьев Владимир Николаевич –
кандидат искусствоведения,
апрель 1941 г.

Прокофьев Владимир Николаевич – по-
литрук Красной Армии.
Московская область, Кубинка,
июнь – октябрь 1941 г.

А 22 июня 1941 года мирная жизнь внезапно оборвалась. Германия навязала СССР войну. Для всех людей нашей страны началась многолетняя беспощадная кровавая битва за право жить и не стать рабами. Позднее политики и историки назовут её Великой Отечественной войной.

Институт, в котором работал Борис Владимирович, с первых дней войны был засекречен и переведён на военное положение. Все сотрудники получили воинские звания. Для воюющей армии возникла большая нужда в метеорологах, поэтому большинству студентов с других факультетов предложили перейти именно на этот факультет. Нине специальность метеоролога была не по душе. Ей разрешили для продолжения образования перейти на 3-й курс гидротехнического факультета Московского инженерно-строительного института имени В.В. Куйбышева.

Братья Борис Владимирович и Виктор Владимирович посоветовались и решили, что жене и дочери каждого лучше поехать на юг, в Ростов-на-Дону, к сестре братьев Ольге Владимировне. В начале войны никто не представлял подлинный её размах. Полагали, что война продлится не более нескольких месяцев, в течение которых для женщин спокойнее и сытнее будет на юге, в родном Ростове-на-Дону. Решение братьев было обоюдным.

...В первые же дни начала войны Владимир Николаевич Прокофьев подал заявление с просьбой для защиты Родины призвать его в ряды Красной Армии. Просьба была удовлетворена. И в течение всего лета и полутора осенних месяцев, вплоть до 15 октября 1941 года, Владимир Николаевич пребывал в военной части, размещавшейся в подмосковной Кубинке. Там, наряду с другими специалистами, для армии готовили и политических руководителей. Соединив два слова, их называли «политруками».

В конце июня в армию призвали Виктора Владимировича Полякова.

Решение об эвакуации Гидрометеорологического института Борис Владимирович Поляков узнал лишь в августе. Он срочно организовал вызов жены и дочери из Ростова-на-Дону в Москву. Жена Виктора Владимировича, Софья Владимировна, и его дочь Людмила остались у Ольги Владимировны в Ростове.

С каждым днём положение на фронте становилось всё серьёзнее. Войска под командованием гитлеровских генералов захватывали всё новые города и области нашей страны, рвались к Москве, Ленинграду, успешно продвигались вперёд на юге нашей страны. Жизнь в столице становилась очень тревожной и напряжённой. Город жил и работал, но тревога всё возрастала.

Поляковы не теряли связи друг с другом. И 12 октября 1941 года Борис Владимирович и Нина отправились навещать Николая Владимировича.

Вера Дмитриевна не составила им компанию. Она решила, что, оставшись одна, займётся хозяйственными делами в квартире и вымоет окна. В середине дня очередь дошла до окон спальни. Вера Дмитриевна принесла в комнату таз с тёплой водой, водрузила его на табуретку, запаслась тряпками для мытья окон, мылом. Сначала всё шло так, как задумала хозяйка. Взгромоздившись на подоконник, она с усердием мыла и протирала стёкла. А потом нужно было раскрыть рамы. Они распахивались наружу, в сторону улицы. И тут последовало одно неосторожное движение, Вера Дмитриевна поскользнулась, ухватилась рукой за раму, но рука соскользнула. Она с 3-го этажа рухнула вниз на уличный асфальт тротуара...

Борис Владимирович и Нина приехали из гостей в 19 часов, ничего не подозревая. У входа в подъезд их поджидала соседка. От неё муж и дочь узнали о трагическом происшествии и о том, что Веру Дмитриевну подобрала скорая помощь и отвезла в 1-ую Градскую больницу на Большой Калужской улице (ныне на Ленинском проспекте). Поднялись на этаж. Квартира была закрыта и опечатана. Через некоторое время прибыли работники НКВД (милиции). Сначала вместе с понятыми они сами вошли в квартиру, внимательно осмотрели её. Нужно было убедиться, что в квартире нет никаких насильственных следов, никаких свидетельств злодейского замысла убийства человека. После осмотра места происшествия и всей квартиры в целом, написания протокола, в квартиру допустили родственников. В спальне всё так же было раскрыто окно, перед окном на табуретке стоял таз с раствором мыла в воде.

Оперативные работники проявили профессиональное отношение к делу и всё-таки нашли свидетеля.

Поляков Виктор Владимирович – кандидат технических наук, доцент, инженер-строитель, призван в инженерные войска Красной Армии в июне 1941 г.

В доме на противоположной стороне улицы, как раз напротив дома, где произошло описанное страшное событие, располагался небольшой табачный магазин. Купив папиросы, из него вышел мужчина средних лет. Поскольку очень хотелось курить, мужчина остановился, вскрыл новую пачку «Беломорканала», чиркнул спичкой, закурил и с удовольствием затянулся. Когда мужчина курит, он на несколько минут замирает, отдыхает и часто внимательно разглядывает то, что оказывается в поле его зрения. Так вот свидетель видел всю картину в деталях: и как на 3-ем этаже дома на противоположной стороне улицы женщина мыла окно, как она выжимала тряпку, а потом чистой и сухой тряпочкой протирала просветлённое окно, как она раскрыла раму в сторону улицы и, вытянувшись вперёд, усердно начала протирать стекло, как... Она сорвалась с подоконника и упала на тротуар. Потом потрясённые случившимся прохожие окружили несчастную женщину. Нашёлся один догадливый, побежавший к уличному автомату вызвать по 03 «скорую помощь». Машина скорой помощи примчалась довольно быстро. Медики недолго поколдовали над женщиной, аккуратно погрузили её на носилки, поднесли к задней дверце, вдвинули в машину. Включив сирену, машина рванула с места и быстро уехала.

В больнице был установлен травматический шок, сотрясение мозга, открытый перелом левого бедра, перелом костей левого лучезапястного сустава, многочисленные ушибы мягких тканей. Мучения несчастной женщины продолжались 50 дней. При этом нужно помнить, что в то время в медицине ещё не было антибиотиков, не существовало специальностей «анестезиология», «реанимация», не было существующих ныне эффективных обезболивающих и противошоковых средств и многих препаратов экстренной терапии, которыми располагает ныне даже районная больница.

15 октября из Кубинки в Москву прибыл Владимир Николаевич Прокофьев. Офицеров разместили в четырёхэтажном голубом здании рядом с Крымским мостом. Он позвонил Нине, они встретились и долго ходили по мосту туда и обратно, рассказывая, что случилось в их жизни за месяцы вынужденной разлуки.

Борис Владимирович был просто перегружен работой, поэтому ухаживать за матерью прибегала после занятий в строительном институте дочь Нина. А в это время Москва уже испытывала налёты немецкой авиации, сопровождавшиеся сигналами тревоги, взрывами, пожарами, рывкающими звуками отстреливающихся зениток, летящих в небо осколков, а с крыш – остатков снарядов, выпущенных зенитными орудиями. Когда Нина бежала в больницу к маме, её не раз внезапно останавливали и, не говоря ни слова, резким рывком затаскивали в ближайшие подъезды зданий, спасая от града осколков и металлических болванок.

Известно, что 16 октября и последующие два дня в Москве были критическими. Москва опустела, так как многие учреждения и организации были эвакуированы. Отдельные предоставленные самим себе жители стремились покинуть город всеми возможными способами – даже пешком, унося с собой нехитрый скарб для проживания вне города.

Окна других учреждений были раскрыты настежь. Из некоторых на мостовую летели горящие листы бумаги. Так в спешке уничтожали архивы учреждений, чтобы они не попали в соответствующие заинтересованные ведомства грозящей вот-вот захватить Москву немецкой армии.

В отдельных местах в городе началась паника, сопровождавшаяся налётами на магазины, битьём в них витрин и стёкол, самостийным и бесконтрольным захватом хлеба, муки, соли, сахара и других продуктов, мыла, одежды и обуви.

С большими трудностями власть всё-таки решила эту проблему. Были усилены милицейские посты, введён комендантский час.

22 октября 1941 года по распоряжению правительства майор инженерных войск Б.В. Поляков вместе с институтом выбыл из Москвы в эвакуацию. Он вынужден был оставить в Москве умиравшую в больнице жену и ухаживавшую за ней дочь, совершенно не представляя, как сложатся события в дальнейшем. Гарантий, что Москву отстоят и не сдадут, что фашистские изверги не окажутся в городе, не мог дать никто. Ведь оставляли же Москву французской армии Наполеона? Только эсэсовские бандиты и гестаповские изверги были страшнее. Не дай бог никому оказаться в положении, в котором оказался Борис Владимирович, ощутить и испытать то, что выпало на его долю!

23 октября из Москвы уехал Владимир Николаевич Прокофьев. После командирских сборов в Кубинке он был направлен в Сибирский военный округ (СибВО) с центром в городе Новосибирске.

А состояние Веры Дмитриевны Поляковой становилось всё хуже и хуже. Постоянная лихорадка достигала 38-39-40 градусов, сопровождалась резкой потливостью в первое время, полным отсутствием аппетита, большими интервалами потери сознания. Больная прямо на глазах высохла, цвет её кожи приобрёл бронзовый оттенок.

Девятнадцатилетняя третьекурсница Нина осталась в квартире одна. Поддержать её хотя бы морально в опустевшей квартире было некому. А нужно было посещать занятия в институте, бегать по магазинам за продуктами для мамы и для себя, готовить, навещать маму в больнице и ухаживать за ней, убирать, мыть, стирать, гладить, следить за своим внешним видом, чётко распределять время, чтобы всюду успеть, всюду не опоздать. Кроме того, Нину включили в дежурную бригаду дома по дежурству на крыше в ночное время для борьбы с вражескими зажигательными бомбами. Времени на отдых и полноценный сон почти не оставалось.

...Числа 26 ноября молодой хирург обратился к Нине с просьбой, чтобы на беседу с ним пришли самые близкие родственники. Нина сказала, что выполнить его просьбу по существу некому. Папа на военном положении, вместе с Институтом несколько дней назад он отбыл в эвакуацию. Единственным близким родственником больной является она, Нина, единственная дочь пострадавшей. Врач отлучился на полчаса, а потом пригласил Нину в кабинет.

*Полякова Вера Дмитриевна
(17 августа 1895 – 30 ноября 1941)*

Он, глядя прямо в глаза, сообщил ей, что медицина бессильна. Жизнь его пациентки, Нининой мамы, может оборваться в самые ближайшие дни. Нужно мужаться и готовиться к этому событию.

Последние дни пребывания Веры Дмитриевны в больнице были тяжёлыми и мучительными. Её переместили с 3-его этажа на первый, куда сносили совсем безнадежных больных, жизнь которых еле-еле теплилась. В этом отделении были собраны и совсем молодые военные – парни 18-20 лет, подорвавшиеся на минах в Сокольниках. Нина ходила в белом халате и белой косынке, поэтому травмированные парни принимали её за медицинскую сестру. Они страдали от жажды и чуть слышно шептали: «Пить, пить, сестрица, принеси пить...»

В одну из ночей в палату вошла молодая дежурная врач. Подойдя к кровати Веры Дмитриевны, она очень внимательно посмотрела в её сторону.

– Какая больная, – с чувством сказала она, – и какая красивая!

Нина, конечно, устала и измучилась. И физическая и морально-психологическая нагрузка для 19-летней девушки была предельной. Утром 30 ноября Нина прилегла на кушетку и собралась калачиком, чтобы согреться и подремать. В таком состоянии её нашёл в отделении дядя – Николай Владимирович Поляков. Понимая, как устала и измучилась Нина, он уговорил её пойти домой, чтобы хотя бы немножко отдохнуть и поспать.

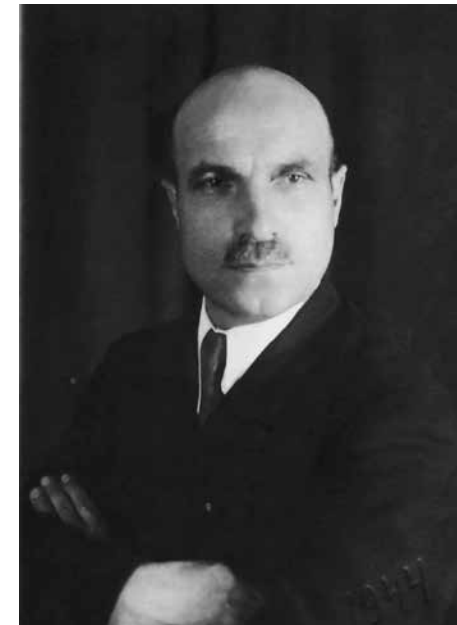
В 13.45 в квартире раздался телефонный звонок. Это из больницы сообщили, что Вера Дмитриевна Полякова скончалась.

Николаю Владимировичу нужно было во второй половине дня читать лекции студентам. Он вынужденно покинул Нину, но вечером обещал приехать вновь. Он действительно приехал к вечеру.

И в этот же день неожиданно чуть позднее приехал младший брат Бориса Владимировича – Виктор Владимирович, которого перебрасывали в другую военную часть через Москву.

Нина постелила братьям на кроватях в спальне, а сама прилегла на диване в кабинете отца. После сообщения о смерти матери Нина была напряжена, натянута, никак не могла заснуть. Впрочем, ночью Нина так и не заснула, находясь в полудреме. А братья её отца даже не ложились. Из-за стены было слышно, как они всю ночь обсуждали важные нахлынувшие проблемы.

Комендантский час заканчивался в шесть утра. Нина очнулась, почувствовав, что кто-то взял её за руку. Она открыла глаза и увидела стоящего на коленях перед её диваном дядю Виктора. Так он попрощался с ней. Так она увидела его в последний раз.

*Поляков Николай Владимирович,
доктор сельскохозяйственных наук,
профессор, 1941 г.*

Кремация Веры Дмитриевны состоялась на территории Донского монастыря 4 декабря 1941 года.

После этого события Нине нужно было оформить и получить большое количество документов, связанных с захоронением урны мамы, с оставлением через домоуправление в ведение городских властей покидаемой квартиры, а также с приобретением в военное время железнодорожного билета до места эвакуации института, в котором работал её отец.

Нина узнала потом, что эшелон с эвакуированным институтом отца шёл из Москвы до города Иваново ровно 10 дней, а затем из Иваново через Свердловск (ныне Екатеринбург) – Ташкент в Ленинабад (ныне Худжанд) эшелон добирался ещё в течение одного месяца. Из-за переживаний и плохого питания за это путешествие Борис Владимирович похудел на 16 килограмм.

Наконец, и Нина – одна, самостоятельно, – выполнила все необходимые важные дела, приобрела железнодорожный билет до Ташкента и выехала из Москвы, чтобы соединиться с отцом. Путь от Москвы до Ташкента через Куйбышев (Самару) занял 10 дней. В Ташкент поезд пришёл поздно ночью. Когда пассажиры вышли из вагонов, поезд покинул привокзальное пространство, перрон опустел, и 19-летняя девушка осталась ночью одна в совершенно незнакомом ей городе. Постояла, подумала и решила, что надо зайти в вокзальное помещение. Открыла дверь, а там застоявшийся спёртый воздух, грязь, тускло горит единственная лампочка и огромное скопление людей. Такое впечатление, что пол-России съехалось в одну точку и большую часть этой половины задохнулись в тесном помещении вокзала. Протиснувшись к закрытому окошечку кассы, Нина увидела прилепленный сверху оторванный лист бумаги и большие чернильные буквы: «Не стучать. Билетов нет».

Не только присесть, но и просто приткнуться в вокзальном помещении было негде. С каждой минутой пребывания в закрытом помещении становилось всё труднее дышать. Никаких официальных лиц в вокзале тоже не было. Уставшая, огорчённая и совсем одинокая Нина пробралась к выходу на вокзальную площадь. Привокзальная площадь была большой, просторной и совершенно безлюдной. Тёмное ночное южное небо покрывало её огромным шатром. Несмотря на ноябрь, было сухо, тепло, да ещё и хорошо дышалось. Из поклажи в руках у Нины была небольшая сумка и аккуратная корзинка со сменой белья, полотенцами, платочками и теми мелочами, которые могли бы понадобиться в путешествии любой женщине. Два чемодана и просторная сумка с вещами были сданы ею в багаж ещё в Москве.

Поляков Виктор Владимирович, кандидат технических наук, доцент, инженер-строитель, призван в инженерные войска Красной Армии в 1941 г. Погиб на фронте 30 июля 1942 г.

Что-то около часа Нина стояла на привокзальной площади, вдыхая ароматы южного города, постепенно успокаиваясь и приходя в себя. И вдруг совершенно бесшумно к ней несколько сбоку и сзади приблизился мужчина лет сорока.

– В чём проблема, девушка? – довольно доброжелательно спросил он Нину.

– Ехать дальше надо, а билетов нет.

– А куда ехать? – уточнил незнакомец.

– В Ленинабад.

– В Ленинабад поезд будет рано утром.

Незнакомец назвал час и стоимость билета.

– Устроит? – деловито осведомился незнакомец.

– Я согласна, – спокойно произнесла Нина.

– Ждите меня здесь же. Думаю, за час, максимум – полтора я что-нибудь придумаю.

Прошло чуть больше времени, почти два часа. На площади появились носильщики со своими колясками. Видя, что девушка не покидает своего места, носильщики остановились чуть поодаль от неё. По внешнему виду можно было сказать, что девушка из России, даже из Москвы. Значит, имеет отношение к эвакуации. Вероятно, помогая ей, можно будет неплохо заработать.

И вдруг появился тот самый мужчина.

– Всё в порядке, – рапортовал он, вынимая из кармана железнодорожный билет и талон на посадку.

В то время на железнодорожном транспорте ещё не было персональных билетов, поэтому тот, кто по каким-то причинам не мог ехать, мог не терпеть убытки за возврат билета в кассу.

При удаче билет можно было сбыть с рук, да ещё с выгодой, по более высокой цене. Незнакомец так и поступил. А потом он проявил себя рыцарем: вместе с носильщиком и его тележкой помог Нине получить багаж из Москвы, сдать его для отправки в Ленинабад и сопроводил её до поезда, стоящего где-то на периферии привокзальных путей. Они подъехали к вагону с обратной от вокзала стороны. Мужчина достал ключ и открыл дверь вагона, ведущую в тамбур. Вагон был пуст, что позволило Нине занять удобное место и удачно поместить свою дорожную поклажу. За сим мужчина простился с ней, пожелав доброго пути.

Через довольно короткое время состав подали на первый путь к вокзальному перрону. Когда дверь вагона открыли, толпа с узлами, чемоданами, котомками, корзинами ринулась брать вагон с боем. В вагон набилось столько пассажиров, что ни встать, ни пройти возможности не было.

И всё-таки Нина ехала. И ехала к отцу.

В Ленинабаде Гидрометеорологический институт разместили в помещении местного Педагогического института, сохранив хозяевам только половину помещения.

Для продолжения образования Нину взяли на третий курс Педагогического института на отделение преподавателей физики. По некоторым предметам пришлось сдавать и дополнительные зачёты, и дополнительные экзамены. Всего нужно было получить 15 зачётов и сдать 3 дополнительных экзамена. Нина проявила настойчивость, волю, но сдала всё.

Заканчивая 3-й курс педагогического института, Нина поняла, что её будущим делом будет преподавание физики в средней школе. Ограничивать

*Прокофьев Владимир Николаевич
на фронтах Великой Отечественной
войны 1941–1945 гг.*

свой кругозор только программой физики для средней школы Нине не захотелось, и она перевелась на отделение преподавателей русского языка и литературы. Пришлось опять сдавать большое количество дополнительных зачётов и экзаменов, но Нина и в этом случае не сплеховала. Она была хорошо подготовлена московской средней школой не только в смысле уровня образования, но и умением учиться прилежно, целенаправленно, аккумулируя и осваивая большой объём знаний за сравнительно короткий промежуток времени.

Наступило лето 1942 года. Борису Владимировичу Полякову присвоили воинское звание подполковника.

Из писем, которые приходили от Владимира Николаевича Прокофьева, стало ясно, что довольно скоро его пребывание в Новосибирске закончится и ему предстоит отбыть в действующую армию. Одно из его писем в Ленинабад было адресовано лично Борису Владимировичу. В этом письме Владимир Николаевич признавался Борису Владимировичу, что давно горячо любит его дочь, что Нина знает об этом. Владимир Николаевич обращается к отцу Нины с просьбой руки его дочери и, если Борис Владимирович не возражает, а Нина не передумала, просит благословить их брак.

Борис Владимирович показал письмо Нине и по её счастливым глазам понял, что нужно ответить будущему зятю согласием.

В это же время у Бориса Владимировича возникла проблема со здоровьем. У него сформировалась паховая грыжа, которая требовала хирургического вмешательства. Нина сопровождала отца в военный госпиталь в Ташкенте. Бориса Владимировича госпитализировали и в дальнейшем удачно прооперировали. После выписки отца из госпиталя Нина смогла поехать в Новосибирск. Она пробыла в Новосибирске с июня по август. 22 июля 1942 года Нина вышла замуж за Владимира Николаевича Прокофьева, что было подтверждено свидетельством ЗАГСа (записью актов гражданского состояния). Из уважения к отцу Нина сохранила свою фамилию. Владимир Николаевич не возражал. Счастливый 32-летний муж преподнёс молодой жене, совсем недавно вступившей в 21-й год своей жизни, пышный букет пионов. Свадебное застолье было по-военному скромным.

В конце августа Нина уехала в Ленинабад. С 1-го сентября начинался новый учебный год в институте.

А Владимир Николаевич Прокофьев 3 сентября прибыл на Воронежский фронт, куда был откомандирован по приказу командования Красной Армии. В дальнейшем В.Н. Прокофьеву пришлось повоевать во многих горячих местах. После Воронежского фронта его отозвали в Москву в ГлавПУР РККА, по направлению которого его направляли на фронт в Белоруссию, Эстонию, Венгрию, Польшу, Германию.

Больше года молодая жена Нина была разлучена войной с мужем. Она много занималась, много читала, готовила и успешно сдавала курсовые работы, но тщательно скрывала от посторонних глаз тоску по мужской ласке и постоянную тревогу за жизнь и бытовую неустроенность мужа. К тому же в военное лихолетье на передовой каждый взрыв, каждая пуля могли стать роковыми, последними.

Лето 1943 года внесло наконец коренной перелом в войне. Колоссальное по масштабу сражение, развернувшееся в июле на Курской дуге, закончилось выдающейся победой Красной Армии над вермахтом гитлеровской Германии. Грядущая окончательная победа СССР над фашистской Германией теперь уже ни у кого не оставляла сомнений.

В этот же год был освобождён и Ростов-на-Дону, где два года в оккупации находились родственники Бориса Владимировича и Нины – вдова Виктора Владимировича Софья Владимировна с дочерью Людмилой, сестра Ольга Владимировна, её муж Андрей Сергеевич Коротков, их дети Елена и Сергей. И когда Софья Владимировна написала Борису Владимировичу письмо с просьбой о помощи, Борис Владимирович предпринял все меры, чтобы помочь активно и правильно. Семья Коротковых, конечно, не собиралась куда перебираться из освобождённого родного города, а положение Софьи Владимировны и Людмилы было трудным. Во-первых, они хотели вернуться в Москву. Во-вторых, Людмила была студенткой Московского университета и хотела продолжить учёбу. Объяснив своему руководству положение семьи брата, год назад погибшего на фронте, Борис Владимирович убедительно обосновал своё ходатайство перед администрацией закрытого военного института с просьбой разрешить Софье Владимировне и Людмиле приехать в Ленинабад в семью Бориса Владимировича, так как самостоятельных средств к существованию они не имеют, а Борис Владимирович в военное время готов взять на иждивение вдову и дочь своего погибшего брата-фронтовика. Вызов, пришедший из закрытого военного московского института, временно находившегося в эвакуации в Таджикистане, позволил Софье Владимировне и Людмиле целевым путём получить необходимые проездные документы, доехать сначала из Ростова-на-Дону в Баку, потом морским путём добраться до Красноводска, а далее по железной дороге проследовать до Ленинабада. Помощь Бориса Владимировича оказалась и действенной, и своевременной.

Прошло совсем немного времени, как в Ленинабад пришёл приказ о возвращении института в Москву. В конце августа 1943 года и Борис Владимирович Поляков, и его замужняя дочь Нина, и Софья Владимировна, и Людмила снова оказались в Москве.

После возвращения в Москву Борис Владимирович продолжал работать в Гидрометеорологическом институте. После окончания войны Б.В. Поляков был привлечён к работе в Центральном институте метеопрогнозов и на географическом факультете МГУ. За два года до кончины вышел из печати

Поляков Борис Владимирович, 1948 г.

Полякова Нина Борисовна – редактор издательства «Искусство»

персональный учебник Б.В. Полякова «Гидрологический анализ и расчёты» для вузов и университетов. Академия наук СССР и МГУ выдвигали Бориса Владимировича в член-корреспонденты АН, планировали его научную командировку в США.

Всеми помешала страшная болезнь (рак печени), которая катастрофически быстро свела его в могилу (через несколько месяцев после госпитализации в больницу имени Боткина). Тогда ещё современных методов диагностики и лечения онкологических заболеваний не было. После кончины (9 октября 1948 года) Бориса Владимировича Полякова похоронили на Донском кладбище.

...После возвращения из эвакуации Нина решила учиться в Государственном институте театрального искусства на театроведческом факультете. Конечно, опять пришлось много заниматься, готовиться, сдавать дополнительные зачёты и экзамены, но с позиции предварительного обучения на филологическом факультете педагогического института это было сделать легче.

Дальнейшая судьба и семейная жизнь у Нины Борисовны Поляковой сложилась счастливо, хотя время было непростое, приходилось преодолевать трудности, испытывать горькие тяжёлые потери, разочарования, многое переосмысливать.

Нина Борисовна успешно окончила ГИТИС, была направлена на работу в Управление учебных заведений Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР, где она курировала все балетные училища Советского Союза. Нина Борисовна окончила и аспирантуру при ГИТИСе, но кандидатскую диссертацию не защитила. Дело в том, что в ту пору аспирант не выбирал тему, ему её навязывали. Вместо того чтобы заниматься историей западноевропейского искусства, что самой Нине Борисовне было интересно, к этому лежала душа, ей волевым порядком навязали тему о Брехте. В советском

искусствознании и театроведении того времени несколько искусственно педалировали необходимость написания диссертаций об искусстве современности стран народной демократии. В этом был и определённый политический подтекст. Чем больше Нина Борисовна знакомилась с личностью Брехта и его «новациями» в театре, тем меньше у неё оставалось охоты и желания заниматься этой темой серьёзно. Так взгляды Нины Борисовны на её представление о театре и не сошлись с тем, что якобы привнёс в современное театральное искусство Брехт.

Потом Нина Борисовна преподавала историю театра в балетном училище Большого театра, в театральном училище Центрального детского театра. А затем Нина Борисовна Полякова двадцать два года работала редактором в издательстве «Искусство». Работа была очень интересной, свела и познакомила её с самыми знаменитыми режиссёрами, актёрами, театроведами.

Нина Борисовна Полякова написала и издала и свою книгу «Фридрих Шредер», посвящённую выдающемуся немецкому актёру. Очень советую её найти и прочитать и молодым актёрам, и молодым режиссёрам, и молодым театроведам. Книга того стоит и по содержанию, и по построению, и по печатно выраженной мысли добротным русским языком.

Жизненный путь этой красивой женщины, достойной дочери, счастливой супруги, нежной матери, любящей сердечной бабушки и прабабушки окончился на 98-м году жизни 3 июля 2019 года.

Подполковник Поляков Борис Владимирович с женой Верой Дмитриевной 2-й и внуком Прокофьевым Борисом Владимировичем

*Прокофьев Борис Владимирович –
доктор технических наук,
специалист в области электроники*

ституте, деятельность которого связана с разработкой и созданием новых направлений и новой техники для надёжной, эффективной обороны страны.

Муж Нины Борисовны – Владимир Николаевич Прокофьев – стал выдающимся специалистом и собирателем наследия Константина Сергеевича Станиславского, его системы, на которой базируется весь мировой психологический театр переживания. Под его руководством и при его участии в нашей стране был издан 8-томник собрания сочинений К.С. Станиславского и многие другие труды по этой теме.

Семейная жизнь Владимира Николаевича Прокофьева и Нины Борисовны Поляковой продолжалась сорок лет, вплоть до кончины этого тонкого, деликатного, интеллигентного человека 14 октября 1982 года.

В 1944 году у этой семейной пары родился единственный сын – Борис Владимирович Прокофьев.

Их сын пошёл своим самостоятельным путём, увлёкшись точными науками – физикой и математикой. В настоящее время он доктор технических наук, работает в закрытом ин-

То, что Прокофьев Борис Владимирович внёс существенный вклад в науку, зафиксировано в 2-х-томном издании «Истории отечественной электроники». Том 1, содержащий 760 страниц, выпустил в Москве в 2012 году ЗАО «Издательский дом “Столичная энциклопедия”». Статья о Прокофьеве Борисе Владимировиче размещена на 210–211 страницах этого тома.

А в 2020 году большие подарки современникам приготовило московское издательство АСТ, выпустив в свет книги самого Константина Сергеевича Станиславского и Владимира Николаевича Прокофьева: 1) Константин Сергеевич Станиславский «Письма и дневники» – АСТ, Москва, 2020 – 512 с. (Кроме текста самой книги замечательного автора обращаю внимание на напечатанную под обложкой этой книги на страницах 6–12 статью В.Н. Прокофьев «Записные книжки Станиславского»); 2) К.С. Станиславский, В.Н. Прокофьев – АСТ, Москва – 704 с. (В этом издании под одной обложкой напечатаны книга Константина Сергеевича Станиславского «Моя жизнь в искусстве» и книга Владимира Николаевича Прокофьева «В спорах о Станиславском»).

*Прокофьев Владимир Николаевич с женой Поляковой Ниной Борисовной
и внучкой Прокофьевой Ниной Борисовной*

ПОЭЗИЯ

Виктор Михайлович Кашкин – член МГО СП России. Известен по публикациям в газетах, журналах, коллективных сборниках. Автор поэтических книг «Россия дальше Енисея», «Я берега свои искал» и «Всего дороже».

Живёт в Москве.

Виктор КАШКИН

«Иду по тракту млечному...»

***

Спешу за красноречием
К зарницам дальних гроз,
Иду по тракту млечному
За пригоршнями звёзд.

Пряду глаголы вечером,
Брожу среди берёз,
Опять по тракту млечному
Топчу алмазы звёзд.

А утро затевается,
Свой сон с собой беру,
И пряжа не кончается,
Доверившись перу.

***

Всегда бы так,
как лес вечерний
сегодня.
Тихо и тепло.
Туман берёзовый
лечебный...
Ну разве мне
не повезло,
что Бог
Россию нам придумал,

что Богом
на Руси храним,
что русским быть не передумал,
хотя примерами томим
стеснявшихся гражданством лиц,
до западных охочих Ницц
и всяческих там заграниц.
Что русским
Бог меня управил,
не хвастал бы,
коль на мели,
когда б не игроки без правил
на русском поле счёт вели.

***

Вот приспел и совсем не весел
Високосный 20-й год.
Разъедает планету плесень,
Как ни трудится кислород.

Не справляется медицина,
Ни правительства, ни режим,
Не придумана и вакцина
От доверчивости ко лжи.

И Россию стубила плесень,
Не забыв ни бомжей, ни господ...
Ах, не весел, ох, как не весел
Подцепивший заразу год.

Да, не весел, совсем не весел
Расплескавший её народ.

***

Соблюдай дистанцию –
На дорожках пишет
Парк рекомендацию
Всем, кто в парке дышит.

Лето високосное,
Масочный режим
И дожди несносные...
Я бы не тужил:

Не такое видели,
Но, помилуй Бог,
Вирус и в обителях
Прописаться смог.

Слышу по трансляции
Вести про него:
Соблюдай дистанцию,
Только и всего.

***

Я делаю себе портрет,
Я трачу дни, я трачу ночи,
Хочу отнять такой сюжет,
Чтоб снимок был, как слово, точным.

Фотограф с детства утомил:
«Фотографирую, спокойно» –
Я беспокойство полюбил,
С меня фотографов довольно.

Я фотокамеру достал,
И на штатив её поставив,
На автостоп себя снимал,
Движенью волю предоставив,

Почувствовав себя творцом,
Когда ещё до позитива
Я узнавал своё лицо
С проявленного негатива.

***

Кто из нас не калека...

Так себе я внушил
Не с подачи ли грека,
Что найти вдруг решил
Среди нас человека?

Диоген даже днём
Лики встречного люда
Освещал фонарём.
Ну, скажи, не зануда?

Впрочем, нам ли грешить
На строптивного грека?
Что до пробы души,
Кто из нас не калека.

***

В хозяйстве не было порядка:
Держали на осине печь –
Не всё ль равно, коль нет достатка,
Какие ей поленья жечь.

Подаст мать квашеной капусты,
Солёных справит помидор,
И за столом уже не пусто,
И дольше длится разговор.

И всем когда уж не до снеди,
Когда умолкнет патефон,
Родные, близкие, соседи
Начнут спевать «Вечерний звон».

А утром поспешу я полем,
Резвее городских машин,
Приятелям хвалиться в школе,
Что в нашем доме был Шукшин.

***

Мы соберёмся снова вместе,
Поговорим о доброте,
О совести, о долге, чести,
О мудрости и красоте.
О том, что света нет без тени,
О лицемерии врага,
О трусости и о измене,
Разящей нас наверняка.
О нём, кого так чтили греки
И ставили богам в пример –
Поговорим о человеке
На собственный его манер.

ПОЭЗИЯ

Николай ГОЛОВКИН

НИКОЛАЙ ГОЛОВКИН

Николай Алексеевич Головкин – поэт, прозаик, публицист. Автор девяти книг стихов и прозы. Член Союза писателей России. Член Союза театральных деятелей России. Член Союза писателей XXI века. Родился 4 ноября 1954 г. в Ашхабаде. Окончил факультет русской филологии Туркменского государственного университета имени А.М. Горького. Лауреат Международного Рубцовского конкурса «Звезда полей», VI Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь». Публиковался в литературных альманахах, журналах России, Украины, Белоруссии, Молдавии, Казахстана, Болгарии. Награждён орденом «За службу России».

Живёт в Москве и Дмитрове.

«И огни Комарова всё зовут и зовут...»

Стихи из новой тетради

***

Медово-медный сосен цвет
мечтал я видеть много лет.
И их таинственный язык
здесь, в Комарове, я постиг.

Любуюсь ими я с утра.
Из них родился флот Петра.
Медово-медный сосен цвет
стал цветом славы и побед.

Шумит прибой – текут века.
Как парус в небе облака.
Со мной вы, сосны, всякий час.
Учусь я стойкости у вас.

Медово-медную красу
с собой в душе я увезу.
Не раз вы солнечным лучом
ко мне придёте зимним днём.

***

Ещё не Комарово – Келломаки.
Ищу везде таинственные знаки
Серебряного века. Он здесь жил.
И волн залива музыку ловил.
Выдерживал, покуда мог, атаки.
Поднялся ввысь и облаком уплыл.

***

В волнах Финского залива,
словно вечность, облака.
И течёт неторопливо
та небесная река.

Чайкой кружатся столетья.
Волны к берегу бегут.
Дюны, радуясь, как дети,
поиграть в песок их ждут.

Здесь, у Финского залива,
встали башни из песка.
Дюны грезят горделиво:
«Эти башни на века!»

Вновь волна. За ней – сестрица.
Башен не было, как нет.
Комарово мне приснится.
Сосны, дюны и рассвет.

***

Мне карельский посёлок Поньгома
В Комарове вдруг вспомнился снова.
Жизнь как миг. Радость, боль, перемены.
Меня встретили сосны, морены.
И к заливу шагнувшие дюны –
просыпались как древние руны.

***

Осенний табун, златогривый табун
Пасётся у моря среди сосен и дюн.
Склонилась от ветра в поклоне сосна:
«Вы вышли из моря? Иль вышли из сна?».
Не дали ответа и весело ржут.
И их на песке затерялся маршрут.
На счастье блеснула подкова,
став памятью о Комарово.

***

Комарово. Созвездье имён.
Заповедный Курортный район.
Комаровский, Ахматовский берег
не сгуби, наш расчётливый век.

***

Иль в Питер, или в Выборг
здесь поезда идут.
Я сделал точный выбор.
И потому я тут.

Бродить по Комарово.
Дивиться красоте.
Сыскать такое слово,
какого нет нигде.

Ахматовская дача.
Я замедляю шаг.
Пегас меж сосен скачет.
Качается гамак.

А вдруг мне даст автограф,
качаясь в гамаке?!
О, осень, ты – изограф!
Я лист держу в руке.

***

Дела немного подождут –
ведь только две руки.
Идут грибы, грибы идут.
Привет, боровики!

А если слово ты обрёл,
извлёк его из мхов, –
поторопись, чтоб жёг глагол.
Таков закон стихов.

***

Комаровская осень.
Дни – звенящая медь
обступающих сосен,
не привыкших стареть.

Эти дни, знаю, снова
свет надежды зажгут.
И огни Комарова
всё зовут и зовут.

Несчастный случай

Они познакомились на выставке охотничьих собак, которую устраивал в своём имении богатый уездный помещик, собаковод и страстный охотник Илларион Игнатьевич Кудашев. Участники выставки, расположившись полукругом на большой ухоженной лужайке, представляли собой довольно колоритное зрелище. Хозяевами четвероногих конкурсантов в основном были мужчины, но было несколько особ женского пола. Она участвовала в этой выставке с двумя борзыми собаками. Он, ничего не понимая в породах собак, невольно залюбовался этой парой. Изящные, крупные, длинно-мордые. Их тонкие уши, в форме розы, откинутае назад, приподнимались при лёгком возбуждении. Шерсть, тонкая и плотная, лоснилась сплошным окрасом. В его глазах засветился неподдельный интерес, хотя сам он ни собачником, ни охотником не был, и приехал на выставку из простого любопытства.

Пётр, так звали этого молодого человека двадцати шести лет от роду, практически все эти годы прожил в Петербурге, если не считать редких выездов в Сонино – имение брата отца. Дядя души не чаял в племяннике и ради его приезда готов был устраивать в доме ежедневный праздник, разнообразив стол всевозможными разносолами. На этот раз Пётр приехал на неопределённое время. И это был не просто приезд в гости: отдохнуть от столичной суеты и подышать целебным хвойным воздухом близлежащей сосновой рощи. У него был грандиозный план, который он намеревался осуществить за время своего пребывания у дяди, во всяком случае, предпринять попытку в осуществлении задуманного.

В результате долгих разговоров с отцом, занимавшим солидный пост в министерстве юстиции, мнением которого Пётр очень дорожил, он согласился с его доводом по поводу устройства своей дальнейшей жизни. На самом деле, всё было до банальности просто. Двадцать шесть лет – возраст, когда пора задуматься о семейной жизни.

Юрий Алексеевич Рыченков – поэт, переводчик, член Союза писателей России. Награждён орденом «Золотая осень» им. С.А. Есенина, Золотой Есенинской медалью, медалью Союза писателей КНР за вклад в развитие культурного обмена между Китаем и Россией и другими литературными наградами. Дипломант литературной премии имени Н.А. Некрасова «За вклад в сохранение народной традиции в русской поэзии». Победитель Международного конкурса «Литературный Олимп» в номинации «Поэзия» Лиги Писателей Евразии, литературно-музыкального конкурса «Белый остров Москвы» (гимн «Строгино»). Автор двух поэтических книг и многих поэтических сборников, рецензий и критических статей.
Живёт в Москве.

Но при одной только мысли в этом направлении становилось очевидным, что одного желания мало, необходимо предпринимать конкретные действия для достижения этой цели. Пётр был знаком со многими барышнями на выданье, среди них были очень даже неплохие партии. Не было главного: чувства привязанности, которое, как ему казалось, должно перерасти в более глубокое чувство, без которого совместная жизнь вообще теряет всякий смысл.

Потенциальные невесты, входившие в круг его хороших знакомых, были, как говорится, на любой вкус и в смысле внешности, и в смысле характера. Но всех их объединяло одно неизменное качество – это были легко живущие особы, не задумывающиеся о жизни, а просто получающие от неё всевозможные удовольствия: наряды, балы, прогулки и светскую болтовню. Именно по этому поводу отец и замечал многозначительно, что настоящую подругу жизни среди них не отыскать. Чрезмерно яркая, праздная, лёгкая жизнь непрерывно развращает их, делает из них весёлых, привлекательных «куколок», предназначенных лишь для того, чтобы им говорили комплименты, дарили дорогие подарки и носили на руках.

«Настоящую подругу жизни надо искать в провинции, – говорил отец, – и для этого вовсе не надо ехать вглубь России, достаточно поехать в деревню, где жизнь и быт совершенно другие. Барышни, проживающие в дворянских поместьях, вдали от развлечений, разительно отличаются от столичных див. Они видят крестьянский труд, им известны многочисленные занятия родителей, они сами могут быть помощницами по хозяйству и, наконец, они живут в гармонии с живым окружающим миром. А природа – это великолепный воспитатель человеческой души. Не зря все сельские жители отличаются простодушием и добротой».

Вот почему Пётр, последовав совету отца, решил поехать погостить к его брату в имение под Новгородом. Не только отрешиться от забот и поближе познакомиться с жизнью провинции, но и испытать судьбу: а вдруг именно там она подарит ему избранницу, о которой говорил отец, да и сам он уже с некоторых пор в мечтах представлял себе эту встречу. Как впечатлительному человеку эти иллюзорные картины ему представлялись счастливой реальностью. И вот он у дяди...

Некоторое время он, знакомясь с окружающей природой, с удовольствием бродил по окрестностям. Просто побыть на природе для него, городского жителя с малых лет, было и необычно, и увлекательно. Никогда прежде он не слышал таких восхитительных птичьих концертов, не видел столько разной живности. А необыкновенно вкусный воздух, который, казалось, можно пить большими глотками, приводил его в восторг. Но это никак не приближало его к выполнению намеченного плана. Но тут дядя предложил ему посетить собачью выставку, о которой ему стало известно от местных охотников, показать себя и познакомиться с людьми:

– Бери экипаж и поезжай. Матвей, кучер, знает куда.

Он не стал возражать, и удача, похоже, благоволила ему. На этом собачьем смотре воображаемая долгожданная встреча и состоялась. Он понял это в ту же секунду, как только взглянул на молодую особу, которая держала на поводках двух борзых собак. Её невозможно было не заметить, он даже почувствовал лёгкую дрожь во всём теле. Своим простым нарядом она отличалась от других дам, которых было немного, но которые привлекали всеобщее внимание охотничьего собрания. Её одежда была вроде бы неброской, но одновременно поражала какой-то изысканностью. Не в силах сдержаться от

внутреннего порыва, преодолев стеснение (в конце концов, это не званый вечер в петербургском салоне, а обычная сельская сходка), он подошёл к незнакомке и представился. Одновременно сказал, что живёт в поместье Сонино у дядюшки, а на выставку заглянул исключительно из любопытства.

«Всё-таки дни довольно однообразные, развлечений почти никаких нет, – сказал он, как бы в оправдание, – знакомых завести не успел, поэтому очень рад, что представился случай: познакомиться с обитателями близлежащей округи». Девушка понимающе улыбалась, слушая Петра, не выражая никакого неудовольствия, и это его ободрило. Смотр закончился раньше положенного срока, и она, перейдя с собаками в беседку, ждала свой экипаж. Понемногу они разговорились, и выяснилось, что Ольга Николаевна, так звали его новую знакомую, живёт в своей родовой усадьбе всего в двенадцати верстах от Сонино. Это сообщение было как нельзя кстати: Пётр тут же предложил ей не томиться ожиданием, а воспользоваться его экипажем. Он любезно доставит её куда следует. Кучеру ничего объяснять не нужно, он здесь родился и ему знакома каждая тропинка. Она согласилась и поторопилась предупредить Иллариона Игнатьевича, чтобы он, когда прибудет её экипаж, отправил его домой, так как она уехала с okazji, не дождавшись.

Когда она лёгким шагом быстро направилась в дом, он подумал, а не сон ли всё это? Уж очень сильно это было похоже на сказку. Ещё вчера он даже представить себе не мог, как и где в этой глуши он познакомится с девушкой своего круга. Не дядя же, в самом деле, займётся устройством его личной жизни. И вот такая удача! Когда она возвращалась, Пётр хорошо её разглядел. Да, она была очень привлекательна, настоящая светская дама с очень красивой причёской, под стать столичным модницам. Но своей немногословностью и уравновешенностью сильно отличалась от столичных хохотушек. Увидев её со стороны, он несколько оробел, вспомнив свой неконтролируемый порыв в стремлении заговорить с незнакомкой.

Всю дорогу до усадьбы Ольга была занята своими питомцами, а он, поглядывая на неё, смущённо молчал. Прощаясь, она поблагодарила его за оказанную любезность и, лукаво улыбаясь, сказала:

– Когда вас вновь одолеет скука, вы можете навестить меня. Я угощу вас чаем с малиновым вареньем. Это наша домашняя замечательность.

Он не ехал домой, а летел на крыльях над каретой. Была необычайная лёгкость во всём теле. На душе осталась одна радость, никакие другие чувства не тревожили его, а перед глазами рисовалось неисчислимое количество фантастических картин о счастливой перспективе.

Чтобы не показаться чрезвычайно назойливым, он выждал почти неделю, в течение которой совершенно извёлся ожиданием встречи. И наконец решился. Его встретил строго одетый камердинер и, спросив, как доложить, пригласил пройти в большую гостиную, а сам удалился вглубь дома. Дом был огромный, не уступающий по архитектуре богатым столичным особнякам. Настоящий дворец. «Интересно, а кто её родители?» – подумал он. Но ни в этот раз, ни при следующих встречах расспрашивать её он не решился. Главное он знал – это воспитанная, деликатная, умная и очень красивая девушка. Ей наверняка не более двадцати лет. Размечтавшись про себя, он уже думал о будущем, как о решённом деле. А почему нет? Он человек дворянского происхождения и живёт не в провинции, а в столице, занимает хорошую должность в Министерстве финансов. Находясь в продолжительном отпуске, который выхлопотал ему отец, по причине нездоровья, он должен был ехать на воды,

но отец уговорил его использовать момент. «Устроение своего будущего – вот лучшее лекарство от всех болезней, – говорил он. – И скука, и хандра пройдут, а с ними и все хвори».

Пётр стал навещать Ольгу. Она замкнуто жила одна в громадном доме, не считая многочисленной прислуги. По крайней мере, во время его приездов никаких других членов семьи и гостей он не встречал. Пётр не переставал удивляться, как она легко управлялась с этим большим хозяйством и как исполнительна была её прислуга в этом роскошном дворце.

Часто они совершали пешие прогулки по саду и окружающей местности. Сад изначально был разделён на отдельные участки зелёной живой изгородью из фигурно стриженных кустарников, получалось что-то похожее на лабиринт в виде живых стен. Восхищали деревья, которым наверняка была не одна сотня лет. В различных уголках сада были устроены выгнутые каменные мостики через переплетающиеся ручьи. По всей территории были расставлены на высоких основаниях круглой формы небольшие мраморные скульптуры. Имелся пруд с лебедями в богатом зелёном обрамлении. На нём были установлены домики для птиц. С прудом соседствовал птичий двор, на котором ярко выделялась пара павлинов.

Но чаще они гуляли в соседней берёзовой роще. Берёзы... Ими можно любоваться бесконечно. Наверное, нет ни одного человека, который бы не любовался этим деревом. Любовались и они, казалось бы, роща одна и та же, но всякий раз представлялась им в новом наряде и в новом настроении. Казалось, что они семьями, большие и совсем маленькие, вышли на прогулку, разбежавшись по многочисленным полянкам. А в глубине рощи, где солнечные лучи не были так ярки, берёзы белыми стволами чётко выделялись на фоне травы, которая всегда была полна свежести. Создавая неповторимый колорит, кое-где в траве проглядывали яркие точки лесных цветов. Так и хотелось лечь на этот зелёный ковёр и смотреть сквозь резные листья берёз на безбрежное, высокое небо. А вокруг берёзы, берёзы, берёзы... Эти ослепительные в белом солнечном свете белые нарядные стволы, скрывающиеся в зелени и снова возникающие и манящие, словно приглашали их уйти вглубь, как можно дальше в этот приветливый лес. Глядя на них, они подолгу шли молча, и каждый в это время думал о чём-то своём, сокровенном, втайне не переставая удивляться окружающей красоте – этой неподражаемой щедрости природы.

Гулять в роще Петру нравилось больше, чем в саду, который напоминал ему городской пейзаж. Однажды во время прогулки они услышали кукушку. Он верил в приметы и поэтому знал, что услышав кукушку первый раз за год, можно загадать желание. Если птица кукует с правой стороны, желание точно исполнится, а именно оттуда и слышался голос птицы. Но чтобы мечта претворилась в жизнь, во время пения птицы нужно перебросить монету из одной руки в другую. Он сильно расстроился тогда, что монетки у него с собой не оказалось.

Он уже не представлял себе жизни без встреч с этой удивительной девушкой и мысленно делал ей предложение. Рассказывая о себе, он не утаил мнение своего отца по поводу разницы между столичными и деревенскими девушками. И что отец, в конце концов, убедил его в этом, а теперь он и сам придерживается такого же мнения, а с некоторых пор уже несколько в нём не сомневается. При этом он старался выразиться предельно тактично, чтобы не ранить чувств Ольги как провинциальной девушки, конечно же, мечтающей о

столичном блеске, но никогда в этом не признающейся. Она была для него вся как на ладони. Это же так естественно: кому не мечтается из сонной, однообразной глухомани попасть в столицу и покрасоваться на званых вечерах, да так, чтобы непременно обратить на себя внимание. Однако он неоднократно замечал: Ольга не поддерживала разговоров на эту тему. Старалась говорить о хорошо ей знакомом, о том, что её окружало – ведь это так прекрасно: быть наедине с природой. И он, чтобы не тревожить далее её самолюбие, прекратил разговоры на столичные темы, решив про себя: «Не может же она не понимать, что в случае принятия его предложения руки и сердца – все мечты её сбудутся и перед ней в полной мере распахнётся столичная жизнь со всеми её удовольствиями».

Но однажды, приехав к Ольге, он встретил там незнакомого молодого человека, вальяжно расположившегося в кресле и листающего толстую книгу. Ольга познакомила их, представив:

– Антон Петрович, земский врач.

Пётр, хотя и далёк был от медицины, хорошо знал, что земский врач – это врач-универсал, обладавший широким кругом знаний и практических навыков, врач-учёный, врач-аналитик. Это были почитаемые на Руси люди. Антон Петрович оказался очень немногословным и рассудительным человеком приятной наружности, внешне чем-то напоминавшим Чехова: такие же умные глаза, пенсне и небольшая острая борода. Вначале Пётр забеспокоился: не соперник ли это? Но когда разговорились за чаем, понял, что знакомы они давно, но бывает он у неё довольно редко, да к тому же последнее время долго не встречались. Было заметно, что эта встреча очень обрадовала их, они живо болтали, а Пётр, понимая, старался не мешать разговору.

– Давно в наших краях? – спросил Антон Петрович.

– У меня такое чувство, что я здесь родилась.

– И как, не надоела ещё наша спокойная жизнь?

– Как она может надоест, ты же сам другой жизни себе не представляешь? Правда, мои родители до сих пор не могут понять: как ты решился на такой отчаянный шаг.

– А тебе родители не предлагали сделать такой же шаг?

– Знаешь, поначалу предлагали, но у тебя, наверное, тогда были совсем другие планы, да и я была совсем девчонкой. Что теперь вспоминать. В любом случае, я очень рада тебя видеть, и прошу во время твоих редких выходов в свет – не забывай нас. Мы тебе всегда рады.

– Торжественно обещаю.

Он не всё понял из этого диалога, понял только то, что всё в прошлом, и, значит, его планам ничто не угрожает.

Между тем лето близилось к закату. Солнце в погожие дни, которых было всё меньше, грело ещё почти по-летнему, стремясь отдать последнее нерасстраченное тепло. Воздух становился свежим, и всё чаще по пасмурному небу плыли пухлые серые тучи, сея противными моросящими дождями. Ветер менялся на более холодный и резкий. Совсем недалеко то время, когда после первой стылой ночи деревья нарядятся в красочный наряд и, покрасовавшись, начнут ронять разноцветные листья, усыпая многоцветным ковром дорожки парка и рощи.

Он стал подумывать всерьёз о предложении, которое он должен сделать и непременно в самое ближайшее время. Обо всём, что произошло с ним в последнее время, Пётр рассказал дяде, и тот одобрил выбор, сказав:

– Я несколько раз встречался с Ольгой. Не могу сказать, что я её хорошо знаю, но зато я превосходно знаю её родителей. И здесь сомнений быть не может – это достойная дочь своих родителей. Так что, если она примет твоё предложение, я лишь порадуюсь за тебя. Могу только предупредить: как я слышал, к ней уже сватались местные молодцы, но всё безрезультатно. Впрочем, ты человек вполне достойный, может быть, тебе повезёт. Во всяком случае, я желаю тебе успеха.

Когда Пётр с явным намерением поставить все точки над «і», отправился в «почти родной» ему дом, то неожиданно обнаружил, что хозяйка, то есть хозяйка, уже уложила вещи и явно готовится к отъезду. Буквально остолбенев, увидев выходящую из дома Ольгу, он невнятно пробубнил с нескрываемым удивлением:

– Оля, что всё это значит?

– Да, Пётр, мы с вами расстаёмся. Завтра из заграничного вояжа возвращаются мои родители, которые на время их отсутствия попросили меня присмотреть за хозяйством. Я уезжаю в Петербург. Там я живу на Мойке. Впрочем, вам, наверное, хорошо знаком дом княгини Орловой. Я – её внучка.

И, посмотрев на его растерянную, ошарашенную физиономию, добавила:

– А вы непременно встретите провинциальную умную, добрую, симпатичную девушку, с которой пойдёте по жизни рука об руку. Прощайте.

И уже уходя, продолжая улыбаться и смотря прямо на него серо-голубыми глазами, сказала ласковым, завораживающим голосом:

– Впрочем, когда вам станет совсем скучно, заходите к нам запросто, безо всяких церемоний. Нам будет что вспомнить...

ПОЭЗИЯ

Василий ЛОВЧИКОВ

Василий Дмитриевич Ловчиков – родился в 1935 г. в городе Воронеже. В 1957 г. окончил Высшее военноморское инженерное радиотехническое училище в г. Гатчине. С 1957 по 1964 гг. служил в Военно-морской и Дальней авиации (ДА) на разных должностях. В 1967 г. окончил Военно-дипломатическую академию (ВДА). Работал в Москве, за рубежом и в ВДА. Кандидат военных наук, доцент, академик Международной академии духовного единства народов Мира. В настоящее время – профессор Военного университета МО РФ. С 2000 г. член Союза писателей России, член-корреспондент Академии поэзии. Автор 24 сборников стихов и поэм. За литературную деятельность награждён шестью медалями, в том числе: Владимира Маяковского, Михаила Лермонтова и Александра Пушкина.

Живёт в Москве.

Есть повод вспомнить...

О встрече 10-Б класса 40 лет спустя!

Елене Рыбиной

Есть шанс в две тысячи двадцатом,
Собравшись, вспомнить выпуск свой,
И класс под буквой «Б» десятый,
Который нас связал судьбой,
Как детям озорным и дружным
Старалась школа зрелость дать,
Из нас и грамотной, и нужной
Отчизне смену воспитать.

Мы все прошли тропюю роста
Из октябрёнка в комсомол,
Всем дался этот рост не просто,
Но каждый вверх достойно шёл.
Мы дружно все всегда стремились:
Полезными всем классом слыть,
В колхозе, не ленясь, трудились,
Рвались тимуровцами быть.

Есть повод вспомнить педагогов,
Их труд нелёгкий оценить,
И щедро доброту и строгость
Нам, не щадя себя, дарить,

Как Малышева с нашим классом
Справлялась властно много лет
И русский наш язык прекрасный
Вела, как основной предмет.
А разве Кияшко Надежду –
Математичку позабыть! –
Из каждого гнала невежду,
Стремясь нас мыслить научить.
Как фронтовик, умела строго
Так с юмором за лень пронять,
Заставив лодыря любого,
Как лист осинового дрожать.

И нашу Августу, достойно
Не оценив, забыть нельзя!
В походах вольно иль неволью
Она роднила нас, друзья!
Близ лагеря военных сборов
Из школы призванных ребят
Палатки с ней разбили в боре
Для приглашённых к ним девчат.

При встрече жгли костёр, играли,
Пока учитель и закат
В палатку спать девчат послали,
В свой лагерь проводив ребят.
Ребята ж, под покровом ночи,
В палатку поспешили к нам
Свой лагерь кинув, между прочим,
Нарушив долг призывника.

Августа ж, в роли контролёра,
В палатку, как на грех, зашла,
Девчат в косынках слишком много
Беседой занятых нашла.
Но, удивившись, рассмеялась,
Не стала прочь мальчишек гнать,
Бранить девчонок воздержалась,
И офицеров в помощь звать.

Дав поболтать гостям немножко,
За фарс в косынках похвалив,
Чуть пожурила на дорожку,
Конфликт без стрессов завершив.
А физик наш – Иван Иваныч
Как с шутниками поступил –
За «подвиг» на уроке странный –
Лишь смехом класса наградил.

Евпак и Суриков решили,
Не глядя, обувь обменять,
Учсть размеры ног забыли –
Евпак – мог лишь босым шагать...
И физик, явно видя это,
Ругать затейников не стал,
Под хохот всех шагать с ответом
К доске с улыбкой приказал.

Таких историй, хохм, проделок
При встрече всех – не передать,
Шанс чем-то поделиться дельным,
Как быть с бедою, подсказать.
Пусть память, словно вольный ветер,
Промчит по вехам прошлых лет,
И всем покажет в ярком свете,
Что верно делалось, что нет!

И пусть нас эта встреча снова
Всех сблизит так, как класс связал,
Согреет дружбой, добрым словом,
Как в прошлом – 40 лет назад.
И эта связь в часы удачи,
И горькой неудачи час,
Пусть прежним счастьем озадачит,
А огорчать не будет нас.

ПОЭЗИЯ

Евгений ХАВАНОВ

Евгений Иванович Хаванов – родился в 1935 г. в Ульяновской области. В Сызрани окончил нефтяной техникум, в Новокуйбышевске работал на нефтеперерабатывающем заводе. Четыре года служил во флоте. Затем работал в областной газете «Волжская коммуна», где заведовал отделом культуры. Окончив Куйбышевский пединститут, учился в Академии общественных наук, в аспирантуре, в Федеральной академии государственного управления при МВД ФРГ. Доктор исторических наук. Доктор бизнес-управления (США). Профессор Московского городского педуниверситета. Автор книг и статей по проблемам молодежи, антифашистского Сопротивления, общественных движений. Заслуженный работник Высшей школы РФ. В поэзии – со времени военной службы. Член Союза писателей.

Живёт в Москве.

«Ещё говорила мама...»

Имена

Велик ты иль всё ещё мал,
Но есть вот такая мания:
Всему, что увидел, узнал,
Давать имена и названия.
Не выживший идиот –
Мальчонка, что розов ещё,
Сидит на горшке и даёт
Другу по яслям прозвище.
Папам и мамам опять
Давать имена новорожденным.
А вот героя назвать –
Равно наградить орденом.
У всех уже есть имена.
Они и весомо, и гордо
Звучали во все времена
В названьях страны и города.
Уж тысячи лет говорим –
Понятия эти извечные –
Афины, Каир, Рим,
Историей не изувеченные.
А наша столица Москва?
Большая, первопрестольная,
Всем головам голова,
А с ней и страна раздольная.
Другой по-другому горд,

Тому от времён – признание.
Вот император Пётр –
Сам строил и сам дал название.
Вот так и работает мозг.
Отправившись в дальние дали,
Построили свой Комсомольск
И имя своё дали.
Бывает, увы, и не так.
Иная приходит эпоха,
И что было ярким как флаг,
Теперь оказалось плохо.
Что было ново – старо,
Уже перестало значить,
Уныло, банально, серо
И надо переименовать.
Да, если старо – удар.
И даже не мыслили даром.
Вот был Катерины дар,
А сделали Краснодаром.
Царицын – так звали град,
Ветрами и солнцем палимый.
Уже не звучит. Сталинград –
Такое явилось имя.
Вперёд, за вождами иди!
Долой вельмож и эмиров!
В названьях герои, вожди –
Чапаев, Молотов, Киров.
Но что-то – накоротке.
Эпоху сменяет эпоха.
Вот было совсем о'кэй,
Вдруг стало немного плохо.
И вот уж не идиот –
Пойди разберись и с своими.
И Молотов вроде не тот,
Уже не зовущее имя.
Всё мерим – того, не того...
Не в гору всегда, но и с горки.
Не много ли для одного –
Название города Горький?
Да, в жизни не просто так,
Изменчив и взгляд поколений.
Бог видит: а в именах
Не устоял и Ленин.
А город-герой Сталинград?
Имя и здесь не оставлено:
Звёзды над Волгой горят,
Но только, увы, без Сталина.
А время ведёт игру.

Такая вот наша эпоха:
 Свои у неё гуру,
 Своё ощущение Бога.
 И новые имена
 В каждом высоком здании.
 А в головах – струна:
 И всем, и всему – названия.
 Но не избыть, что живёт,
 Живёт, что бы с нами ни случилось.
 Оно никуда не уйдёт.
 Оно и у нас осталось.
 Всё мило в своём естестве.
 Волжанам судьба улыбнулась:
 Самара в первородстве
 Взяла и однажды вернулась.
 Слово в названье – гранит.
 Город в истории славен:
 Советск – это бывший Тильзит
 И наша Советская гавань.
 В сонме времён и имён
 Не всё так чудно и странно.
 Удел городов персон?
 Здесь видятся целые страны.
 И силой каких же уз,
 Каким всевеликим мессией
 Страна Советский Союз
 Вернулась исконной Россией?
 Планете сказав «Это Я» –
 Попробуй её не прими-ка! –
 Вернулась на круги своя
 Неповторимой великой.

Жил в Афинах Платон

Увы, я не знаю, кто ты,
 Землицы какой ты житель.
 Но мысли мои просты –
 Я знаю, кто твой учитель.
 И мне для решенья – лишь миг,
 И в миг всё пойму и измерю:
 Уж коль ты его ученик,
 Поверю тебе и доверю.
 А к этим я сам пойду.
 Глазам их и душам верен,
 Подсудный всю жизнь их суду,
 В них я всегда уверен.

В Афинах вот жил Платон.
 В кварталах зелёных и шумных
 Создал Академию он
 Для самых мудрых и умных.
 Стоял за Платоном весь град.
 В заботе как словно в полёте
 Учитель его был Сократ,
 А ученик – Аристотель.
 Вот так они вместе и шли
 В своём высоком служенье.
 История всей Земли –
 Это их продолженье.
 И с тех вот далёких пор –
 А с ними и вы живёте –
 Три имени как триколор –
 Сократ – Платон – Аристотель.
 А вам – становиться в ряд.
 Какой тропью пойдёте?
 Кто ближе – Платон? Сократ?
 А может, и сам Аристотель?

Ещё говорила мама...

Мысленный разговор с потомком

Ещё говорила мама:
 По жизни иди прямо.
 И я вот всю жизнь упрямо
 Стараюсь идти прямо.
 Стремлюсь избегать, что криво,
 То, что обманно игриво,
 То, что надменно крикливо,
 Неистинно и фальшиво.
 Да, в жизни всё сплошь игриво –
 То ль прямо, а то ли криво.
 Порою всё так запутано –
 Что путно, а что беспутно?
 Да, может, люди и братья,
 Но стилем своим воспрятья
 Мира, который видя,
 Делятся на два вида.
 Трудяга, поэт или клоун –
 По-человечески кто он?
 Нечто прямое, живое
 Или, увы, кривое?

Прямой – значит истинный, истый,
 Живой, настоящий, чистый.
 Прямой – это значит честный –
 Как символ, как знак небесный.
 Вот наши друзья – прямые,
 Они нам как братья родные.
 В истории если прав ты –
 Ты истинный рыцарь правды.
 А если не прямо, а криво –
 Бессмысленно всё и лживо.
 И даже на вид красиво,
 А глянешь – внутри криво.
 Спаялся народ кровно –
 Всё тихо, спокойно и ровно.
 Но у кого-то густо,
 У всех же у прочих пусто.
 В кривом и прямое криво.
 Здесь истина тоже лжива.
 А в спорах какое оружие?
 Да, это оно – кривосудие.
 И, может, ещё и не крив ты,
 Но мыслишь законом кривды,
 Глаза лишь на миг открывая:
 Куда нас ведёт кривая?
 Да, верно учила мама:
 Не криво, а только прямо.
 Да, только прямое поистине
 Единственный путь к истине.
 Но только где прямо, где криво?
 Кривые всегда крикливы.
 И живы, хоть и не живы,
 Улыбчивы и красивы.
 Все поры в верхах держали.
 И вот уже нет державы.
 Страна – после дикого шквала.
 И что? Им и этого мало.
 Вижу – кривые, косые
 Стрелы – в сердце России.
 Кто-то всё бочки катит.
 Но, господа, может, хватит?
 Ставка – на кривость быта.
 Пора говорить открыто –
 Как день – откровенно и прямо –
 Как в детстве учила мама.
 И как откровенны мы были –
 Поправки в закон вносили
 С глубокой думой о жизни,
 О нас и о нашей Отчизне.

И с этим же откровением
 Что скажем мы поколениям,
 Идущим следом за нами:
 Каким будет наше знамя?
 И вот уже из потёмок
 Глядит на меня потомок.
 И слышу ещё негромко
 Вопрос прямого потомка:
 Жизнь – это вам не корыто.
 Отец, говори открыто
 Под шорох компьютерных клавиш:
 Какой мне страну оставишь?

И даже бывает весел...

Видали в кино? Генерал,
 Вдруг проиграв сражение,
 Честь свою как спасал?
 И спас всего за мгновение.
 И ростом, и званьем высок,
 Действовал мудро и скоро:
 Пуля, лишь пуля в висок,
 И – ни стыда, ни позора.
 Да, это был генерал.
 Иное дело – политик:
 Даже всесветский провал
 Душевных не вызовет пыток.
 Вот предал страну и народ.
 Я сам бы себя повесил.
 А он интервью раздаёт
 И даже бывает весел.
 А может даже читать,
 Как строить нам жизнь текущую.
 Но как человеком стать,
 Его на досуге слушая?

Какой у нас режим?

И как же мы с вами решим?
 Какой у нас нынче режим?
 Советский? Уже не советский.
 Увы, не совсем и светский.
 Капитализм зачаточный?
 Нет – масочный и перчаточный.

Выборы

Спрашивают идущие:
 Какое нас ждёт грядущее?
 Какой будет хлеб и дом?
 Куда вообще идём?
 А знают ли это ведущие,
 Всех нас куда-то зовущие?
 И кто нас с тобой поведёт?
 Кого изберёт народ.
 Выберем сами ведущих –
 Умных, честных, сведущих.

ДРАМА

Юрий БОГДАНОВ

Штурм

Драматическая поэма

Действующие лица:

Иван – до войны инженер, в войну водитель танка КВ1 (44 года).

Мария – жена Ивана – учительница (40 лет).

Андрей – их сын, студент, в войну морской пехотинец (21 год).

Петя – их сын, школьник (12 лет).

Нина – их дочь, школьница (10 лет).

Анна – сестра Марии (42 года).

Действие вначале происходит на территории Брянской области, потом на Брянском, Сталинградском, Крымском фронтах в 1941–1944 годах

Пролог

«Священная Война»

*Вставай, страна огромная,
 Вставай на смертный бой
 С фашистской силой тёмною,
 С проклятою ордой!*

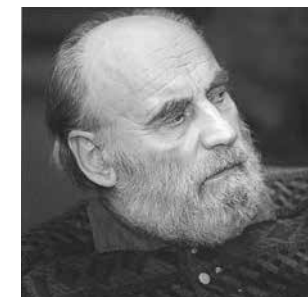
*Музыка Б.А. Александрова
 Слова В.И. Лебедева-Кумача*

1941 год

Десятый день начала войны. Вся семья в сборе. Иван в задумчивости сидит за столом, рядом с ним Мария, дети с тревогой смотрят на родителей. Андрей ходит по комнате, резко останавливается.

Андрей
(говорит воодушевлённо)

Ну, а сейчас, что можем предпринять?
 Фашист вломился в мирную Отчизну,

Юрий Николаевич Богданов – родился в г. Горьком, окончил музыкальное училище им. М.И. Глинки (1964 г.), Литературный институт им. А.М. Горького (1974 г.). Автор более двадцати книг стихотворений, в том числе «Галактика души» (сонеты), «Музыку небесную я слышу», трёхтомного собрания лирики («Солнцу хвала», «Всевышней любовью», «Лунное затмение»), «Капелью проклюнуты чувства», «Поделись надеждой с врагом своим», а также поэм – «Ванька, встань-ка», «Пётр и Февронья», трагедий «Джульетта», «Морок», «Из-под плинтуса», «Проскурова лажа», «Последний круг» и других. Секретарь Правления Московской городской организации Союза писателей России, Академик Петровской Академии наук и искусств.

Живёт в Москве.

И, как тогда, в двенадцатом году,
 Должны мы встать за Родину Святую.
 Отец, скажи по совести детям:
 За сколько дней мы немцев одолеем?
 Слышал: они уже ворвались в Минск –
 Бесчинствуют на улицах столицы!..
 Нас не сегодня-завтра призовут
 На бой крошечный с чёрной вражьей силой...
 Скажи, скажи, всю правду, не тая,
 Пред подлым страхом и возможной смертью,
 Как завтра, послезавтра будем жить?
 Твоя решимость веру даст в победу!

Иван
(после паузы)

Семья моя, настал трагичный час –
 Час испытаний совести и духа,
 Не спрятаться нигде, не убежать
 И не отдать страну на поруганье.
 Не знаю я, когда придёт конец
 Той нечисти, что войны развязала,
 Но я уверен – справимся с врагом
 И отстоим любимую земельку.

(задумавшись, продолжает)

Андрей, нас скоро призовут в войска:
 Мне предстоит, как бывшему танкисту,
 Забытые освоить рычаги,
 Андрюше – ощутить солёный воздух...
 Мария, ты останешься в селе:
 Тебе я поручаю малых деток,
 И чтобы ни случилось – ты за них
 В ответе будешь предо мной и Богом.

Петя и Нина
(вместе)

Мы, папочка, не малые уже –
 Всё понимаем, маму надо слушать...
 Всем трудно, но полегче только нам,
 Пока ещё не видели фашистов...

1944 год

Начало апреля 1944 года. Намечен штурм советскими войсками фашистских укреплений на Крымском полуострове. В составе подразделения морских пехотинцев Андрей.

Андрей
(вспоминает)

За года три, а, может быть, с лихвой
 Война, как взрывом, семьи раскидала,
 Контузив смертоносною волной
 Надежду на безоблачное счастье.
 О чём мечтал – всё превратилось в пыль:
 Зловонную, как пепел пепелища!
 Фантазии рассыпались во прах...
 Кажись, не будет к миру возвращенья!
 Сквозь едкий дым мучительно смотрю,
 Как погибают юные солдаты,
 Не знавшие ни радости любви,
 Не слыша лепет в детской колыбели.
 Они закрыли, как писал отец,
 Своею грудью подступы к столице,
 Немецкие армады разгромив,
 Бессмертными остались в нашей жизни,
 Обрушили вандалов похвальбу,
 Заткнув «Блицкриг» фашистам в глотки кляпом...
 И эта чернь нас хочет покорить –
 Трусливая и дряхлая Европа.
 Нашествий бесноватых нам не счесть:
 Во все века их били, бьём и будем!
 За это каждый жизнь свою отдаст,
 А если он не «каждый», то предатель!

Первое письмо Ивана Андрею

Прости, мой сын, что долго не писал!
 Нежданно нас фашисты окружили.
 Добить хотели в огненном «котле»
 Нас танки Гота и Гудериана.
 Мы поняли, что это – смертный бой
 И заняли позицию без страха:
 Шли танки бронированной волной –
 Испуг катили с лязгом и удушьем...
 Не знали, на каком же свете мы:
 Молились Богородице Пречистой...
 Она и нас, и всю страну спасёт,
 И нашу жизнь – Божественное Чудо...
 .....
 Пронёсся слух, что с образом её
 Москву на самолёте облетели,
 Как будто совершили Крестный ход,
 То якобы велел товарищ Сталин!
 И небеса открылись предо мной:
 Пречистую увидел со святыми,
 Их лики свет дарили неземной:
 В том свете смело бросились в атаку...
 .....
 Лишь помню, как все выстрелы слились

В сплошной немолчный рокот во вселенной.
И вспыхивали танки, как во сне,
Беззвучно, ослепительно, как спички:
Один, другой, а вон ещё горит,
Но сколько их? Сбиваемся со счёта...
Всё прут и прут: не видно им конца,
Десятый тоже вспыхнул, как огниво...
Но остальным не дали мы пройти:
Трусливо развернулись и – бежали...
Потом удар! В глазах огонь и дым,
В котором видел Петю, Нину, маму...

Андрей
(вспоминая)

Как взрывом вдруг оборвано письмо.
Где он теперь? И что с отцом случилось?
Понятно: жив! Не хочет волновать,
Быть может, ранен, страшно искалечен?..
Но как дождаться вести от него?..
Всё прояснится: буду жить надеждой!
Спокон веков в народе говорят:
Надежда умирает в нас последней...
.....
Плывут воспоминанья, как туман,
Косил нас немец, что траву, в июне...
Как раненых от гибели спасти: –
Одну сестру, другую «положили».
Смерч огненный, как море, бушевал,
И вот тогда безусый пехотинец
Комбату нерешительно сказал:
«Пойду туда и раненых доставлю...»
.....
Смотрели мы, как он под пули полз
К стонавшему безногую солдату,
Нёс на себе и – сдал врачам в санбат,
Шёл в смертный шквал, вновь пули раздвигая!
Принёс он в тыл пятнадцать человек –
Снаряд и пули даже не задели.
Мы удивились: «Что за чудеса?»
Как не страшился парень ранней смерти!
Ответил скромно: «Мамочка моя
Дала мне православную иконку,
Сказав: “Не бойся смерти на войне
И помогай воистину просящим...
Она всегда во всём поможет им
И сохранит вас всех от вражьей пули”».
Мы с замираньем сердца и души
Рассказ мальчишки приняли за диво...

А он – перекрестился, не боясь,
«Храни вас Бог!» – промолвил, не стесняясь.

Второе письмо Ивана Андрею

Любимый сын, пишу тебе опять,
Рука дрожит, но это от напряга.
Я долго пребывал в госпиталях:
Лечили переломы и ожоги...
Как хочется опять попасть на фронт.
Но строгие врачи не позволяют...
Да рано меня списывать в запас,
Ещё смогу я «насолить» фашистам.
Хочу я с «Тигром» встретиться в бою,
Снести броню «Пантере» кровожадной.
Дадут непобедимый танк «ИС»
Чтобы добить фашистов в Сталинграде.

.....
Я весточку от мамы получил:
Меня соседка наша разыскала,
Она прошла болотами сквозь фронт
И со слезами вот что рассказала:
«Хозяйничают немцы на селе,
А с ними вместе – прихвостни-собаки,
Надели форму ихнюю и жгут
Дома, сараи, но дрожат от страха,
Чтоб не наткнуться тут на партизан:
Иначе – без “разборки” расстреляют.
За ними тень кровавая течёт
Сельчан убитых, заживо сожжённых.
И пламя застилает небеса»...

.....
А наша мама с Ниной и Петей
Живут пока в отряде партизан,
Где командиром бывший твой учитель...
Когда фашисты заняли наш дом,
Он предложил свободную землянку,
И мама согласилась в лес уйти,
Чтобы спасти от гибели детишек.
Ведь полицаи могут в час любой
В село явиться без предупрежденья.
Каратели, как злые кабаны,
Не знают состраданья к человеку.

Андрей
(в полусне)

Бьют, гады, так, что нервы – на дыбы:
Ни глаз поднять и не пошевелинуться.
Свинцовый ветер – смертный ураган –
Цвет васильков срывает, словно звёзды.
Они летят по высохшей земле
В песчаном вихре чёрно-рыжей пыли:

То заслоняя солнце, небеса,
 То, как детишки, смотрят в наши души.
 Я вижу их, как будто наяву,
 Когда косил траву в цветочном поле,
 И плакали головки васильков
 Росою, как горючими слезами,
 В них отражался мертвенный восход
 В предчувствии трагизма во вселенной!
 Витал он над притихшею Землёй
 И знаки были предзнаменованьем.
 Я чувствовал, не зная – в чём беда...
 Теперь я вижу эти самолёты
 С крестами, диким воем надо мной.
 И взрыв, и взрыв, и мысли разлетелись.
 .....

Третье письмо Ивана Андрею

Меня опять отправили на фронт.
 Орудую моими рычагами...
 Какое счастье: бьём всюду врага
 На танке, с именем: Иосиф Сталин –
 Освобождаем город Сталинград:
 У всех солдат название на устах...
 Замкнём в «котле» мы вражье «Дранг нах Остен»
 Во славу русского народа и страны...
 .....
 Воочию я видел среди войск
 Казанскую икону в центре боя,
 Стоящую на правом берегу,
 Дающую Божественную силу
 Солдатам, генералам на земле,
 Где камни переплавились с металлом,
 Но не сторела русская душа,
 Прошедшая через неверье в Бога...
 .....
 Да ты не видел пленной немчуры –
 Ничтожное вонючее скопление,
 Где воровство и подлость расцвели,
 Коричневыми язвами фашизма.
 Там вся Европа под его пятой,
 Где эта мерзость явно проявилась.
 Когда война ему не задалась –
 Уродство мысли вылезло наружу...
 .....
 У вас, наверно, скоро будет штурм:
 Матросы рвутся в бой несокрушимый,
 Но там, за «неприступною стеной»,
 Приказ дал фюрер: «Русским не сдаваться»!

Сыночек мой, себя побереги,
 Грядут в победе нашей перемены...
 Но дикий зверь в берлоге не добит –
 Тебя благословляю на победу.
 .....
 И вот ещё: кончаю я письмо.
 Сказать, куда меня ещё направят,
 Тебе открыто, сын, я не могу,
 Но скоро сам об этом всё узнаешь.

Письмо тёти Анны Ивану

Мой родный Ваня, знаю, что живой.
 Моё письмо доставят партизаны.
 К вам прилетает ихний самолёт,
 И скоро ты письмо моё получишь.
 Спешу сказать: деревни нашей нет –
 Её сожгли зверюги-полицаи.
 А жителей согнали всех в гумно,
 Закрыли дверь и разом подпалили.
 Всего собрали двести человек –
 С детьми вместе, и никто не выжил...
 Когда огонь поднялся до стрехи,
 Народ разнёс закрытые ворота
 И вырвался из жара прямо в лес,
 Но там вокруг каратели стояли
 И добивали тех, кто убежал,
 А деточки на пули спотыкались...
 Была Мария также среди них,
 Она пришла в деревню по заданью:
 Узнать, когда возможно партизанам
 Атаковать карательный отряд.
 И тут её предатель опознал
 И доложил фашистам о Марии...
 Её схватили, били каждый день,
 Но ничего она не рассказала...
 Карателям последовал приказ
 Враз учинить расправу над людьми:
 Немедля всех спалить, аль расстрелять,
 Пока не защитили партизаны...
 И день, и ночь боялись полицаи,
 Что будет суд! Уже стучится смерть
 В их каждый дом и требует к ответу,
 Кто жёг безвинных тысячи людей.
 .....
 А дети ваши всё ещё в отряде,
 О них забота тёплая вдвойне,
 Не по годам взрослеют малыши,
 Становятся взамен погибшей мамы.

Мой родный Ваня, бей и бей врага
 За нашу Машу, за детей любимых,
 Потом ещё тебе я напишу
 Но вот куда, пока ещё не знаю...

Четвёртое письмо Ивана Андрею

Сынок, вчера от Ани получил
 Нежданное трагичное посланье:
 Каратели село сожгли дотла –
 В его огне погибла наша мама.
 Она была бесстрашной для врагов,
 В отряде партизанском знали это –
 И поручали маме много раз
 Опасные и сложные задания,
 (Кипела жизнь – наперекор войне!)
 Всегда была за Родину в ответе.
 Я плачу, сын, рыданиям нет конца –
 Мы отомстим фашистам по заслугам...
 Сынок, не плачь! Мы маму воскресим
 В сестре и брате – Богом возлюбимых:
 Они страну и нас не подведут, –
 Взвалив на плечи будущее наше.
 На суше и на море бей врага,
 А если жизнь отдашь ты за победу –
 Твой подвиг будет помнить весь народ
 Во имя сокрушения фашизма!

Андрей
 (в полусне)

Забрезжил робко серенький рассвет,
 Поплыли тени в розовом тумане:
 Они всё приближаются ко мне –
 Я вижу молодую нашу маму.

*Разойдитесь, люди добрые,
 Вон идёт раденье-маминька,
 Вон идёт, да солнце-красное,
 Она несёт благословеньице,
 Пресвятую Богородицу –
 На войне от смерти оборонюшка...*

Кричу, кричу – и голос мой дрожит,
 И завывает жутко, как сирена,
 Срывается и падает в окоп,
 И где-то в поднебесье исчезает...
 «Родная мама, ты же умерла –
 В гумне сгорела с жителями вместе...»

«Откуда знаешь, кто тебе сказал?
 Здесь – все твои знакомые соседи:
 Они пришли помочь тебе в бою:
 Воскресли справедливостью Всевышней!
 Мы не умрём! И души будут жить
 Ныне и присно, и вовеки веков»...

Плач деревень, сожжённых фашистами вместе с жителями

При зачатии свету белаго,
 Как созидал Господь землю, небеса,
 Луга зелёные, леса тёмные,
 Реки, моря глубокие,
 Во леса пустил звери лютые,
 В небеса пустил птицы певчие,
 А в моря – киты великие.
 А по белу свету горе великое,
 И явилось горе при пути,
 При дороженьке,
 Стоит горе прикручинившись,
 Припечалившись,
 Глаза позаплаканные –
 Экое горе безобразное...
Остались мы, горе,
Одни единёшеньки,
Одни единёшеньки.
 Имя тебе – смерть нежданная,
 Мать – война тебе, ночь проклятая,
 Налетело на мир чёрным вороном,
 Людям светлые очи повывклевать,
 Чтоб не зреть им, что Господом создано.
 В стае с вороном были каратели –
 Та продажная нечисть фашистская,
 Люты нелюди – прихвостни дьявола...

Остались мы, горе,
Одни единёшеньки
Одни единёшеньки.
 Помним, видим с небес заплаканных,
 Как сгоняли в амбары изверги
 Всех людей, погоняя пулями,
 И детишек, как чистых ангелов.
 Гогоча и рыча по-звериному,
 Забирали у мам растерянных
 И толкали в худые плечики
 В пасть открытых воротниц адовых...
Остались мы, горе,
Одни единёшеньки,
Одни единёшеньки.
 Помним, видим с небес заплаканных:

Нас палили поганцы пьяные
 И клеймили развязно матами,
 Заползали под крыши ветхие,
 Сизо-чёрные дымы смрадные
 И огонь лизал яро брёвнышки –
 Закопилось лебязье облачко.
Остались мы, горе,
Одни одинёшеньки,
Одни одинёшеньки.
 Помним, видим с небес заплаканных,
 Как хвалились зверюги подлые,
 Получая кресты кровавые!
 Им кричали в огне проклятия
 Старики и ребята малые:
 Будьте прокляты ваши злодеяния,
 С ними вместе мы вас проклинаяем
 Навечно! Навечно! Навечно!
Остались мы, горе,
Одни одинёшеньки,
Одни одинёшеньки.
 Помним, видим с небес заплаканных.

Андрей
(мысли перед штурмом)

Сегодня штурм!
 Как тихо под луной!
 Вселенная скукожилась, застыла,
 Лишь блики осветительных ракет
 Глаза ежеминутно ослепляют.
 А море беспокойное шумит,
 Щекочет душу предзнаменованьем,
 Как будто знает, что произойдёт
 И что-то шепчет людям перед бурей...
 .....
 Тепла для сердца Крымская земля.
 Я вспоминаю век Екатерины:
 Бил турок тут бесстрашный Ушаков,
 В сражениях одерживал победы.
 Потёмкин флот российский создавал,
 Построил для России Севастополь.
 Он Крым к России присоединил –
 Навечно земли русские прославил.
 Народ в далёкой древности назвал
 Не Чёрным, а законно Русским морем!
 И надо нам его освободить,
 Очистить от фашистов Севастополь!
 .....
 Уже, – наш славный город впереди,
 Опутанный траншеями и рвами.

И гаубицы, готовые пробить,
 Сокрытое за облаками небо..
 .....
 Ещё чуть-чуть – начнётся первый штурм:
 Обрушатся немецкие окопы,
 Закружит пыльный непроглядный смерч,
 И «чёрной смертью» ринется пехота!
 Вмиг начался нещадный артобстрел,
 И наши пушки разом загудели:
 Земля и небо встали на дыбы,
 И в белом дыме всё перемешалось.
 «Полундра» – окрик врезался в зенит –
 Рванулись из окопа с корешами:
 Скорее до фашистов добежать,
 Вяжаться в рукопашную мгновенно...
 Подмят оборонительный рубеж –
 Второй и третий бьёт из миномётов,
 Опять «Полундра» слышу: надо встать
 И вновь бежать без страха и оглядки...
 Не добежали, снова залегли,
 А дот «палит» как будто бесконечно...
 Приказано ползти к нему в обход –
 Взорвать противотанковой гранатой.
 .....
 Ползём вдвоём, а корешам не встать!
 Фашист их «поливает» огнём...
 Вдруг мой дружок уткнулся головой
 В траву, в момент покрывшую кровью,
 И простонал: «иди, браток, один...».
 .....
 Ползу, ползу, а этот всё стреляет
 До амбразуры метров двадцать пять,
 Ещё немного и – смогу я бросить...
 Чтоб раньше фриц меня не опознал,
 Я снял бушлат! В обычной телогрейке,
 Меня мог немец спутать с бугорком:
 Слился я телом с серою землёю.
 Была одна граната у братка,
 А вот моя – уже готова к бою!
 Как можно ближе надо подползти,
 Чтобы достать проклятого фашиста.
 .....
 Привстану на колени и – метну:
 Расколется громадина на части,
 Заглохнет смертоносный пулемёт,
 Братки мгновенно бросятся в атаку.

Впилась мне пуля в левое плечо:
 Хочу подняться, а рука ослабла,

Я должен смерть друзей остановить
Сейчас, сейчас – во что бы то ни стало:

Подняться в рост – не глядя ни на что,
Рывком метнуть тяжёлую гранату
И подавить ревуший пулемёт!
Ещё чуть-чуть – фашист навек замолкнет.

Раздался взрыв – нависла тишина
И громом покатился клич: «Полундра!»,
Матросы понеслись вперёд, как вихрь...
Вдруг пулемёт внезапно «заработал».

Как молния, пронзила сердце мысль:
А как Матросов смерть свою осилил –
Не побоялся броситься на дзот
А я-то кто? Последний из последних?

За Родину, за Сталина вперёд!..

Услышал громогласное «Ура!»
Рванулись в бой отважные матросы...
Глаз не открыть, весь космос затвердел,
А звёзды грудь нещадно прожигают...

Невольно где-то слышу голоса,
Да образы плывут ко мне в тумане:
Вон: мама, папа, Нина и Петро.
И Богородица,
Как Солнце над Землёю.

Эпилог

Анна

(Ой горе, моё горе)

Из-за лесу, лесу тёмного
Выходила туча грозная,
Туча грозная, непроносная,
Со снегами, со морозами,
Со дождями непогожими,
Как кручина моя кручинушка,
Горе Великое,
Никому моя кручина не известна:
Ни бабушке, ни матушке,
Ни сестре, ни племяннику,
Известна моя кручина только
Сердцу стонущему...
Из-под камушка, из-под белого,

Из-под куста ракитова.
Ни огонь горит, ни смола кипит –
Кипит сердце моё
Не по бабушке, не по матушке,
По племянничку, по родной сестре –
Ой, горе, ой, горе, кручина великая.
Тяжело мне без брата милого,
Без своячников войной сгубленных.

.....
Ночью мне не спалось, много виделось,
Нехорош-то сон привиделся:
Привиделась-то мне мать крута гора.
Будто я хожу по крутой горе,
Будто я гляжу на свою сторону.
– Сторона ль ты моя сторонушка,
Незнакомая, незнакомая!
Не сама-то на тебя зашла,
Занесла-то меня неволюшка –
Война злобная.
Ходят по горе убиенные,
Как живые, бессловесные...
Вижу с горы то,
Что раньше не видела:
Вот далече ли, далече ли
В поле на раздольицу
Что не белая-то берёзонька
К земле клонится,
Не шелковая ковыль-травушка
В поле расстилается,
Она стелется, расстилается,
Полынь, трава горькая,
Што горьчей тебя,
Моя травонька,
Что горьчей во всём поле нет...

Што ни пыль в поле поднимается,
Ни туман с моря качается,
Поднимались с поля гуси-лебеди,
Гуси-лебеди,
Крылья у них белые,
Што один лебедь да йон оставаится,
Оставаится, не поднимается...
Это сердце моё,
Как лебёшка, провожает их
Курлыканием прощальным.

Конец

ПОЭЗИЯ

Юлия АЛЕКСАНДРОВА

ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВА

Юлия Геннадиевна Александрова – родилась в 1965 г. в Москве в семье служащих. По окончании в 1987 г. МГПИ им. В.И. Ленина преподавала английский язык в школе. С 2001 г. Старший преподаватель кафедры английского языка на факультете экономистов-международников Всероссийской академии внешней торговли. С 2011 г. имеет звание доцента. Автор шести сборников лирических стихотворений: «Имя моё...» (2006), «Сретенье» (2007), «Воздушный шар» (2009), «Жизнь-река» (2010), «Крылатая мечта» (2012), «Иду по клавишам судьбы...» (2015), а так же трёх сборников прозы – «Букет ландышей» (2009), «Окно в сад» (2011) и «Дневник» (2015). Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

Хокку. Трёхстишия. Японские по форме. Русские по духу.

Дорога в Суздаль

Облака плывут,
Бегу за ними и я,
Словно за мечтой.

Раскаты грома...
Скоро случится ливень,
Смоет плохое.

Дождик отплакал,
Улыбнулась радуга:
Счастье так близко.

Подмосковье. Дача

Зарос старый пруд,
Стрекоз не видно больше –
Детства мечтаний.

Отцвела сирень,
Зацвёл соперник-жасмин...
Не быть им вместе.

Муравей ползёт,
Тяжёлый груз тащит в дом –
Ноша не тянет.

Лес к себе манит:
Земляника поспела.
Всё быстротечно.

В кронах деревьев
Ветер с солнцем играют –
Чувства видны всем.

Цветы боятся
Попасть в букет. Ромашка –
К влюблённым в руки.

Вот смородина.
Дразнится, как девчонка –
Мимо не пройдёшь.

Слива налилась –
Девушка на выданье:
Просится в руки.

Вишни на ветке:
Рубиновая пара.
Красный – цвет любви.

Теплоходный круиз

Теплоход идёт.
Впереди много шлюзов.
Препятствия ли?

Послышался всплеск –
Солнце упало в реку:
Вода согрелась.

Туман над водой.
Кажется, река курит
Тайно ото всех.

Звёзды

Небо, как ковёр,
Расшитый золотом звёзд.
Чувства высоки.

Звёзды светят всем,
Но видят их не все –
Взгляд устремлён вниз.

Мириады звёзд..
Многие в созвездиях –
В семье веселей.

Звёзды семейные.
Луна одинокая.
Свет от них разный.

Звёзды падают..
Людские желания
Август исполнит.

Камни

Смола омылась.
Волны вынесли янтарь –
Кусочек солнца.

Яхонт... Карбункул..
Красный рубин... Талисман
Взаимной любви.

Яшма цветная,
Словно осенью листья.
Цвет – лекарь души.

Сокровенное

Бабушкин сундук:
Вещи вышли из моды.
Это не важно.

Мамина ваза.
Не ставлю в неё цветы –
Как бы не разбить!..

Папин портсигар
С его сигаретами.
Запах памяти.

Духовное

Пылают свечи,
Лики святых озарив.
Божья Благодать...

Храм весь украшен:
Скоро праздник Рождества.
Чудо случится!

Колокол звонит..
Звон во исцеление.
Вера поможет!

От добра не ищут добра

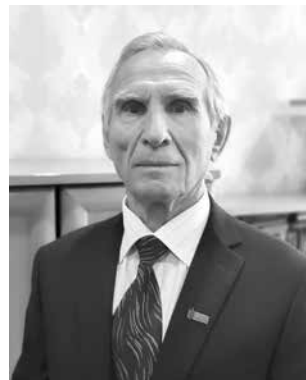
«От плода уст своих человек насыщается добром, и воздаяние человеку – по делам его»

Книга притчей Соломона

И всякий руководитель, будь то директор школы, магазина, ресторана, заведующая детским садом, аптекой, управляющий торговым центром или другой хозяйственник, скажут в один голос: «Большая это удача иметь добросовестного, трудолюбивого дворника, не употребляющего спиртное!».

Именно таким убеждённым трезвенником, не курящим, законопослушным гражданином, праведным православным христианином был Силантий Силантьевич Лукин, сторож-дворник детского сада «Теремок», более известный среди воспитателей и родителей как Сил Силыч. Вся территория дошкольного образовательного учреждения у него летом была тщательно прибрана, а зимой очищена от снега. Всё-то он чистил, подметал, скоблил, и придирчивый глаз завхоза не мог найти даже малой мусоринки в большом дворе «Теремка».

От немногословного Сил Силыча никто не слышал бранных слов и пространных рассказов о его семидесятилетней жизни и уж тем более занимательных историй. Однако мир тесен, и нашлись люди, воевавшие с ним бок о бок в Афганистане и признавшие в бородатом и хромом стороже-дворнике отважного, бесстрашного минёра-подрывника гвардии капитана Лукина, бывшего командира роты сапёров. После осколочного ранения его комиссовали из армии, и в трудные годы горбачёвско-ельцинской разрухи стал боевой офицер сторожем-дворником. Чтобы не умереть с голоду на мизерной пенсии. Пока воин-интернационалист бился с душманами, жена Оксана из комнатухи в малосемейном общежитии, которую занимала семья офицера-афганца, ушла в полногабаритную квартиру другого мужа, успешного регионального менеджера из

Геннадий Григорьевич Гусаченко – родился 10 августа 1942 г. в Новосибирске. Образование: восточное отделение (японский язык) и факультет журналистики Дальневосточного государственного университета. Работал корреспондентом в редакциях газет Приморского края и Новосибирской области, нештатным корреспондентом газет «Гудок» и «Боевая вахта». Член СЖ СССР и России. Публиковался в российских журналах, альманахах, сборниках сказок и др. зданиях. Книги: трилогия «Под крылом ангела-хранителя» (романы «Жизнь-река», «Рыцари морских глубин», «Покаяние»), романы «Долгая дорога в Рай», «Слуги сатаны», «Золото империи», сборники повестей и рассказов: «Тигровый перевал», «Венок Соломона», «Вещий сон», «Судьбы людские», «О море, о моряках», книга тайжных сказок «Почему медведь в тайге хозяин».

Живёт в Бердске.

компании «Юнилевер». Оксана забрала с собой детей: семилетнюю Наташу и трёхлетнего Юру.

Вернулся инвалид в пустую комнату, подобрал на улице щенка-бультерьера, стал жить с собакой. Дети отвыкли от него, отказывались признавать отца – страшного, хромого дядьку с обезображенным осколком лицом. Тогда и отпустил Лукин бороду, чтобы не пугать детей багровым шрамом, но обросший, белый как лунь, поседевший в тридцать лет мужчина в камуфляжной куртке с орденом Красной Звезды на груди, показался им ещё более страшным. И понял отставной капитан, что никому не нужен.

С того дня, как вернулся Лукин в тихий провинциальный сибирский городок на берегу рукотворного моря, прошло более тридцати лет. И дочь, и сын стали взрослыми, окончили высшие учебные заведения. Наталья преподаёт математику в колледже. Юрий работает инженером газопровода на Ямале. Наталья замужем за прокурором. Юрий женат на дочери главного врача горбольницы. У них уже свои дети, внуки Лукина, которых он видел лишь издали.

Наталья однажды сказала ему:

– Не травмируй малышей непотребным видом!

Юрий выразился более конкретно:

– Ты нам не отец, а они тебе не внуки!

Лукин, привыкший хладнокровно и медленно выкручивать из мины взрыватель, подавляя в себе страх, отчего спина покрывалась липким потом, огромным усилием воли подавил слёзы, готовые хлынуть из глаз. Он придавил рукой грудь. Ему казалось, что сыну слышно, как громко бьётся его сердце.

– П-почему, сынок? – с трудом справляясь со спазмами, перехватившими горло, спросил Лукин

– Ты не растил нас... Мы не помним тебя... Ты не нужен нам...

– Так ведь вы сами не хотели видеть меня...

– А... – отмахнулся Юрий... – Чего теперь говорить о пустом? Ваш поезд, Силантий Силантьевич... Так, кажется, вас зовут? Ваш поезд давно ушёл!

Есть люди, которые выплёскивают эмоции наружу с криком и руганью, даже с рукоприкладством. Такие несдержанные индивидуумы редко страдают сердечными заболеваниями. Другие же, напротив, подавляют в себе гнев, отчаяние; известие о несчастье и стрессовые ситуации приводят их в кардиологию, на больничную койку, а то и вовсе сразу на мраморную скамью морга.

Лукин как бывший минёр, самолично обезвредивший сотни сложных взрывных устройств, спасший многие жизни, естественно, относился ко второй категории, к инфарктникам. После всего нескольких жестоких слов сына его привезли в реанимацию клинической больницы. И когда врачи в буквальном смысле вытащили пожилого пациента с того света, вырвали из цепких когтей смерти, старый и тоже убелённый сединой кардиолог спросил:

– Что так расстроило вас, батенька? Вам нельзя волноваться. Вы, батенька, чуть было не сыграли в ящик. Лежите, лежите... До поры, до времени, батенька, вам противопоказано вставать.

И Лукин, опять же, сдержанно рассказал о встрече с сыном, о тех обидных словах, из-за которых лишился чувств у калитки детского сада «Теремок», куда Юрий водил сынишку Павлика, внука Лукина.

– М-да-да... – покачал головой врач. – Дал бы ему по морде и не лежал бы сейчас на больничной койке... Сердцу разрядка нужна, чтобы не поднималось артериальное давление.

– Как можно, доктор? Ведь сын... Кровинка родная...
 – Если хотите жить – плюньте на эти слова и разотрите.
 – Вы спасли меня, а зачем? Я не хочу жить... Какой смысл? Была возможность легко уйти в небытие... Эх, доктор... Я не знаю, зачем живу...
 – Жить, батенька, надо, даже если не знаешь, что ответить на вопрос: «Зачем?» Жизнь Богом дана человеку, и если ты всё ещё жив, значит, так угодно Ему. Нужен ты на земле для доброго дела...
 – Вы говорите как священник...
 – Все мы рано или поздно приходим к Нему... Тот же, кто от чистого сердца и всей душой не только сам возлюбил Бога и проникся верой в Него, но и привёл к Господу заблудшего человека, потерянного в мирской суете бытия, не зря прожил на этом свете. В этом и есть смысл нашего временного пребывания на земле.

Одному Богу ведомо, почему участник войны в Афганистане стал истинным верующим в Господа, в Христа-Спасителя, в Пресвятую Богородицу, постоянным прихожанином в храм Преображения Господня, где с молитвою на устах зажигал восковые свечи, осеняя себя крестным знаменем. Праведник Лукин свято соблюдал пост и заповеди Христовы, находил успокоение в чтении Библии. Благообразного старца охотно приняли на работу сторожем-дворником в детский сад «Теремок», где Лукин имел надежду каждый день видеть внука Павлика. Но сын вскоре забрал ребёнка и перевёл малыша в другой детсад.

Вечерами, закончив уборку, прислонив метлу к забору, бывший минёр отдыхал на детской площадке, любуясь чужими детьми, ожидающими родителей. «Кем-то они вырастут, – думал Сил Силыч, – а главное, какими... У всех людей разные судьбы... И всем с рождения предопределены Господом праведные пути... Но не все следуют по ним... Сворачивают на нечестивые дороги, приближающиеся, как им кажется, к богатству, к власти и славе... Наивные глупцы...»

О Лукине можно долго вести неторопливую и душевную беседу, но читатель, возможно, с огорчением воспримет уведомление, что речь в рассказе совсем не о Сил Силыче, а совершенно о другом человеке, прежде «заблудшем и потерянном в мирской суете бытия».

Звали его Колобродин. Когда, кто и почему так прозвал неопрятного мужчину, небритого, с растрёпанными волосами, в рваной одежде, в дырявых резиновых сапогах, не скажет никто. Не знал этого и сам носитель не то прозвища, не то фамилии. Да и зачем человеку без определённых занятий, без определённого места жительства, бомжу, то есть, имя, отчество и фамилия. Чёрт лысый, козёл безрогий, горшок печной или Колобродин – какая разница?! Колобродин так Колобродин...

Летом бродяга ночевал на лавках в городском парке, подложив под голову подобранную на мусорной свалке коробку, протоптанный валенок, мешок, набитый тряпьем. Зимой околачивался в тёплых подъездах старых домов, из-за бедности жильцов не оборудованных дверями с домофонами и кодовыми замками... На городской свалке полно сносной одежды и обуви, выброшенной её бывшими хозяевами из-за ненадобности. Колобродин мог бы подобрать себе приличные брюки, рубашку, пиджак, ботинки, но тогда, не признавая в нём бомжа, люди приставали бы с расспросами: почему, отчего, да как? Не просто было бы лежать на скамейке в парке, на лавке в электричке, где попросили бы встать, а полицейские потребовали бы предъявить документы, стали бы интересоваться, кто такой, откуда, сочли бы за пьяницу, увезли бы

в медвытрезвитель. А так бомж он и есть бомж. Всяк кинет на него беглый взгляд, поморщится, зажав нос, и обойдёт стороной. Питался Колобродин тоже с помойки. Доедал огрызки хлеба, допивал остатки молока, кефира, сметаны в «тетрапаках». Иногда, после праздников или чьих-то торжеств, в отбросах попадались недоеденные торты, салаты в коробках, даже фрукты. Ещё и на водку каждый день добывал деньги. Вечерами, побродив по мусорным бакам, набирал мешок бутылок, мыл в речке, потом относил в пункт приёма стеклопосуды. Сдавал, брал деньги и спешил в магазин. Покупал бутылку самой дешёвой водки, с бульканьем выпивал из горла и заваливался спать на траву или на скамью возле подъезда какого-нибудь дома. Рано утром дворничиха, огрев метлой, сгоняла со скамьи и, подкрепившись объедками из мусорного контейнера, Колобродин, заслышав призывной колокольный звон, брёл к храму Преображения Господня, усаживался возле ворот с шапкой, неустанно крестясь и бормоча: «Подайте, Христа ради, на пропитание».

Крестился не потому, что верил в Бога, а потому, что так делают все попрошайки, а сердобольные прихожане дают милостыню, ибо сказано в Книге притчей Соломоновых, в главе двадцать восьмой, стих двадцать семь: «Давший нищему не обеднеет, а кто закрывает глаза свои от него, на том много проклятий».

Мы не знаем, кем был Колобродин до того, как стал бомжем. Некоторые люди говорили, что якобы жил он в большой трёхкомнатной квартире сталинской постройки, полногабаритной, с высокими потолками, с просторной прихожей, но чёрные риэлторы вычислили одинокого мужчину, имеющего пристрастие к выпивке, напоили каким-то зельем. Ничего не соображая, тот поставил подписи в справках на продажу своей квартиры, очнулся на пустыре, на окраине незнакомого городка. Так ли всё было, не смеем утверждать, но достоверно другое: чудесное преображение падшего человека в храме Преображения Господня. Здесь и начинается поучительная история о Колобродине, о человеке, милостью Божией начавшем делать добро людям без корыстных побуждений к тому.

В солнечное апрельское утро Пасхи, под радостно-переливчатый звон церковных колоколов прихватил Колобродин подмышку найденный на свалке костыль и бегом припустился к храму, торопясь занять место у ворот. Не доходя до собора, заковылял, опираясь на костыль. После небольшой потасовки с оборванцами и перебранки со старухами-пройдохами, уселся на проталину, бросил на землю драную шапку с медяками, выставил напоказ босые, обмотанные грязными тряпками ноги, должны вызвать жалость у мирян.

К собственным копейкам в шапке ещё не прибавилось ни одной монетки, когда к Колобродину, прихрамывая, подошёл пожилой человек с орденом Красной Звезды на камуфляжной куртке, с бультерьером в наморднике и на коротком поводке. Сквозь седую бороду на щеке незнакомца багровел глубокий рваный шрам, прищуренные глаза его выражали сострадание и сочувствие к низко опустившемуся человеку с костылём.

– Подайте, Христа ради, на лечение и пропитание, – пропитым, сиплым голосом затянул своё привычное Колобродин.

Видя, что пришелец не намерен одарить ни крашеным яйцом, ни рублём, грубо потребовал:

– Слышь, старик... Валил бы ты отсюда подобру-поздорову вместе со своей злоющей животиной. Всю клиентуру своими безобразными рылами распугаете.

Человек со шрамом, несмотря на недоброжелательный тон «божьего человека», продолжал стоять, пристально глядя на Колобродина. Тот нетерпеливо заелозил по грязной земле, смутившись, боязливо подобрал под себя ноги, громко заканючил:

– Люди-и добрыя-а!.. Помогитя-я! Спаситя-я! Сожрёт меня страшная собачина-людоед! Я больной, инвалид...

Сидящие рядом бомжи-попрошайки, видевшие в Колобродине конкурента в подавниках, рассмеялись. Они были бы рады избавиться от наглеца, занявшего доходное место у самых ворот.

– Тебя, больного, оглоблей не перешибить... Инвалид! За водкой впереди всех без костыля бежишь! – хохотали они.

– Ой, собака-людоед! Ой, спаситя-я! – продолжал выть Колобродин, стараясь обратить на себя внимание прихожан, спешащих на молитву в храм.

– Не кричи... Эта собака добрее мухи, которая кусается, а этот пёс совсем безобидный, – сказал человек в камуфляжной куртке и с орденом.

– Морда у него страшная... Того и гляди порвёт...

– Моя не лучше... Так, что, я тоже порвать могу? И на себя глядеть ты давно отвык... А надо бы... Может, тебя надо бояться... А собака эта добрее другого...

– Ну, да... Добрее... Чего же тогда в наморднике и на поводке водишь? – недоверчиво косясь на бультерьера, спросил Колобродин.

– Так положено... Чтобы люди его не покусали... Вот он ничего дурного тебе не сделал, а ты уже покусал его и меня дурными словами... Несчастное, ласковое животное, доверчивое к людям, за свой свирепый вид должно испытывать к себе ничем не оправданную неприязнь.

– Ну, да... Ласковое животное... Таскаешь его за собой для охраны... С таким охранником никто не тронет.

– Не таскаю, а веду на прогулку... Я всю ночь на молебне был в храме, собака истерпелась... Не он меня охраняет, а я его... От злых и боязливых людей. А кто ждёт зла от других, тот и сам готов причинить зло. На поводке вожу, чтобы не убежал. Пропадёт сразу. Беззащитный он. Забьют его несведущие люди.

– Добрый, говоришь? Ну, это как воспитаешь...

– Нет... Бультерьеры от природы такие безобидные... Очень добры к людям... Кошки, крысы, кролики, куры, этих правда, шерстит азартно... Любит подражаться с крупной собакой, но и то, если она первой выражает агрессию.

– Зачем он тебе, если от него никакой пользы?

– Он очень забавный. Может вытащить плавающее бревно из воды. Висит колбасой, уцепившись за верёвку зубами. Челюсти у него мощные. Зимой приятно ставить на него ноги, сидя в кресле у телевизора. Любит играть с детьми, отбирает у них мячи. Ему нравится, когда они катаются на нём. А какая от тебя польза? Один лишь вред. Грязь вокруг тебя, вонь, смрад... Ты абсолютное ничтожество. Даже земляной червь рыхлит землю. Насекомыми питаются птицы. А ты? С кем или, правильнее сказать, с чем сравнить тебя? С навозом? Нет! Он удобряет почву. Никчёмный ты паразит. Вошь и больше ничего! Коптишь белый свет. Иди работай! Цветы на газонах сажай, улицу мети! Здоровый бык! Инвалидом прикидываешься, срамотник!

Колобродина избегали все, боясь испачкаться. Может, впервые в жизни услышал он правду о себе. Часто, сидя у церковной ограды, наслышался библейских фраз и парировал словами:

– Всяк имеет право жить. Так Богу угодно.

– Но всяк не должен жить нечестиво и без веры в Него, что есть мерзость и неуютно Ему. Крестясь от имени Бога одной рукой, другой лживо обираешь мирян. И крестишься не из веры, а из корысти. Не быть тебе в Раю.

– Рассказывай сказки. Бог есть? Ты видел его?

– Он в каждом из нас. Ты видел радиоволну? А она здесь. Миллионы голосов в эфире по сотовым телефонам звучат. Ты слышишь их? Вот так в каждом человеке Святой Дух Его. Всё знает, что в душе твоей. Праведно и чисто или нечестиво и грязно. И все самые сокровенные мысли человека известны Богу.

– Что же мне теперь делать, папаша? Ты с орденом. Пенсию хорошую огребаешь, а я копейки на хлеб клянчу.

– Не ври! Не на хлеб клянчишь, а на водку. В сынки мне не набивайся. И пенсия моя грошовая. Да только на паперти не сижу, инвалидностью не спекулирую. Было мне сегодня в страстную ночь повеление Господне. Смотри мне в глаза, тунеядец! Отныне и до последних дней своих твори добро людям. Без корысти. Не жди за то ни вознаграждения, ни благодарности, ибо, сделав добро, не ищут добра за сделанное. И проникнись верой в Бога Всемоущего. Обретёшь любовь у Него и у всех живущих на земле. И как уйдёшь в мир иной, распахнутся пред тобой светлые врата лучезарного Рая и впустят облегчённую от грехов душу твою. Сказать тебе благие слова надумил меня Господь. Да будет так.

– Кто ты? – тихо, робким голосом спросил Колобродин, незаметно для себя оглаживая бультерьера, с интересом обнюхивавшего человека с таким широким ассортиментом разных запахов.

– Сторож-дворник я в детском саду «Теремок». Сил Силычем зовут. Заходи, когда... Поговорим...

Хромой бородач увёл бультерьера, а Колобродина вдруг стало нестерпимо стыдно своей ложной хромоты. К немалому удивлению церковных попрошайек он переломил костыль через колено, отшвырнул обломки и высыпал из шапки монеты в жестянку беззубой старухи, вымогающей деньги у прохожих.

– Твори добро, тогда врата рая распахнутся и впустят облегчённую от грехов душу твою, – разматывая тряпки на здоровых ногах и обуваясь в дырявые сапоги, бормотал Колобродин. – Как знать, кому творить добро?

Он с негодованием пнул шапку и поплёлся, сам не зная, куда, хотя Богу, живущему в каждом из нас, уже было известно о перерождении души заблудшего Колобродина, о его намерении сотворить добро, и Он привёл его на шумный пешеходный переход бойкой улицы. Народу и автомобилей в праздничный день Пасхи было полно, и многие горожане торопились за столы отведать освящённые в храме кагоры и куличи. Пешеходы спешили перебежать дорогу перед стоящими у красного светофора автомобилями, водители последних, лишь загорался зелёный сигнал, нетерпеливо рвали машины с места, и только одна согбенная бабуся с палочкой, в тёмных очках и с котомкой не решалась ступить на проезжую часть.

«Сотвори добро... Проведу старушку через дорогу... Просто так... Ничего мне от неё не надо... Плохо видит она...» – подумал Колобродин, чувствуя на сердце приятную теплоту. Почему вдруг решил оказать помощь бабушке перейти улицу? На этот вопрос, не задумываясь, ответит любой здравый и добрый человек, но Колобродин лишь пожал бы плечами недоумённо.

– Пойдёмте, бабуля... Не бойтесь... Вот так... Давайте вашу корзиночку, я понесу её. Не украду. Я никогда ни у кого ничего не крал, – бережно беря старушку под руку, приговаривал Колобродин.

– Нечего у меня красть... В корзинке кулич, бутылка кагора и десяток яиц... В храм ходила освятить, – мелко-мелко перебирая ногами, засеменила старушка.

– Вы где живёте? Давайте, провожу вас до дому... Мне всё равно делать нечего и некуда идти, – предложил Колобродин, ощущая в душе удовлетворение от оказанной помощи. «Твори добро... До последних дней своих... Твори добро», – билась в сознании мысль.

– И-и... милоч... Не откажусь... По лестнице больно тяжело подниматься на пятый этаж... Лифт не работает у нас... Обещают починить... А Господь сподобил восемьдесят восемь лет жить. Пора на покой. Пойдём ко мне. Праздник, ведь сегодня большой. Чаем с мёдом, с вареньем клубничным угощу. И водочки налью. Вижу, добрый ты человек.

– Нет, нет! Никакой водочки! – неожиданно для себя наотрез отказался Колобродин от выпивки.

Бабушка сняла солнцезащитные очки. К удивлению Колобродина, видела она хорошо. Внимательно посмотрела на своего провожатого, головой покачала.

– Много ты лиха хлебнул и бед натерпелся, милоч. С виду грязный, а изнутри чистый. Но грязь легко смыть с тела горячей водой с мылом. Трудно душу очистить от скверны. Ступай, милоч, в душ. Полотенце, мыло, шампунь найдёшь в ванной. Кисточка для бритья и станок для бритья с лезвиями под зеркалом. Сынок у меня был, Петенька. В Афганистане погиб. Давно это было. До армии не женился. Детей не оставил, а потому и внуков нет у меня. Все слезинки выплакала много лет назад. Муж запил с горя и умер. Одна живу. Никого нет у меня. Одежду Петеньки как память берегла. Сейчас принесу. Бельё, рубашку его, брюки, носки, туфли новые. Побреешься, помоешься и переоденешься. Ты с ним, с Петенькой моим, одного роста. И годков нынче ему столько же, сколько тебе. Постричься надо. Завтра в парикмахерскую пойдёшь. Жить здесь будешь.

После душа чистый, побритый, причёсанный, переодетый в одежду Петеньки, пахнувший туалетной водой и кремом после бритья, Колобродин глянул на себя в зеркало и не узнал того бомжа, который час назад вошёл в ванную комнату. Приятной наружности мужчина с голубыми, ясными глазами, в белой, тщательно выглаженной сорочке предстал перед ним. Он не узнал себя. Это был не Колобродин. Это был совсем другой человек. Серьёзный, приличный на вид.

– Ну, вот... Сынка моего Петеньку напоминаешь. Садись за стол. Кулич будем кушать, яйца крашеные, вино пить, чай с мёдом душистым. Меня Авдотьей Павловной зовут. Как тебя звать, величать, милоч?

– Колобродин, – привычно назвал он себя.

– Это фамилия... Ну, а по имени-то как, по батюшке?

– Кажись, в молодости Петром называли...

Старушка обрадовано руками всплеснула:

– Слава, Господи! Как Петеньку моего! Ах, ты, Боже мой! Вот радость мне на старости лет! Один мыкаешься? Ни кола, ни двора? Ни жены, ни детей? Печально... Живи у меня и будь за сына мне... А я всё думаю: на кого квартиру оставить? Кот Потапыч у меня... Жаль его. Помру, кто присмотрит за ним? Тебя мне сам Бог послал! Квартиру на тебя перепису. И сбережения свои... Подкопила денжат на похороны... Ты, Петенька, дай слово, что упокоишь

меня рядом с сыночком любимым, с мужем дорогим... Съездим завтра на городское кладбище, я могилки их укажу.

– Даю слово, Авдотья Павловна, – растроганно, со слезами на глазах, пообещал Колобродин.

– Я теперь тебе не Авдотья Павловна, а маманя... А ты сынок мой Петенька... Договорились?

– Договорились... маманя...

– Вот и славно.

– Не получится квартиру на меня оформить...

– Это почему?

– У меня и документов нет... Без паспорта я... Всё проклятые риэлторы-мошенники уничтожили.

– У моего Петеньки боевые друзья остались. Воевали вместе. Двое из них полковниками стали, а один даже генерал. Чтут память сержанта Лебедева. Жизнью ему обязаны. Петенька прикрывал отход роты от наступавших душманов. Не забывают и мать его. На пенсии они, но помогут мне. Наведут нужные справки и риэлтеров твоих возьмут под белы ручки. Новый паспорт получишь, Петенька! А сейчас ступай, сыночек, в кроватку спать-почивать. Утром обо всём поговорим.

Авдотья Павловна скоро ушла в мир иной.

Колобродин, как и обещал, с отпеванием в церкви предал земле брненное тело Авдотьи Павловны рядом с могилами её сына и мужа, устроил поминки, на которые собралось много людей, хорошо знавших покойную как доброжелательную, праведную женщину.

Колобродин, настоящая фамилия которого, как выяснилось, была Савельев, стал полноправным хозяином «трёшки» в кирпичной девятиэтажке. Генерал в отставке Смирнов, друг героически погибшего Петра Лебедева, добился возбуждения уголовного дела о мошенничестве «чёрных» риэлторов. Суд вернул Савельеву «сталинку», которую он продал, находясь в невменяемом состоянии. Вырученные деньги Савельев пожертвовал храму Преображения Господня. У ворот этого белокаменного собора свершилось чудодейственное преобразование души горемычного бомжа-выпивохи и бездельника Колобродина в добропорядочного христианина Петра Ивановича Савельева, глубоко верующего прихожанина спасшего его храма. Вместе с паспортом ему восстановили утерянные водительские права. И теперь за рулём маршрутного такси можно встретить шофёра с ясными, честными глазами, с аккуратно подстриженной бородой, учтиво спрашивающего пассажиров об остановке. Маленькие иконы Христа-Спасителя, Божьей Матери, Николая Чудотворца всегда рядом с ним, на приборной панели «Газели».

«Ну, с Богом, поехали! – говорит он при отправлении в рейс, а по прибытии непременно скажет: – Ну, слава Богу, приехали!»

И, не стесняясь, перекрестится при этих словах.

Однажды, по прошествии трёх лет, с благодарностью вспомнив своего благодетеля, Пётр Савельев подъехал к детскому саду «Теремок» на своей личной «Ниве», осведомился:

– Работает у вас сторож-дворник Сил Силыч?

– Умер наш Сил Силыч прошлой весной. Царство ему Небесное! – ответила женщина завхоз и утёрла слезу. – Хороший был человек. Сделает, бывало, доброе дело, но не ждёт благодарности. «От добра не ищут добра», – говорил Сил Силыч.

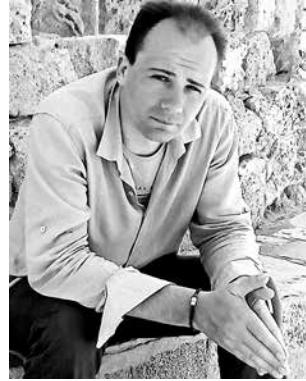

ПОЭЗИЯ

Дмитрий Михайлович Милов – родился в с. Орудьево Дмитровского района Московской области 8 июля 1983 г. Образование – высшее юридическое. Поэт. Член Союза писателей России. В 2009 г. вышел первый сборник стихов «Между двумя», в 2014 г. – сборник стихов «Над временем», в 2017 г. – сборник стихов «Парадигма». Публиковался в газетах «Московский литератор», «Дмитровский вестник», журналах «Студенческий меридиан», «Огонёк», «Смена», «Дмитровский вестник», «Северная жемчужина». Имеет несколько общественных наград, лауреат литературных конкурсов и премий. В настоящее время работает над четвёртым сборником стихов.

Живёт в Дмитрове.

Дмитрий МИЛОВ

«Манна твоих небес...»

Январь

Ляжет передо мной
Белая простыня января.
Всё, что сочтешь виной,
Я не скажу, что зря...

Выдохнувший эфир,
Лес вдалеке воскрес,
За ночь укроет мир
Манна твоих небес.

Ночь без прелюдий, лжи,
Съела мой дом с торца.
Можно прожить, скажи,
И не узнать отца?

Как мотыльки крупа
Бьётся в простой фонарь.
Целую жизнь не спал,
Всматривался в январь...

***

Посвящается Ю.Б.

Здесь любви как частицы не было.
Всё вам врут из лубка святые.
Обнажают ключицы вешала,
Деревянные и пустые...

Облетает пальто осеннее,
Добавляя утрат в строфу.
Может, это и есть спасение –
Отлежаться ничком в шкафу.

Еле слышать кованье молота,
От которого парк дрожит,
Превращая всё в ворох золота,
Не растраченного за жизнь...

Ржев

Ствол, где видна каверна,
Рад, что не заворонел.
Что означает: «Всё верно!» –
На языке мёртвых тел...

ПАМЯТЬ

Евгения ПОЛЯКОВА

В.С. Гризодубова – женщина-легенда

Валентина Степановна Гризодубова – личность уникальная. Легендарная лётчица, первая женщина, удостоенная звания Героя Советского Союза, единственная женщина, имеющая также звание Героя Социалистического труда.

Она родилась в Харькове в 1909 году в семье авиаконструктора и изобретателя Степана Васильевича Гризодубова. В 1908 году в кинотеатре он впервые увидел фильм о полёте братьев Райт и заболел мечтой о небе. Степан выкупил у кинемеханика несколько кадров с изображением самолёта и по ним начал строить свою машину.

В семье Гризодубовых всё было подчинено мечте отца: спроектировать свой аэроплан и подняться на нём в небо. Жена Степана Васильевича Надежда Андреевна была модисткой. Всё, что зарабатывал Степан Васильевич и добывала шитьём его жена, шло на приобретение материалов для аэроплана. Надежда Андреевна самостоятельно обшила перкалем (плотным хлопком) крылья аэроплана. Первые две модели просто не взлетели, третья пролетела несколько сотен метров. В своей четвёртой модели Степан Гризодубов был настолько уверен, что взял с собой в полёт двухлетнюю дочь Валю, привязав её у себя за спиной. Так начался путь в небо будущей лётчицы.

Степан сутками пропадал в ангаре и на аэродроме, а дочь всё время была рядом, получая знания о самолётостроении из первых рук. В четырнадцать лет она подняла в воздух свой первый самолёт.

В 1927 году участвовала в слёте авиаторов в Коктебеле. Валентина ездила туда с отцом, в то время председателем секции планеризма Украины. Там она познакомилась с Сергеем Королёвым. Он тоже участвовал в планерных состязаниях. Вспоминала: «Он за мной приударял. А был в молодости красавцем и думал, что ему всё позволено. Ну и отведал моей руки. Может быть, поэтому уже в тридцатых годах выступал против

Евгения Васильевна Полякова – родилась в Москве. В 1982 г. окончила МГПИИЯ им. М. Тореза. Работала переводчиком, преподавателем. Замужем, имеет двух дочерей. Живёт в Москве.

моего приёма в ОСОВИАХИМ. “Баб нам не нужно!”» Эта встреча потом станет судьбоносной для Королёва.

Поразительно, но не меньшие успехи Валентина показывала в музыке. После окончания музыкальной школы она поступила в Консерваторию по классу рояля, где занималась у ведущих педагогов, и одновременно училась в Харьковском технологическом институте. Всю жизнь Валентина Степановна прекрасно играла на фортепьяно. Но желание летать победило всё. В 1928 году в Харькове открылась первая школа пилотов гражданской авиации. Гризодубова окончила годичный курс аэроклуба за три месяца, затем поступила в Первую Тульскую спортивную школу ОСОВИАХИМа, затем в Пензенскую школу лётчиков-инструкторов. После её окончания Валентина уже сама ставила на крыло группу из 86 будущих лётчиков. Ей тогда шёл всего 21-й год!

Валентина Степановна Гризодубова

Имя «Валентина» означает «здоровая, полная жизненных сил». Гризодубова как ракета стремительно выходила на свою, рассчитанную судьбой орбиту. Преодолевала любое сопротивление: силы тяжести, обстоятельств, социальных стереотипов. Делать то, что никому не по силам, стало её кредо.

В 1934–1935 годах Валентина Степановна была лётчиком агитэскадрильи им. Горького, базирующейся на Центральном аэродроме в Москве. В задачу эскадрильи входила популяризация авиаспорта среди молодёжи СССР. Гризодубова облетела почти всю страну на различных типах самолётов того времени. В результате этих агитационных полётов авиаспорт стал необычайно популярен. Тысячи молодых людей пошли в планерные школы. Многие из них во время Великой Отечественной войны стали прославленными ассами.

В октябре 1937 года Валентина установила 5 мировых рекордов для женщин на легкомоторных самолётах по высоте, скорости и дальности полётов. Её главной целью, её страстью была авиация родной страны, которая должна была быть самой передовой, лучшей в мире. В те годы мировой рекорд по дальности полёта среди мужчин принадлежал экипажу под командованием Михаила Громова (10 148 км), а мировой женский рекорд по дальности полёта на тяжёлом самолёте был у французской лётчицы Дюпейрон (4360 км). В 1938 Валентина Гризодубова задумала установить новый рекорд по дальности полёта среди женщин. Бесстрашная лётчица предложила маршрут через Северный полюс, такой же, каким летели Громов-Юмашев-Данилин. Но в результате было решено лететь над территорией Советского Союза на Дальний Восток. Штурманом она пригласила Марину Раскову, а вторым пилотом – Полину Осипенко.

24–25 сентября 1938 г. на самолёте АНТ-37 «Родина» советские лётчицы установили женский мировой рекорд дальности полёта. За 26 часов

29 минут беспосадочного перелёта экипаж покрыл расстояние в 6450 км, перекрыв мировой рекорд более чем на 2000 км. За выполнение этого перелёта и проявленные при этом мужество и героизм всем членам экипажа было присвоено звание Героя Советского Союза. Награждение шло в порядке субординации. Таким образом, командир «Родины» Валентина Гризодубова стала первой женщиной – обладательницей этого гордого звания.

Можно ли вычислить формулу подвига? Вряд ли. А вот формула лидерства существует: это 80% психологического настроя и 20% технической подготовки. В.С. Гризодубова была прирождённым лидером, всегда ставила перед собой очень высокие, фантастические цели. Невозможно – это пока кто-нибудь не сделает.

Валентина Степановна отнюдь не была сухим технарём. Посмотрите на эти лучистые, умные глаза, на тонкую улыбку.

Она умела и могла выглядеть очень женственно, одевалась с большим вкусом. Её мужем стал Виктор Соколов, блестящий лётчик-испытатель, командир полка Головного лётно-испытательного центра ВВС. В 1936 году в этом «небесном браке» родился сын, названный Валерием в честь Чкалова. Дома его звали Соколиком. Это были годы, когда Валентина Степановна была на гребне славы, и, конечно, она не могла уделять сыну достаточно внимания. На помощь приехала из Харькова мать Гризодубовой. К сожалению, это привело к разрушению семьи. Надежда Андреевна позволяла себе критические замечания в адрес зятя: «Моя дочь – Герой Советского Союза, а ты?». В результате брак распался. Валентина Степановна больше не вышла замуж, хотя вокруг неё всегда было много блестящих мужчин. Судьба сына тоже сложилась несчастливо. У него оказалось слабое здоровье, он умер в 50 лет. Валентина Степановна пережила его на 34 года.

В 1937–1946 гг. Валентина Степановна была депутатом Верховного Совета СССР. И в эту свою работу она вкладывала всю душу. Гризодубова получала

тысячи писем со всей страны и никому не отказывала в помощи. На конвертах указывали просто: «Москва, Кремль, Гризодубовой». В её архиве сохранилась тетрадь с 4500 фамилий людей, спасённых ею от репрессий, несправедливых решений и самодурства. В их числе и С.П. Королёв, которого она вместе с М.М. Грозовым помогла вызволить из лагеря и перевести в «Туполевскую шарашку», конструкторское бюро под руководством А.Н. Туполева, где он конструировал новейшие бомбардировщики.

В апреле 1969 года, уже после смерти С.П. Королёва, его мать написала Валентине Степановне письмо, в котором благодарила за спасение своего сына. «Если бы не Вы, кто знает, какой День космонавтики мы бы праздновали сегодня?»

В 1939 г. Валентину Степановну назначили начальником Управления международных воздушных линий СССР. Под её руководством начались первые международные полёты.

Через два года, с первых дней войны, на этих же самолётах и с этими же лётчиками Гризодубова совершила первый боевой вылет. Они были задействованы в дивизии особого назначения по выброске десантов в глубокий тыл противника. А в 1942 году, когда в Красной Армии появилась авиация дальнего действия, Валентина Степановна обратилась к И.В. Сталину с предложением сформировать полк тяжёлых бомбардировщиков на базе мирного транспортного самолёта Ли-2. Она была не только единственной женщиной, летавшей в этом полку дальней авиации. Она создала этот мужской полк, состоявший из бывших гражданских лётчиков, и командовала им почти всю войну. Гитлер объявил награду за её голову в 50 000 немецких марок. На счету полковника Гризодубовой около 200 боевых вылетов (в том числе 132 – ночных) на самолёте Ли-2 на бомбардировку вражеских объектов и для доставки военных грузов партизанам.

В начале девяностых годов один корреспондент задал Валентине Степановне такой вопрос:

– Почему вы согласились командовать мужским авиаполком, а не сформировали по примеру Расковой женский?

– Я не согласилась, а настояла на том, чтобы меня назначили командовать мужиками. Если честно, генерала хотела получить. И не только, чтобы удовлетворить собственное тщеславие. Славы у меня предостаточно было, есть и будет. А генералов баб в армии как не было раньше, так и теперь нет. Хотя все талдычат: женщины у нас равны с мужчинами. Ни хрена они не равны. Во время войны женщин офицеров воевало почти миллион человек. И ни одного генерала никто не получил. Если бы я создала прецедент, всё пошло бы по-иному. А неравенство я на своей шкуре испытала...

Из трёх участниц знаменитого полёта на Дальний Восток к концу войны в живых осталась одна Валентина Степановна. Полина Осипенко погибла в 1939 году в авиакатастрофе. Марина Раскова погибла в 1943 году. А Гризодубовой суждено было прожить долгую жизнь и сделать ещё очень много для развития авиации.

С 1946 по 1963 гг. В.С. Гризодубова была заместителем начальника НИИ-17 по лётной части. Она лично принимала участие в полётах по испытанию и доводке разрабатываемого в НИИ-17 радиолокационного оборудования.

В 1986 году за вклад в создание бортовых радиоэлектронных комплексов и систем В.С. Гризодубовой было присвоено звание Героя Социалистического труда.

В.С. Гризодубова скончалась 28 апреля 1993 года в Москве в возрасте 84 лет. На Кутузовском проспекте перед НИИ-17 (в настоящее время Концерн «Вега») ей поставлен памятник, а на доме, в котором она жила, установлена мемориальная доска.

Имя лётчицы носят улицы в Москве, Екатеринбурге, Новосибирске, Ставрополе, Смоленске, Владивостоке, Жуковском, других городах России, а также в Донецке (Украина) и Алма-Ате (Казахстан).

Такие люди, как В.С. Гризодубова, раздвигают наше представление о человеческих возможностях. Валентина Степановна всю жизнь последовательно опрокидывала стереотипы в умах людей. Преодолевала сопротивление материи, жестокость и бесчеловечность своего времени, жёсткие рамки гендерных ограничений. Она доказала, что человек может сочетать в себе, казалось бы, несочетаемые вещи: прекрасное знание техники и любовь к музыке, бесстрашие и точный расчёт, любовь к Родине и ненависть к её чинушам и бюрократам, презрение к трудностям и внимание к нуждам других людей.

Годы строительства молодого советского государства во многом напоминают эпоху Возрождения, только в гораздо более сжатом варианте, спрессованном до нескольких десятилетий. Гризодубова сопоставима с титанами эпохи Возрождения, которые своими достижениями двинули человечество вперёд. «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью, / Преодолеть пространство и простор...» Личности такого масштаба ещё долго служат маяками для последующих поколений, освещают им путь.

ПОЭЗИЯ

Надежда ОХРИМЕНКО

Надежда Николаевна Охрименко – член Союза писателей России и Союза журналистов России, член Международного Союза славянских журналистов, член Академии российской литературы. Окончила МВТУ им. Н.Э. Баумана и народный университет рабочих корреспондентов им. М.И. Ульяновой. Автор пяти поэтических сборников: «Парус сердца», «Радуга надежд», «Живая душа», «Синие сны», «Сполохи рассвета». Награждена дипломом 1-ой степени и медалью «России верные сыны», памятным знаком «300 лет российской журналистике», памятными литературными медалями: «А.С. Грибоедов», «А.П. Чехов», «М.Ю. Лермонтов», орденом «В.В. Маяковский «Светить всегда» и др. общественными наградами. Шестикратный дипломант конкурса МПО «Галерея избранного стихотворения».

Живёт в Москве.

«Только б о России мне замолвить Слово...»

Сергей Есенин

К 125-летию великого русского поэта С.А. Есенина

Жухлый лист хрустит
под моей ногой.
С головой шальной –
под ночной звездой –
Счастлив так сейчас,
что счастливей... нет
В этот ранний час
в двадцать с лишним лет!

Колдовские здесь
тишина, покой.
Одурманенный
я иду домой
От зазнобушки,
от своей любви,
А в головушке –
свищут соловьи.
Так свистят они,
что душа поёт!
Рвётся душенька
к соловьям, в полёт.

Чтоб на волюшке
 вместе с ними петь,
 Свою долюшку
 на Земле воспеть.
 И пускай хрустит
 под ногою лист,
 Знаю, голос мой –
 звонок, молод, чист.

***

На земле рязанской,
 в светлый день осенний
 Появился мальчик –
 наш Сергей Есенин.
 Рос среди лугов он,
 средь полей России,
 Сочиняя песни
 на просторах синих.
 Не хотел по жизни
 ничего иного,
 Только б о России
 вслух замолвить Слово.
 И до самой тризны пел,
 не уставая,
 Плача по Отчизне,
 Русь благословляя.

***

На смену нам идут другие:
 Уверенные, молодые,
 Талантливые, озорные...
 А мы уйдём в миры иные.

А мы уйдём, как все уходят,
 Как все, ушедшие до нас.
 А в мире... бесы хороводят.
 Их час.

Светлой памяти Владимира Гринкевича

А ты, который ушёл вчера, –
 Был честным, верным и смелым... очень.
 Погасли отныне все вечера,
 Ушли с тобой. Не стало мочи

Светить без ушедшего в скорбный мир.
 Светить другим, кто намного хуже.
 Ты был кадетам своим – кумир.
 Их детский мир тоже стал чуть уже.

И вместе с тобой ушло тепло.
 Пахнуло осенью, злой, холодной.
 Смотрю на мир я через стекло,
 А мир такой... словно волк голодный.

...Куда ни бросишь взгляд – нет его,
 Тебя, кто дружбу ценил превыше...
 Превыше Господа самого.
 (Считай, Господь, что меня не слышал.)

Ушёл подполковник, ушёл солдат.
 (Недуг тяжёлый тому причина.)
 Прости, поэт наш, писатель, брат,
 Что гложет наши сердца кручина.

Хоть мы не плачем, но больно так,
 Как будто души наши избили.
 Ты был на Земле и поэт, и солдат,
 Которого мы, как себя, любили.

Таких как ты – позабыть нельзя.
 Такие – с душой нашей общей... слиты.
 Скорбим мы очень!
 Твои друзья,
 Единомышленники, пииты¹.

¹ Владимир Гринкевич родился в Молдавии, в селе Ивановка, где жило смешанное русскоязычное население. Окончил Бакинское высшее общевойсковое командное училище. Служил в Нагорном Карабахе, в Кушке, в 14-й армии в Приднестровье. Воевал в Афганистане. Награждён медалью «За отвагу» и рядом других советских и зарубежных медалей и памятных знаков. Капитан запаса. Являлся начальником штаба казачьего общества «Хорошёво-Мнёвники». В последние годы был классным руководителем в одной из школ кадетов г. Москвы. Член лит. Объединения «Побеждающее слово» при Д/К «Гайдаровец».

ПОЭЗИЯ

Юрий ЯХОНТОВ

Юрий Александрович Яхонтов – член СП России. Лауреат конкурсов: «Лучшая книга года» 2011–2013 за книгу «Летопись славян-россов с древнейших времён до Рюрика», «Лучшая книга года» 2012–2014 за книгу «То, что в сердце давно берегу...», «Лучшая книга года» 2017–2019 за книгу «Герои стародавних времён». Лауреат Международного славянского форума «Золотой витязь» за 2016 год. Награждён орденом «Золотая осень» им. С.А. Есенина, Золотой Есенинской медалью, медалями им. А.С. Грибоедова, «Литературный Олимп», «Серебряный крест».

Живёт в Москве.

«И берёзам снится май...»

В Исторической библиотеке

Снова рукопись открыта,
Ты вникаешь, вижу я,
В то, что всеми позабыто,
Дорогое для тебя.

Строгость лёгкую движений
Видеть хочется опять,
От ушедших поколений
Нам неведомую стать.

И смотрю я сокровенно,
Душу чувствует душа.
Ты совсем несовременна,
Потому и хороша.

И ведёт тебя дорога
В глубину ушедших лет.
Отрешённый взор немного,
Словно здесь тебя и нет.

Словно этот мир – формальность,
А занятие – побег
В позабытую реальность,
В близкий, позапрошлый век.

И задумчиво печальна,
Ты спокойствия полна,

Как принцесса нереальна,
Недоступна, как княжна.

.....
Снова образ возникает,
Странно близок и далёк.
И свеча едва мерцает,
Как надежды огонёк.

***

Мы приезжали – дом был пуст,
Был сад и зелени довольно,
И одичавшей розы куст
Разросся буйно и привольно.

И дуновенья ветерка
Нам ароматы приносили.
И дом был прочен – на века,
И эфемерны розы были.

Но, в чередё ушедших лет,
Всё как-то странно оказалось.
Того, что прочно было – нет,
А эфемерное осталось.

Сказание об Улейбое и Фёкле¹

«В двенадцатом веке рифмы ещё не было»

Брань случилась под городом Угличем,
Обложили дружины ростовские,
Старый Филя был там воеводою,
Ну, а правой рукой – дочь-красавица.

С детства раннего не было матушки,
Вырастала под звоны оружия.
Вот и стала она славным витязем,
«Молодой Филя» было ей прозвище.

Объезжая заставы ростовские,
Как-то раз, пробираясь тропинкою,
Дивный холм на поляне увидела,
Он рябиной зарос и черёмухой.

¹ По мотивам сказания, записанного А. Артыновым.

Травы что-то шептали заветное,
Свой шелом положила под голову,
Прилегла отдохнуть, и задумалась,
И уснула под шорохи летние.

В это время на выручку к Угличу
Улейбой всё спешил, всё пришпоривал,
Сквозь кордоны, заслоны ростовские
Пробивался на помощь родителю.

И теперь, объезжая окрестности,
Наблюдал окружившее воинство.
На поляну наехал заветную
И увидел там спящего витязя.

Ближе, ближе подходит, и видится –
То не витязь, а красная девица,
Красотою доселе невиданной.
И стоит Улейбой очарованный.

Но схватилась она за оружие,
Шлем надела, коня расстреножила,
К поединку готовится смертному.
Но не с тем Улейбой приближается.

Взор не сводит с неведомой всадницы,
Отдаёт ей свой меч со смирением.
И себя признаёт её пленником,
И смугилась тут Фёкла, уехала.

Улейбой поутру отправляется
Во враждебные станы ростовские,
Но несёт не вражду и усобицу,
А приносит он всем замирение.

Ведь одна у нас дедина-отчина,
А потом он у Фили-родителя
Руку просит красавицы дочери,
Чтоб остаться навек её пленником.

А на Фёкле ферязь драгоценная,
Стала Фёкла прекраснее прежнего.
Смотрит князь Улейбой с восхищением,
Старый Филя и тот удивляется.

Вот и свадьба весёлая сыграна.
Но с тех пор пролетели столетия,
Позабыты дела стародавние,
Не осталось об этом и памяти.

***

Время тихой красоты.
По тропинкам осень бродит,
На раздумия наводит –
Что есть жизнь и что есть ты.

Стоит только обрести
Ощущение полёта,
Только в жизни понял что-то,
А уже конец пути.

Но душа хранит покой,
Но как прежде строишь планы,
Осень, дуновенья пряны,
Только вдруг дохнёт весной.

И берёзам снится май,
И в лесу тепло и ясно.
Осень – ты ещё прекрасна,
Подожди, не увядай.

Смотришь времени вослед,
И в желаньях – эта малость,
Чтоб не покидала благодать,
А печали вовсе нет.

Может, что-то и не смог,
И напрасны ожиданья,
Не грусти от увяданья,
Всё, что здесь, то лишь пролог.

***

Для него дорога дольше длится.
Не спеша, шагает инвалид.
С деревяшкой трудно торопиться,
Но на месте тоже не стоит.
Наблюдать и ждать возможно вроде,
Но резон идущего другой –
Кто идёт, тот далеко уходит
Даже с деревянною ногой.

Старичок успел за полем скрыться.
Топ да топ, уже и не узреть.
Верно, можно многого добиться,
Если праздно сиднем не сидеть.

***

Эта птица любима в России,
Древний символ, славянский уклад.
Золотым, и зелёным, и синим
Ярко перья на солнце горят.

Ходит он, словно главный на свете.
Он отпор дать любому горазд.
Если кто не понравится Пете,
Даже взрослому спуску не даст.

Ночь по саду идёт осторожно,
Ароматы ночные чисты.
И на сердце немного тревожно
От вселенской такой темноты.

Будто ночь без конца будет длиться.
Никого, хоть кричи – не кричи.
Но на темень смельчак ополчится,
Прокричит звонко петел в ночи.

И уходит ночная истома.
Посветлел горизонт вдалеке.
А на крыше крестьянского дома
Петушок – оберег на коньке.

Новеллы

Волшебная луна

Никита закрыл ноутбук, выключил в гостинной свет и зашёл в спальню.

– Ничего себе колотун! Проветрил так проветрил! – возмутился он, подскочил к окну и с силой захлопнул его. – Как же я забыл? Надо завязывать бухать. Фиг заснёшь теперь.

Поёживаясь, Никита быстро разделся, юркнул под одеяло и погасил ночник. Он закрыл глаза, но сонливость, накатившая десять минут назад, исчезла, не оставив и следа. Никита повернулся на бок и уставился в окно. Выщербленная луна тусклым прожектором подсвечивала кудлатые облака. Мелкие снежинки опадали блестящими искрами.

«Ну, прямо как в сказке, – подумал Никита. – Видимо, там, наверху, плевать хотели на земные проблемы. Или эксперимент какой-то замутили. Натё, жалкие людишки, головняк, а мы тут с высоты посмотрим, справитесь или нет.

Он взглянул на наручные часы. На чёрном табло светились красные жирные цифры.

– Блин, – пробормотал Никита, – двадцать три пятьдесят пять, ещё чуток – и первое декабря. Жесть. Месяц до нового года. Скорее бы уже. Надоело. Чёртов високосный год, когда он уже закончится?..»

Проблемы у Никиты начались в первых числах апреля. Небольшая типография, в которой он проработал около десяти лет, начала терять клиентов. Ещё в феврале по договорам с театрами, ресторанами и кинотеатрами они пачками печатали рекламные буклеты и афиши, но с началом карантина заказчики затянули потуже ремни и притихли. Шеф вызвал Никиту к себе.

– Всё, Никита Сергеевич, конец нам пришёл. Не справлюсь я. Кто бы мог подумать, что вот так, в один день, я потеряю всё. Мне уже сегодня за аренду нечем платить. И съехать не получается.

Олег Аронович Черняк – родился 18 июня 1961 г. в Перми. В 1976 г. окончил восемь классов физико-математической школы № 9, поступил в Пермский строительный техникум. В 1980 г. принят по распределению на работу инженером технического отдела в Пермское отделение Стройбанка СССР. В 1989 г. завершил обучение в Пермском политехническом институте. Работал на промышленных предприятиях Перми. Работая, продолжал учиться. Получил образование по специальностям экономист и психолог. Автор пяти книг. Член Пермской краевой организации Союза писателей России. Внештатный корреспондент литературно-публицистической газеты «Пермский писатель».

Живёт в Перми.

Оборудование-то куда деть? Короче, труба дело. Ты мне за эти годы как родной стал. Но делать нечего.

Шеф взял со стола конверт с логотипом типографии и протянул его Никите.

– Держи, это отступные. Полтинник. Больше не могу, хоть убей. Одно обещаю: если вдруг каким-то чудом выкарабкаюсь, сразу тебя найду. Ты большой специалист. А сейчас – прости.

– Спасибо, – ответил Никита, пожал шефу руку и, прислушиваясь к глухим ударам сердца, вышел из кабинета.

Впервые за тридцать прожитых лет он испытал жгучую потребность напиться.

Проблем со спиртными напитками в доме не было. Благодарные клиенты щедро одаривали Никиту дорогими экзотическими напитками, а уж бутылки коньяка и виски накопились столько, что можно было запросто напоить грандиозную свадьбу.

И Никита запил... Из-за карантинных нововведений шансы найти новую работу с каждым днём уменьшались, небольшие сбережения таяли, и жизнь медленно, но уверенно меняла окраску: яркие цвета превращались в нудную серость. Через пару месяцев ушла Лена. Она собрала вещи и разразилась гневной тирадой, из которой Никита узнал о себе много нового.

– Три года ты украл из моей жизни! Три года! Хорошо, что ещё не расписалась с тобой, паспорт штампом не испортила. Права была мама, ох, права! – крикнула она напоследок и пошла к двери.

У порога Лена оглянулась и презрительно окинула Никиту взглядом.

– Какой же ты жалкий... Хочешь на прощание совет? – с придыханием прошипела она. – Сбрей эту мерзкую бороду! Хотя нет. Оставь. Ты с ней похож на обезьяну!

«Ну – что? Значит, не судьба», – подумал Никита и закрыл за Леной дверь.

Он, покачиваясь, добрёл до небольшой кладовки, взял веник и тщательно подмёл пол.

С тех пор в квартире он не убирал...

За окном раздухарился ветер. Ленивые снежинки больше не казались блестящими искрами, они радостно металась из стороны в сторону и, слипаясь друг с другом, превращались в лохматые клубочки. Никита снова посмотрел на часы. «Ноль два – ноль два», – высветилось на экране. Никита довольно улыбнулся: он считал, что в таком совпадении чисел есть что-то магическое, а значит, притягательно-волшебное.

«Может, пойти коньячка хлебнуть? Так, чисто для сна. Или не пить? Сколько раз зарекался? И каждый день опять начинаю по чуть-чуть, а к вечеру – в хлам ... А страх-то всё равно не проходит. Как же дальше жить? А главное – на что?»

Он поднялся, сунул ноги в тапки и пошёл на кухню. Начатая бутылка коньяка и рюмка стояли на столе в боевой готовности. Никита налил, поднёс рюмку к носу, втянул запах, зажмурился и залпом выпил. Коньяк обжигающей дорожкой прокатился вниз и горячей волной растёкся по телу. Никита закурил бутылку, но, подумав секунду, открыл и сделал несколько больших глотков из горлышка.

– Ну, теперь точно хватит, – сказал он, и ушёл в спальню.

Коньяк сделал своё дело, и вязкая дремота принялась успокаивать гнетущие мысли, которые сопротивлялись и отбивали в висках барабанную дробь.

Никита лежал и глядел на мутную луну. Ему показалось, что она тоже смотрит на него. Смотрит пристально, выжидающе.

– Эй, – прошептал Никита. – Эй! Я не знаю, кто ты, но прошу, услышь меня и вытащи из этой ямы. Слышишь? Вытащи. Давай договоримся? А? Помоги мне. Я даю слово, что больше никогда не буду пить, только вытащи. Обещаю. И пусть этот поганый год поскорее закончится.

Утро началось с головной боли. Беспокойные мысли колотились, как невменяемые, пытаясь разорвать мозг. Никита босиком доковылял до кухни и протянул трясущуюся руку к бутылке. В глазах потемнело, и он увидел бледнолицую луну. Она смотрела на него ехидным взглядом и беззубо улыбалась.

Никита сел на стул.

– Так, значит, мне это не приснилось? – подумал он. – Это я ночью спяну на самом деле кому-то слово дал? Кому-то... Понятно, кому. А его обманывать нельзя. И что теперь делать?..

Он облокотился на стол, зажал голову ладонями и, подвывая, начал раскачиваться взад-вперёд.

Через пару минут выть надоело, и Никита встал.

– Что делать – что делать? Терпеть. Не зря говорят: Бог терпел и нам велел.

Он взял бутылку, открыл её и решительно вылил коньяк в раковину. Наллил в кружку холодной воды из-под крана и с жадностью выпил.

Никита позвонил в парикмахерскую и записался на стрижку.

Половина кресел в просторном зале была обмотана сигнальной лентой, будто это была не парикмахерская, а место преступления. Жеманный барбер в медицинской маске посадил его на свободное место и накрыл пеньюаром. Усевшись поудобнее, Никита с интересом наблюдал, как в большом, подсвеченном яркими лампами зеркале преобразается его внешность. Мастер, оттопырив мизинцы, ловко орудовал ножницами и не переставая что-то говорил. Никита задремал. Проснулся он, когда с причёской всё было закончено и барбер принялся за бритвё.

Всю неделю Никита наводил порядок в квартире. Стирал, пылесосил, вытирал пыль и мыл полы. Когда на улице темнело, он выносил к мусорным бакам пустые бутылки, уложенные в заранее натасканные из магазина коробки.

В понедельник утром зазвонил телефон. Увидев на дисплее надпись «Шеф», Никита схватил трубку.

– Здравствуйте, – сказал он.

– Привет, Никита Сергеевич! Как жив-здоров?

– Спасибо, здоров.

– Это хорошо. Работаешь?

– Нет.

– Отлично. Значит, так, Никита Сергеевич: бери ноги в руки и приезжай в типографию. Жизнь продолжается. Друзья помогли выиграть тендер. Теперь на ближайшие три года работой обеспечены, а там, глядишь, и наладится всё. Готов к труду и обороне?

– Готов! – воскликнул Никита. – Спасибо. Через час буду.

Он улыбнулся, посмотрел в окно и сказал:

– Работает, луна, работает!

Вечером Никита заехал в супермаркет. Дорожка к кассиру была обозначена хромированными переносными стойками-столбиками с натянутой сигнальной лентой. Такая же лента была наклеена на полу, на расстоянии около двух метров друг от друга. Надписи с просьбой надеть маски и соблюдать дистанцию висели над каждой витриной.

Никита подкатил тележку к кассе и выложил продукты на стойку. Кассир быстро пробивала товар и складывала его в пакет. Никита принялся: дразнящий и волнующий запах духов пробивался через маску. Он повернулся и увидел рядом молодую женщину. Не обращая внимания на объявления, призывающие соблюдать дистанцию, она стояла вплотную к нему. Лицо женщины разглядеть было невозможно. Отороченный мехом капюшон пуховика полностью закрывал лоб. Розовая маска с красными сердечками плотно закрывала нос и рот. Видны были только чуть раскосые глаза: зелёные с коричневыми крапинками. Никита решил пошутить.

– Вы знаете, – начал он. – Я и представить себе не мог, что когда-нибудь скажу эту фразу симпатичной женщине. Но сегодня, в разгар пандемии, решусь. Отойдите от меня на полтора метра!

Во взгляде женщины мелькнуло озорство. Улыбнулась она или нет, Никита заметить не мог – губы прикрывала маска.

– Смешно! – сказала она.

«Ни фи́га не смешно. Наоборот, как-то коряво получилось» – подумал Никита, расплатился и вышел из магазина.

Он сложил пакеты с продуктами в багажник и посмотрел на часы. «Девятнадцать часов – девятнадцать минут», – показал циферблат. Никита довольно потёр руки, сунул их в карманы и устоялся на дверь супермаркета.

«Как всё относительно, – подумал он. – Мы смотрим на губы и верим фальшивой, приклеенной, бездушной улыбке. А на глаза не обращаем внимания. Настоящая правда и искренность в глазах. Её не сыграть и под маской не спрятать».

– Подождите! – крикнул он вышедшей из магазина женщине и подошёл к ней. – Простите меня за тупую шутку. Мне просто хотелось вам что-нибудь хорошее сказать. И вот, как-то неловко получилось.

– Не страшно! – женщина сняла маску и улыбнулась. – В наше время все такие затурканные, что любой намёк на шутку вызывает радость. Так что мне понравилось. Я – Аля.

Она протянула ему руку.

– Никита.

Он скользнул взглядом и заметил, что у Али на пальце нет обручального кольца.

– Теперь, после всего случившегося, я просто обязан довезти вас до дому, – сказал Никита.

– Спасибо, не надо. Я в доме напротив живу, да и пакет у меня не тяжёлый: килограмм яблок.

– Тогда, может, по кофе?

– Так где сейчас попить? Лимит нынче на общение. Везде кофе с собой, а посидеть в зале в это время не получится, места заранее надо заказывать.

– Тогда – давайте, я в магазине возьму, и в машине попью?..

Он усадил Алю на переднее сидение, завёл двигатель и включил печку.

– Я ключи в машине оставляю. Не уезжайте далеко. – сказал Никита и ушёл в магазин.

Кофе закончился, и Никита отвёз Алю домой. На следующий день они снова встретились. До нового года оставалось двадцать три дня...

Новый год они встречали у Никиты. Аля добавляла последние штрихи к закускам, украшая их веточками зелени. Никита смотрел в окно на падающий снег.

«Ещё месяц назад я хотел, чтобы это год скорее закончился и всё плохое осталось в прошлом, но теперь я хочу, чтобы он длился вечно. Какая разница, какой год? Любой приносит испытания и дарит счастье. Главное, не раскидаться, а бороться, верить и улыбаться. Улыбаться искренне, душой и глазами. И тогда всё обязательно сбудется».

Никита посмотрел на луну и улыбнулся.

«Спасибо тебе за чудо! А на две тысячи двадцатый год я обиды не держу. Он ни в чём не виноват. Слышишь, луна? Я разрешаю ему не заканчиваться».

Аля оглядела тарелки с закусками и вытерла полотенцем руки.

– Вроде, всё успели? – спросила она.

– Думаю, да! – ответил Никита.

Он обнял Алю за плечи и посмотрел на часы.

На чёрном табло светились красные жирные цифры: двадцать три часа шестьдесят одна минута.

Серый

Самым радостным днём для Серого был день, когда он стал отцом тройни. Он не знал, какие чувства испытывают, когда сходят с ума от счастья, но догадывался, что именно это с ним и происходит. Выказывать восторг и вываливать свои эмоции на всеобщее обозрение не хотелось, и он отправился в лес. Так бывало и раньше: и в детстве, и в юности. Когда сердце разрывает переживания, светлые или сумрачные, он уходил подальше туда, где точно не встретишь грибников или охотников, решивших похозяйничать в лесу. Туда, где никто не найдёт, где можно расположиться на полянке и дышать глубоко и спокойно, набирая полные лёгкие воздуха до головокружения и дрожи.

В лесу в конце весны дышится по-особенному легко. Растаявший снег насытил истощённую почву влагой. Озябшие деревья, измученные долгой зимой, возвращались к жизни и утоляли жажду, вцепившись корнями в талую землю. Ветки наполнились живительной силой, распрямились и покрылись нежными листьями. Сначала робкими и незрелыми, но с каждым днём они крепчали, наливались зеленью и тянулись к небу. Серый улёгся на живот, уткнулся носом в бархатистую траву и, словно прикрываясь от полуденного солнца, закинул лапу на голову. Мягкие лучи лезли в глаза, он зажмурился и подумал, что в скором времени будет бродить с детёнышами по лесу. Он покажет им всё: и потаённые тропы, и заброшенные схроны, а самое главное – места, где лучше выслеживать добычу. И, конечно же, они с матерью научат детей охотиться. Со стороны могло показаться, что Серый заснул, но его уши приподнимались при любом шорохе, а широкие ноздри вздрагивали, уловив мимолётный запах приближающейся дичи. Он встрепенулся, приподнялся, огляделся по сторонам и помчался к логову, в которое волчица

перетащила недавно родившихся волчат. Серый понимал, что мать ещё долго не подпустит его к потомству, но желание увидеть малышей не давало ему покоя. Он остановился около норы, обустроенной под вывороченными из земли толстыми корнями сваленного старостью дерева, и просунул в неё голову. Волчата, отталкивая друг друга, жалобно пищали и тыкались мордочками в обвислый живот матери. Увидев Серого, волчица недовольно зыркнула на него и угрожающе зарычала. Серый оскалился, рыкнул в ответ и побежал в ближайшую деревню. Издали заметив дом фермера Степана, он забрался в колючий кустарник, устроился поудобнее и устался на большой загон, наспех сколоченный из пахнущего смолой горбыля. Овец в загоне было немного. Они вяло пощипывали свежую траву и тянули из яслей прошлогоднее сено. Серый заметил, что пятнистый ягнёнок отошёл в сторону и просунул голову в дырку под забором. Извиваясь словно изящная кошка, он сдавленно блеял и всё дальше протискивался в просвет, оставляя на нестроганных досках клочки кудрявой шерсти. Серый привстал, прищурился и прижал уши. Как только ягнёнок оказался на свободе, волк бросился вперёд и, набирая скорость, ринулся к жертве. Почувяв опасность, овцы, в панике, начали дико блеять и метаться по загону. Кавказская овчарка, сидящая на цепи во дворе дома, захлёбывалась лаем. Она рвалась в бой, вставая на задние лапы, но тут же плюхалась на спину, откинута назад натянутой лязгающей цепью. Серый подскочил к ягнёнку, впился ему в горло и придавил к земле. Ягнёнок пару раз дёрнулся и замер. Волк прихватил его за холку и припустил в лес. Сзади доносились звуки выстрелов, но это не пугало, а только прибавляло сил. Бросив добычу у норы, Серый победно зарычал, лёг на живот, открыл пасть и свесил набок красный язык. На запах из логова вышла волчица. Словно королева, она благосклонно кивнула мордой, радостно заурчала и, вонзив кривые когти в шкуру ягнёнка, начала разрывать её на клочки.

Серый положил голову на лапы и с наслаждением смотрел на подругу. Похудевшая после голодной зимы и родов, отдавшая все силы потомству, она всё равно была хороша. Серый перевернулся на спину и игриво заскулил, не отводя взгляд от волчицы, а она на секунду подняла окровавленную морду, дружелюбно рыкнула в ответ и снова принялась за еду. Серый продолжал валяться на спине, он лениво дрыгал лапами, отгоняя атакующих мошек. Он наслаждался происходящим и подумал: «Хорошо, что когда-то отбил от своей стаи и завоевал расположение дочери предводителя чужаков». До этого Серый полагал, что самое большое блаженство – это охота, но после рождения малышей понял, что семья и забота о ней и есть настоящее счастье. Он верил, что скоро семья станет больше и превратится в непобедимую стаю, ответственность за которую он будет нести с гордостью и честью. А когда придёт время, и он почувствует слабость, то не будет дожидаться позорного проигрыша в бою за власть, а попросится со всеми и уйдёт умирать высоко в горы. И тогда в памяти детей и внуков он навсегда останется непобедимым героем – мудрым, отважным и справедливым.

Лето и осень Серый водил семью по лесам, но к холодам они вернулись в покинутое логово под вывороченным деревом. Место было удобным: вроде и в чаще, и в тоже время недалеко от деревни, в которой в трудные времена можно добыть пропитание. Двор фермера Степана был для этого идеальным местом: живности полно, а хозяин частенько от души попивал самогон. Да так, что ночью его и пушкой не разбудить.

Пришла зима. Лес засыпало непролазным снегом. Замёрзшие деревья нарядились в искристые белые шапки. На мёрзлых ветках ютились вороны. Они прижимались друг к другу и, спрятав клювы под сизые крылья, дремали. Чёрное безоблачное небо переливалось мерцающими пятнами звёзд. Выщербленная луна тускло освещала протоптанные зверьми тропы.

Серый с волчицей оставили детёнышей в логове и двинулись в деревню. Волки почуяли запах свежей крови и пошли на него. Предвкушение удачной охоты будоражило воображение и пробуждало аппетит. В снегу у забора валялась коровья нога. Волки переглянулись и рысью кинулись к ней, оставляя после себя прямую строчку следов.

Звук от выстрела дулетом отозвался в ночной тиши громopodobным эхом. Серый прижал уши и опустил на снег. Через просветы в заборе он увидел Степана, который, шатаясь, заряжал ружьё. Из глубины двора доносился истошный лай кавказской овчарки, запертой в сарае. Мужик прицелился и снова выстрелил. Пули взрыхлили снег в метре от волка. Серый вздрогнул. Он огляделся и увидел волчицу. Она лежала на боку с простреленной головой. Обезумев от ужаса, Серый уже не обращал внимание на пальбу, схватил подругу за холку и потащил в лес.

Добравшись до логова, он отпустил волчицу, высоко задрал морду и тягуче завыл. Волчата прыгали около матери, шпыняли её носами и теребили лапами, но она не шевелилась. Щенки уселись рядом с отцом, устались на луну и, подражая ему, подняли протяжный вой.

Серый смотрел, как ветер поднимает пухлые снежинки и опускает их на бездыханное тело. Сначала их было немного, они лишь слегка прикрывали густую шерсть, но ветер усиливался, и вскоре волчица была засыпана нежным ватным снегом. Серый лёг рядом и уткнул нос в лапы. Простить смерть подруги он не мог и на рассвете отправился к дому фермера. Волчата не понимали, куда идёт отец, но поплелись следом, словно чуя, что именно сейчас они должны быть рядом с ним. Добравшись до деревни, стая притаилась за сугробом.

Степан в телогрейке, надетой на тельняшку, убирал снег возле калитки. Взмахнув пару раз лопатой, он бросил её в сугроб и сел на лавку около забора. На широком пне, заменявшем столик, лежал полиэтиленовый пакет, на котором стояли початая бутылка самогона и тарелка с нарезанным кружочками солёным огурцом и гладкими ломтями сала, пронизанного мясными прожилками. Степан налил полстакана, взял огурец и крикнул через плечо залившемуся безудержным лаем псу:

– Да заткнись ты, пустобрёх! Нет тут никого!

Степан поднял глаза и выронил стакан.

– Твою же мать, – прошептал он и начал медленно подниматься.

Из-за сугроба на него мчалась стая волков. Степан закричал.

Серый резко остановился, присел на задние лапы, оттолкнулся и прыгнул. Он схватился за ворот телогрейки, повис на ней и повалил мужика в снег. Волчата, необученные охоте, приняли всё за игру. Они кусали Степана за ноги, не давая подняться. Серый злобно рычал. Он отпустил воротник, широко разинул пасть и вцепился Степану в шею. Он вгрызался всё глубже и глубже, пока горячая кровь из распоротой артерии не хлынула в морду. Волк победно рыкнул и не спеша побежал прочь, волчата припустили за ним.

Позади раздался дикий крик, потом хлопнул выстрел, затем другой. Серый оглянулся и увидел, что, склонившись над Степаном, орёт убитая горем

жена, а его сын стреляет по ним. Волчата притихли, замерли и вжалась в снег. Серый развернулся и широкими прыжками рванул обратно – потерять детей он не мог. Снова раздался выстрел: пуля попала ему в брюхо и откинула назад. Серый взвизгнул от боли и упал. Кровь мелкой горячей струйкой потекла на снег. Вторая пуля угодила в спину.

Прислушиваясь к угасающим ударам сердца, Серый поднял голову и увидел, что волчата быстро убегают, скрываясь вдали. Они изредка оглядывались назад, словно понимали, что навсегда прощаются с умирающим отцом.

Серый выдохнул протяжно, со свистом, и медленно закрыл глаза.

